

11-36

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

130

АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

130

АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1972

Выпуск содержит материалы по археологии античных памятников на территории СССР. В нем помещены статьи, посвященные проблемам связей античных городов Северного Причерноморья, вопросам керамического производства в античных центрах, погребальным памятникам этого времени. Ряд работ публикует археологические материалы, полученные благодаря новым раскопкам. Включены статьи, касающиеся предметов искусства.

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, А. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Круликова (ответственный редактор), К. Х. Кушарева,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, П. А. Раппопорт
(зам. ответственного редактора), В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

Г. СТАТЬИ

Е. М. АЛЕКСЕЕВА

ПРЕДМЕТЫ ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА
VI в. до н. э.—IV в. н. э.
В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Предметы из египетского фаянса объединяют обширную группу бус, амулетов и мелких украшений. Учтено свыше 9000 изделий из этого вида материала, происходящих из античных центров Северного Причерноморья. Название «египетский фаянс» условно, так как у предметов этой группы нет глинистой основы, характерной для фаянса.

Традиция изготовления глазурированных изделий в Египте восходит к IV тысячелетию до н. э.¹ Первоначально основой для глазуровки служил мягкий и устойчивый к высоким температурам минерал стеатит. Вырезанное из стеатита изделие перед обжигом покрывалось шликером — толченой смесью силикатов натрия, кальция и какого-нибудь красителя, разведенной в воде, а позднее заранее приготовленной жидкой глазурью². В Древнем Египте существовали и глазурированные предметы с основой из твердых минералов — кварца и горного хрусталя³.

Фаянсовую основу умели готовить искусственно. Состав ее был определен в 1893 г. в Лондонском музее практической геологии⁴. Последующие неоднократные исследования египетского фаянса подтвердили вывод о том, что основа его состоит из смеси тонкого кварцевого песка с карбонатом соды, а также дополнили сведения о его свойствах. Воспроизвести египетский фаянс удалось только в 1968 г. Профессор Нью-Йоркского университета Ж. В. Нобль синтезировал его точную формулу и установил, что основной составной частью египетского фаянса является натрон — природное химическое соединение, добывавшееся со дна Натроновых озер в Африке⁵. Изделие формовалось из толченой и разведенной в воде смеси натрона, кварца и окрашивающего компонента.

Специальному изучению были подвергнуты только ранние египетские фаянсы. Еще не проведены исследования, которые определили бы разницу в составе и технике обработки этого вида материала по эпохам.

¹ А. Лукас. Материалы и ремесленное производство Древнего Египта. М., 1958, стр. 96; А. Киса. Das Glas im Altertume. Leipzig, 1908, t. I, стр. 34; W. M. Fl. Petrie. Prehistoric Egypt. London, 1920, стр. 42; J. V. Noble. The technique of Egyptian faience. AJA, vol. 73, 1969, N 4, стр. 435.

² Н. Качалова. Стекло. М., 1959, стр. 45, 54.

³ А. Лукас. Указ. соч., стр. 92; W. M. Fl. Petrie. The arts and crafts of ancient Egypt. London, 1923, стр. 107—108.

⁴ J. V. Noble. Указ. соч., стр. 436.

⁵ Там же.

Изготовление глазурированных предметов в античное время, несомненно, продолжало древнеегипетскую традицию. Однако фаянс античного времени своеобразен, изделия из него отличаются от украшений предшествующих эпох не только сюжетами, но и окраской, меньшей стекловидностью, грубостью, а иногда наоборот большей проработкой деталей. Он неоднороден. Для определения качества основы и характера покрытия мы вводим условное понятие фактуры. По фактуре фаянсовые украшения античного времени, найденные в Северном Причерноморье, делятся на четыре группы:

1. Хрупкие изделия с крупитчатой мелкозернистой и легко осыпающейся основой, покрытой тончайшим слоем глазури. Очевидно, они относятся к «самоглазурирующимся фаянсам»⁶. Для изготовления использовали вязкую массу определенной густоты, способную удерживать форму. Изделия оттискивали в формах и сушили открытыми. При высыхании растворимые в воде углекислые соли вместе с окрашивающим компонентом по системе капилляров поднимались к поверхности, образуя здесь пудрообразный слой, который плавился во время обжига, делая поверхность блестящей и ровной.

2. Прочные предметы без стекловидного покрытия, сделанные из плотной мелкозернистой массы. Поверхность и излом у них слегка шероховаты, сверху и в глубине ядра материал окрашен одинаково интенсивно. Это так называемый полустеклянный фаянс⁷. По составу он подобен самоглазурирующемуся фаянсу, однако незначительные изменения в составе и пропорциональном соотношении компонентов не способствовали стягиванию солей к поверхности, а сохраняли их внутри ядра.

3. Украшения насковзь стекловидные. У мелких украшений может совсем не быть ядра, у более массивных оно небольшое в центре изделия. Такие предметы похожи на стеклянные, но их отличают застывшие у поверхности мелкие крупинки. Очевидно, основа у этих изделий имела легкоплавкий состав, а высокая температура обжига способствовала почти полному ее остеклению. Только в глубине оставалось непроваренное ядро; тугоплавкие вещества сохранялись в крупинках.

4. Грубые изделия с крепкой пористой беловатой пемзообразной основой, покрытые сверху неровным слоем глазури, которая затекала в углубления и окрашивала верхние слои основы. Со временем глазурь осыпалась.

Относительно места изготовления предметов из египетского фаянса в античную эпоху мы почти не располагаем данными. В Древнем Египте они производились повсеместно. Фаянсовые мастерские времени Эхнатона открыты в Тель-Амарне, около десяти тысяч формочек для изготовления фаянсовых амулетов было найдено в Кантире, следы производства фаянсовых изделий обнаружены в Мемфисе, Фивах, Гуробе⁸. О продолжении традиции этого производства в Египте в античное время свидетельствуют только остатки мастерской первой четверти VI в. до н. э. в Навкратисе⁹. Помимо готовых изделий и различных материалов, здесь найдено 678 формочек для изготовления скарабеев, одна для фигурки Беса, две для лежащих львов и несколько для голов-скарабеейдов. Мелкие фаянсовые изделия навкратийской мастерской были найдены на Родосе, а в Северном Причерноморье — в Ольвии и на Березани. Очевидно, на северные берега Понта украшения навкратийской мастерской доставлялись

⁶ J. V. Noble. Указ. соч., стр. 436 и сл.

⁷ Там же.

⁸ Н. Д. Флиттнер. Стекло-керамические мастерские Тель-Амарны. ЕРИИ, т. I, 1922, стр. 137—167; А. Лукас. Указ. соч., стр. 258; W. M. Fl. Petrie. Tell-el-Amarna. London, 1894, стр. 25—31, табл. XIII—XXI, XLII.

⁹ W. E. Fl. Petrie. Naukratis. London, 1886, ч. I, стр. 36—38, табл. XXXVII—XXXVIII.

милетскими, а возможно, и родосскими купцами¹⁰. Несомненно, тогда же вне Египта существовали и местные подражания маленьким египетским глазурированным амулетам. Есть свидетельства тому, что их копировали, например, на западе — на территории современной Испании.

Вероятно, импорт фаянсовых изделий навкратийской мастерской в Северное Причерноморье существовал только в VI в. до н. э.; с концом саисской эпохи и началом персидских завоеваний в Египте, т. е. с последней четверти VI в. до н. э., прекращается производство фаянсовых украшений в Навкратисе и их поступление в Северное Причерноморье. Завезенные, они продолжали жить здесь и в V в. до н. э. После некоторого перерыва начиная с IV—III вв. до н. э. предметы из египетского фаянса, отличающиеся от ранних, вновь начинают проникать в Северное Причерноморье. Особенно широко они распространяются здесь во второй половине I в. до н. э. — II в. н. э.; некоторые формы доживают до IV в. н. э. В это позднее время фигурные фаянсовые украшения передают преимущественно египетские сюжеты и изображения, связанные с теми культурами, которые возникли при слиянии двух культур — египетской и античной. Некоторые вещи, подобно ранним, помечены египетскими иероглифами. Все это позволяет полагать, что изделия из фаянса продолжал выпускать какой-то центр Египта. Ф. Петри отмечал, что даже изготовление фаянсовых украшений в открытой им навкратийской мастерской начала VI в. до н. э. находилось в руках ремесленников-греков¹¹. Со временем процесс эллинизации Египта усилился; очевидно, в эллинистическое и римское время египтяне уже не занимались производством этих предметов. Старая традиция жила в выборе сюжетов, но постепенно исчезли иероглифы, терявшие смысл для нового времени. Античная культура принесла и новые изображения. Так, становятся распространенными подвески-гермы. Однако нам пока не известны какие-либо центры, выпускавшие фаянсовые украшения в эллинистическое и римское время. Наибольшее число самих фаянсовых предметов III в. до н. э. — III в. н. э. найдено на территории Советского Союза. Это позволяет предполагать, что какой-то центр Египта выпускал мелкие фаянсовые вещицы преимущественно для торговли с северными берегами Понта, где они пользовались наибольшим спросом.

Б. Б. Пиотровский, исследуя изделия из египетского фаянса, найденные на территории Советского Союза, наметил основные пути их распространения. В раннее античное время они шли через Милет, Родос и Кипр к берегам Понта, а также через Переднюю Азию в Закавказье. С эпохи эллинизма посредником в распространении египетских фаянсовых изделий в Причерноморье стала Синопа. В Среднюю Азию вещи из Египта могли попадать через Индию. Размах торговли в римское время привел к проникновению фаянсовых изделий из Северного Причерноморья и Приазовья по рекам на север. Оттуда же вещи попадали на Северный Кавказ, а через Кавказский хребет и через западное побережье Грузии — в Закавказье¹².

8055 изделий¹³ из египетского фаянса, найденных в Северном Причерноморье, представлены 58 формами (рис. 1—3), которые распределяются

¹⁰ К. М. Колобова. Греки в Египте. УЭЛГУ, серия исторических наук, вып. 14, 1949, стр. 266 и сл.

¹¹ W. M. Fl. Petrie. Naukratis, ч. I, стр. 36.

¹² Б. Б. Пиотровский. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. СГАИМК, 1931, № 6, стр. 28—30; он же. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, № 1, стр. 20—28.

¹³ 8055 — это количество изделий, добытых археологическими раскопками. Сверх того, в музеях хранятся большие коллекции предметов из египетского фаянса античного времени, купленные у частных лиц, но, вероятно, также составленные из находок в Северном Причерноморье.

следующим образом: 1) изделия геометрических форм — 7625 экз., т. е. 94,66% изделий. Всего 11 форм, из них: 77,43% изделий — короткоцилиндрический бисер; 7,83% изделий — округлые ребристые бусы; 9,40% изделий — остальные 9 геометрических форм; 2) фигурные формы — 430 экз., т. е. 5,34% изделий. Всего 47 форм, из них: скарабей — 91 экз., амфорка — 45, лежащий лев — 33, двойные цилиндрики — 29, подвески-гениталии — 29, виноградная гроздь — 27, рука с кукишем — 19, фигурка Беса — 14, лягушка — 14, черепаха — 14 экз.; остальные 37 форм — единичны.

Наиболее распространенные короткоцилиндрические бисерины и округло-ребристые бусы присутствуют во всех античных памятниках. Фигурные украшения редко повторяются, что свидетельствует о малосерийности их производства, кратковременном использовании форм и об индивидуальной обработке деталей. Крупные центры Северного Причерноморья дали наиболее полные коллекции разнообразных фигурных изделий.

В окраске предметов из египетского фаянса отмечено 11 цветов и оттенков: бирюзовый — 7767 экз. — найдены повсеместно; белый — 112 — Ольвия; буро-красный — 95 — Ольвия; грязно-фиолетовый — 32 — Ольвия; Херсонес, Пантикапей, Кепы, Танаис; темно- и грязно-синий — 21 — Ольвия, Пантикапей, Фанагория, Танаис; светло- и желто-зеленый — 20 — Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Кепы, Танаис; желтый — 5 — Пантикапей и Танаис; темно-зеленый — 2 — Пантикапей; коричневый (?) — 1 экз. — Пантикапей.

Бусы, амулеты, фигурные подвески и пронизы из египетского фаянса обычно входят в наборы украшений, перемежаясь в них с бусами из других материалов. Самостоятельные длинные нити, составленные из нескольких десятков и даже сотен экземпляров, образуют только короткоцилиндрические бисерины бирюзового цвета, иногда также биконические бирюзовые бусины. Обычным является сочетание в наборе изделий двух—пяти, редко шести—восьми форм, однако в ожерельях известны и единичные предметы из египетского фаянса. Одинаковые сочетания нескольких изделий и наличие самостоятельных нитей бус из египетского фаянса позволяют предположить, что эти предметы поступали в Северное Причерноморье либо готовыми наборами, либо смешанной россыпью, из которой покупатель сам составлял нужный ему набор. Фигурные изделия иногда дополняли бисерные или бронзовые цепочки. В отверстиях таких фигурок сохраняются отрезки тонкой проволоки, концы которых перекручены и образуют петельки. Одна петля цеплялась за другую — так составлялась цепочка.

В Северном Причерноморье большая часть комплексов с предметами из египетского фаянса приходится на долю детских погребений, для которых особенно характерны наборы фигурных подвесок и пронизей; это объясняется самим назначением этих предметов, служивших амулетами — апотропеями.

Хронологическими показателями для предметов из египетского фаянса являются: форма и ее детали, цвет, характер фактуры, знаки на оборотной стороне изделий. Украшения из египетского фаянса, найденные в античных центрах Северного Причерноморья, четко распределяются по двум временным группам. Одна датируется VI—V вв. до н. э., другая — второй половиной I в. до н. э.—III в. н. э. Возможно, существует еще одна промежуточная группа изделий, относящаяся к IV—II вв. до н. э., но она малочисленна и выделяется нечетко.

В VI—V вв. до н. э. были распространены маленькие гладкие округлые бусы неправильных очертаний, мельчайшие короткоцилиндрические бисерины с диаметром не более 2 мм, бочковидные и веретеновидные бусы, простые скарабей с выделенной головой, двумя гладкими крыльями и иногда лапами (рис. 2, 30, 33; рис. 3, 23, 28, 32, 33). В ранних комплексах встречаются также маленькие шаровидные ребристые бусы, дольки на ко-

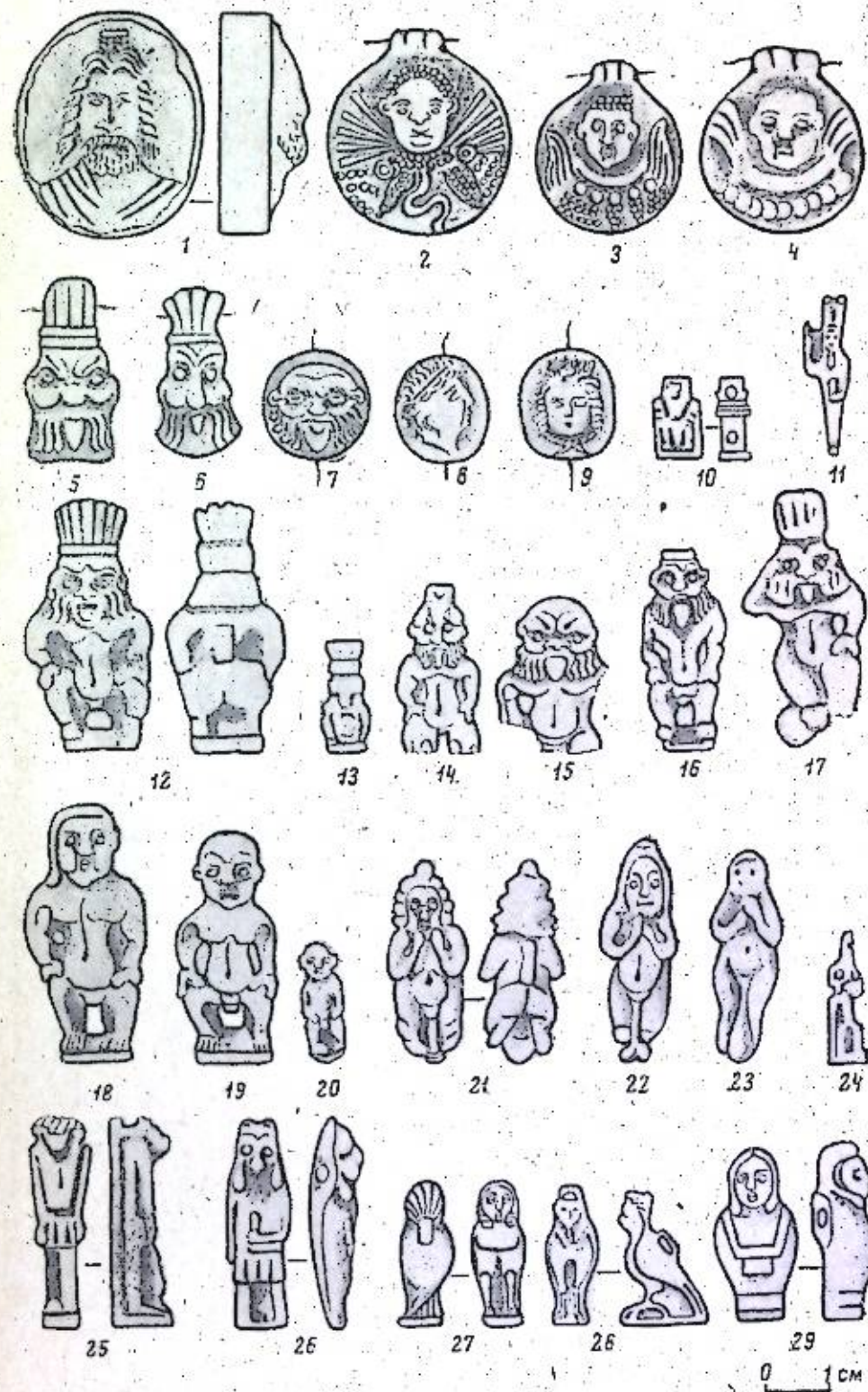

Рис. 1. Фигурные подвески и пронизы из египетского фаянса

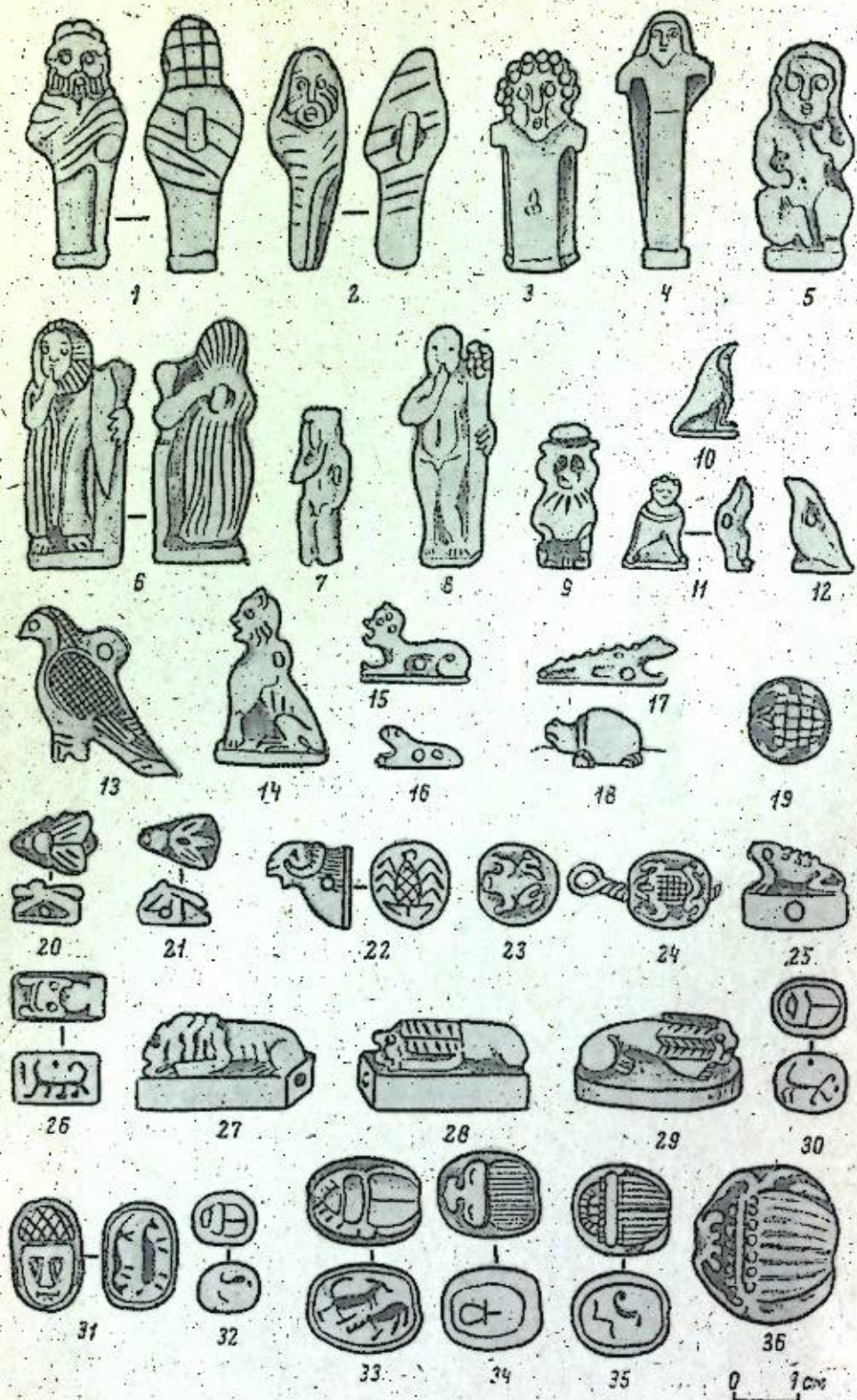

Рис. 2. Фигурные подвески и проны из египетского фаянса

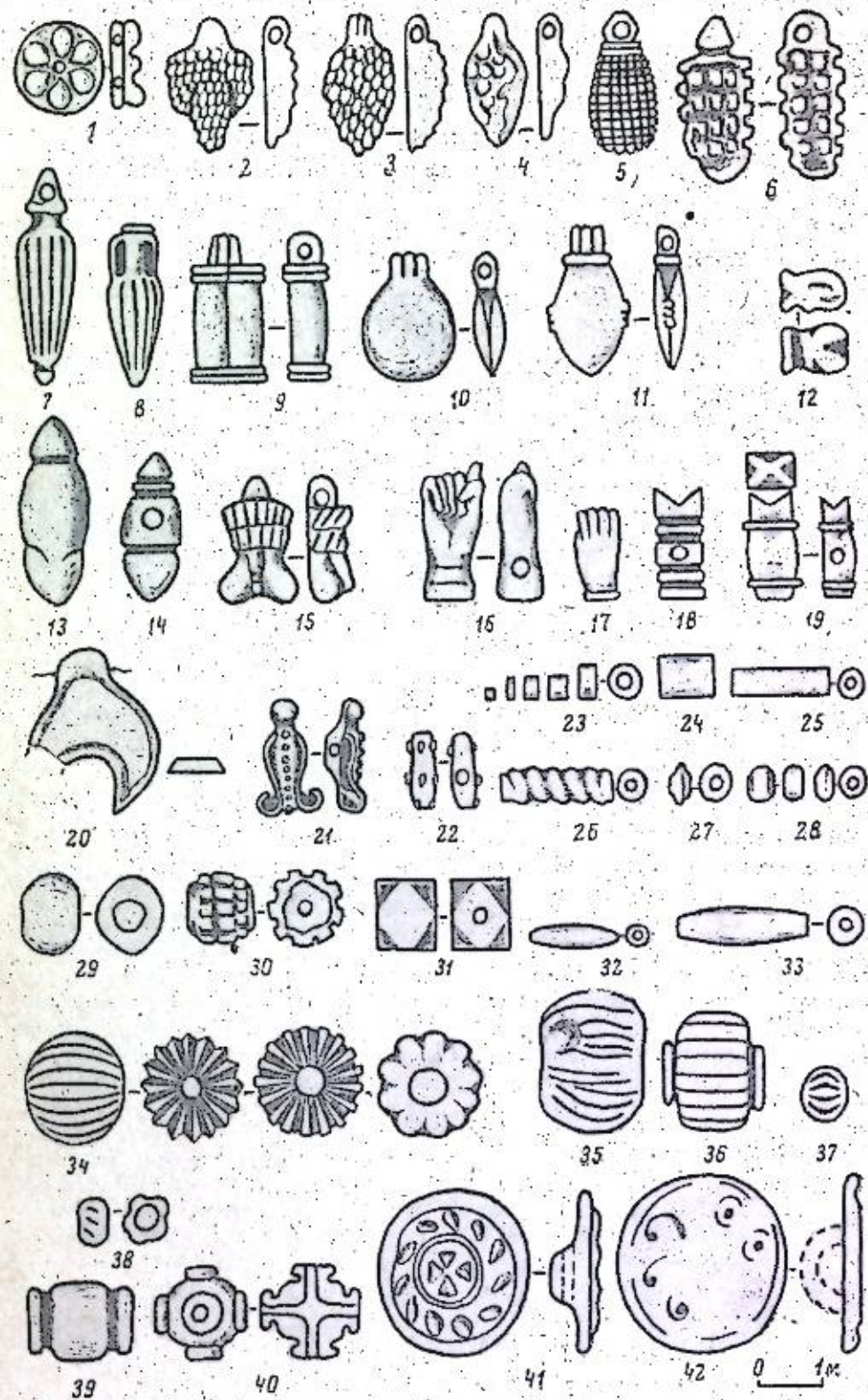

Рис. 3. Бусы, пугоницы, фигурные подвески и проны из египетского фаянса

торых обозначены аккуратными не доходящими до краев отверстиями насечками; небольшие пронизы, изображающие лежащих на плакетках стилизованных львов; подвески-шишки; пронизь в виде прекрасно исполненной головы барана с изогнутыми рогами, украшенная тонкими насечками; пронизь-скарабеонд с изображением лица (рис. 2, 22, 26, 31; рис. 3, 5, 6, 37). На обратной стороне фигурных изделий помещены сложные знаки в виде скорпиона, идущих или лежащих под солнечным диском льва и сфинкса, борющихся животных, сидящей обезьяны, короны атеф, сокола, женской фигуры, держащей животных, и сложных иероглифов. Фактура 1, белый и буро-красный цвета изделий характерны только для этого периода, однако в это же время были распространены украшения светло- и грязно-бирюзового цвета, а также фактура 2; для ранних предметов характерны узкие каналы отверстий. Все изделия VI—V вв. до н. э. найдены в Ольвии и на Березани, только отдельные веретеновидные бусины известны в Фанагории и Пантикапее. Украшения, происходящие из комплексов VI—V вв. до н. э. Северного Причерноморья, по фактуре, изображениям и знакам подобны навкратийским, они, несомненно, являются продукцией мастерских Навкратиса¹⁴.

Фаянсовые изделия IV—II вв. до н. э. немногочисленны и не похожи на ранние, их выпускали другие мастерские, и они более близки поздней группе предметов. Очевидно, ранний и быстро прерванный ввоз фаянсовых украшений в Северное Причерноморье возобновился в IV—III вв. до н. э., но был нерегулярным вплоть до рубежа н. э. В IV—II вв. до н. э. продолжает жить короткоцилиндрический бисер, но он становится крупнее и утрачивает хрупкую фактуру 1; появляются округло-бугристые и округло-ребристые бусы с оттиснутыми в формах рельефными бугорками и дольками; распространяются усложненные по сравнению с ранними скарабеи (рис. 2, 34; рис. 3, 23, 24, 30, 34, 36). Однако все эти формы встречаются в том же или в несколько измененном виде и в более позднее время. Скарабеи продолжают снабжаться знаками, но менее сложными. Для эллинистических фаянсов характерны фактуры 2—4 и бирюзовая окраска.

Украшения из египетского фаянса поздней группы наиболее разнообразны и многочисленны (рис. 1; рис. 2, 1—21, 23—25, 27—29, 32, 35, 36; рис. 3, 1—35, 38). Ввоз их в Северное Причерноморье начинается примерно со второй половины I в. до н. э., наиболее интенсивным он становится в I в. н. э. Во II в. н. э. приток фаянсовых изделий несколько сокращается по сравнению с I в. н. э., в III в. н. э. он уменьшается еще заметнее, а до IV в. н. э. доживают лишь единичные предметы. С одной стороны, фаянсовые украшения римского времени характеризуются огрубением некоторых форм. Так, в первые века н. э. полностью отсутствуют изделия с хрупкой фактурой 1, их вытесняют предметы с плотной мелкозернистой фактурой 2 и грубой фактурой 4; гладкие округлые бусы становятся массивными и получают широкие отверстия; короткие цилиндрики укрупняются — диаметр их увеличивается до 3—5 мм; менее аккуратными выглядят теперь ребристые бусы, отверстия которых расширяются, а дольки становятся небрежно выполненными и постепенно заменяются кривыми насечками; небрежно изготавливаются и бугристые бусы, шпечки которых делаются менее округлыми. С другой стороны, в римское время появляется невиданное ранее разнообразие фигурных форм. Среди подвесок встречены фигурки карликообразного демона Беса, пляшущего или сидящего на корточках, в высоком головном уборе из перьев или с обнаженной головой (рис. 1, 12—17); фигурки патека, изображавшегося обнаженным карликом, присевшим на корточки, подобным Бесу, но без

бороды и перьев над головой (рис. 1, 18—20); обнаженные фигурки фаллического божества, связанные с культом плодородия (рис. 1, 21—23); подвески-гермы, изображающие закутанного в плащ старца, либо увенчанного мужским бюстом (рис. 2, 1—4); задрапированные и обнаженные фигурки Гарпократа, изображавшегося в виде либо стоявшего около колонки, либо сидящего мальчика с пальцем у рта, символизирующим молчание (рис. 2, 5—8); фигурки львиноголового божества (рис. 1, 25—26), бога Мина (рис. 1, 11), птицы — души Ба (рис. 1, 27—28), сфинкса (рис. 2, 15), божества, сидящего в высоком кресле (рис. 1, 10); плакетки с лицами Беса (рис. 1, 5—7), Гарпократа (рис. 1, 2—4) и Сераписа (рис. 1, 1); изображения насекомых, животных и птиц — мухи, скарабея, лягушки, черепахи, крокодила, льва и сокола (рис. 2, 10, 12, 13, 17, 19—21, 23—25, 27—29, 35, 36); имитации сосудов — амфорки, фляги, сдвоенных цилиндриков и канопы — сосуда для бальзамирования внутренностей (рис. 1, 29; 3, 7—10); изображения растительных мотивов — виноградные грозди и розетки (рис. 3, 1—4); изображения урея — символа власти, лунницы, алтарника, астрагала, сердца, фалла, кукиша и гениталий (рис. 3, 11—21).

Каждое из перечисленных изображений является символом определенного культа; возникновение этих культов уходит в века и даже тысячелетия, предшествующие античной эпохе. В новом, сильно эллинизованном обществе древний смысл изображений, очевидно, должен был либо полностью утратиться, либо сохраниться частично там, где и в первоначальном виде эти изображения имели апотропейский характер. Не случайно наиболее распространенными становятся те фигурки, смысл которых понятен всем: например, Бес охраняет веселье, добро, дом, детей; Гор и его символы связаны с существовавшим повсеместно солярным культом. Судя по количеству находок, в первые века н. э. интерес к амулетам и маленьким божкам-фетишам в Северном Причерноморье резко увеличился по сравнению с предыдущим временем.

В первые века н. э. некоторые фигурные формы, отличавшиеся в древности простотой, усложняются. Например, у львов гривы передаются выступающими один из-под другого неровными щитками; у скарабеев сильно расчленяется голова и окружается шпечками спинки. Среди геометрических форм появляются новые — биконические и четырнадцатигранные, последняя форма стала характерной в римское время для бус из всех видов материала. Помимо бирюзового цвета, в фаянсовых изделиях первых веков н. э. применяются фиолетовый, синий, зеленый и желтый цвета. Именно в это время появляются прекрасные тонкие бирюзовые изделия с плотной мелкозернистой основой без стекловидного покрытия, украшенные желтыми точками (рис. 1, 11; рис. 2, 10, 11, 17; рис. 3, 8, 21). Знаков на обратной стороне изделий первых веков н. э., как правило, нет, кроме скарабеев, на обороте которых обычно изображена змея, обвешенная бородачкой.

Мелкие украшения из египетского фаянса, наводнившие в начале н. э. Северное Причерноморье, проникали оттуда далеко на север, где долгие века служили амулетами. Находки их встречаются в разновременных культурных слоях вплоть до Скандинавии и берегов Печоры¹⁵.

¹⁴ W. M. Fl. Petrie. Naukratis, ч. I, табл. XXXVII, 4, 9, 11, 26, 80, 83, 92, 99, 103, 135, 136, 138, 139, 141—144; табл. XXXVIII, 6; ч. II, табл. XVIII, 54; XIX, 11.

¹⁵ Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза.

В. И. ПРУГЛО

АНГЛИФИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ
ИЗ МИРМЕКИЯ

С 1958 по 1966 г. в Мирмекии в северном секторе основного раскопного участка *И* интенсивно изучался культовый центр города. Были исследованы насыпи двух зольных алтарей-эсхар, относящихся к разным периодам: ко второй половине V—началу IV в. и к 20-м годам IV—первой половине III в. до н. э. Были исследованы остатки культового здания первой половины V в. и руины святилища Деметры IV в. до н. э.¹

Под основанием раннеэллинистического алтаря, возведенного в 20-х годах IV в. на месте святилища Деметры, были выявлены глинистые отложения IV в. н. э. мощностью 0,40—0,60 м, перекрывавшие руины святилища и продолжавшиеся к западу от него. Эти напластования, изученные на площади около 400 кв. м, представляют большой интерес, поскольку удалось не только датировать их по извлеченному при раскопках вещевому материалу, но и установить, по данным стратиграфии, что формирование этого слоя закончилось в 320-х годах, когда здесь было устроено основание раннеэллинистического зольного алтаря, закрывшего к ним доступ². Следовательно, время сооружения зольного алтаря, обозначающее верхнюю хронологическую границу для подстилавших его культурных напластований, дает вместе с тем надежный *terminus ante quem* для всех групп вещевого материала, в них найденного, в том числе и для английских клейм на горлах амфор Гераклеи Понтийской, интересующих нас.

Еще в 1926 г. Б. Н. Граков выдвинул и обосновал гипотезу, согласно которой центром производства определенного типа амфор с английскими клеймами следует считать Гераклею Понтийскую³. Однако проблема хронологии самих клейм продолжает привлекать внимание исследователей.

Палеографические признаки и особенности орфографии позволили Б. Н. Гракову разделить все гераклеийские клейма на две группы и отнести первую из них к последней четверти IV и к рубежу IV—III вв., а вторую — к трем первым четвертям III в. до н. э.⁴

¹ В. Ф. Гайдукевич. Мирмекийские зольники-эсхары. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 28 и сл.; он же. Работы на Боспоре. АО 1965 г. М., 1966, стр. 100 и сл.

² Подробнее о стратиграфии северного сектора участка *И* см.: В. Ф. Гайдукевич. Мирмекийские зольники-эсхары, стр. 31 и сл.; В. И. Пругло. Синопские амфорные клейма из Мирмекии. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 42; она же. Группа фасосских амфорных клейм из Мирмекии. КСИА, вып. 116, 1969, стр. 29.

³ Б. Н. Граков. Английские клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. «Труды ГИМ», вып. I, 1926, стр. 165 и сл.

⁴ Там же, стр. 175, 177, 179, 180, 195. Вопросы хронологии английских клейм исследовала также А. А. Нейхардт («Памятники керамической эпиграфики Мирмекии

Впоследствии Б. Н. Граков не раз возвращался к хронологии гераклеийских клейм и внес существенные изменения в свои первоначальные выводы. К сожалению, результаты своих новых исследований Б. Н. Граков не опубликовал, поэтому о них можно составить лишь приблизительное представление со слов других авторов, а именно: гераклеийское керамическое клеймение существовало примерно с рубежа V—IV вв. до середины III в. до н. э. Для его начального этапа характерны клейма, не содержащие предлога *ἐπί*. Клейма с предлогом *ἐπί*, а также клейма круглой, треугольной, листовидной и ромбической форм бытовали с начала или с середины второй четверти IV в. до 330 г. Какие клейма, согласно выводам Б. Н. Гракова, приходится на период после 330 г., остается неизвестным⁵.

Дальнейшему уточнению и выяснению более узких дат отдельных групп гераклеийских клейм может способствовать привлечение материалов, найденных в хорошо датированных комплексах или в культурных напластованиях, дата которых надежно определена. К таким материалам принадлежат и публикуемые здесь 58 гераклеийских клейм из Мирмекии (рис. 4, 5)⁶. Они были обнаружены в глинистых напластованиях, ниже основания зольного алтаря⁷.

По типу легенд интересующий нас комплекс английских клейм распадается на четыре группы.

I. Клейма с одним именем (17 клейм, 13 штемпелей). Вероятно, все клейма оттиснуты прямоугольными штемпелями, но очертания штемпелей отчетливо видны лишь в клеймах Даоса (№ 5) и Етима (№ 11—14). Кроме четырех клейм Етима (№ 11—14), поставленных одним и тем же штемпелем, в коллекции имеется два идентичных клейма Дионисия (№ 7, 8). В клеймах № 16, 17, возможно, значится имя одного и того же Стасихора, хотя они исполнены различными штемпелями.

В большинстве надписей имена разделены на две строки, и только два имени (№ 3, 5) начертаны в одну строку. Ретроградно читаются имена Даоса (№ 5), Дионисия (№ 7—9), Стасихора (№ 17). В других клеймах легенды читаются в обычном порядке — слева направо. Такие имена, как Антей (№ 1), Даос (№ 5), Дионисий (№ 6), начертаны в именительном падеже. В остальных штемпелях имена выставлены в родительном падеже, при этом в клеймах № 3, 7, 8, 16, 17 имена второго склонения

и Тиритакис как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху». Автореф. канд. дисс. Л., 1951, стр. 8 и сл.; она же. К вопросу о политике Еамела на Понте Евксинском. «Древний мир». М.—Л., 1962, стр. 596). Вывод А. А. Нейхардт о возможности выделить еще одну, третью, группу английских клейм, датированную ею последней четвертью III в. до н. э., встретил возражения Б. Д. Шелова («Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг.». МИА, № 56, 1957, стр. 208). В противоположность А. А. Нейхардт, базировавшейся в своих выводах на изучении палеографии клейм, В. М. Скудинова попыталась для уточнения дат четырех гераклеийских клейм использовать сопутствующий археологический материал («Комплекс находок из святилища Кабирос в Нимфее». КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 128 и сл.). Однако предложенной ею датировке указанных клейм началом IV в. до н. э. противоречит наличие в том же комплексе материалов более позднего времени, например украшенной кругом из насечек чернолаковой чаши. Как известно, этот мотив орнаментации возник лишь во второй четверти IV в. до н. э. Не обоснована и в значительной степени умозрительна хронологическая классификация гераклеийских клейм, предложенная И. Б. Брашинским («Керамические клейма Гераклеи Понтийской», НЭ, V, 1965, стр. 10 и сл.); см.: СА, 1971, № 3, стр. 76 и сл.

⁵ Ряд выводов Б. Н. Гракова из его вступительного очерка к разделу о гераклеийских клеймах рукописи «Корпус керамических клейм» (IOSPE, III) привел И. Б. Брашинский (указ. соч., стр. 20).

⁶ На рисунках под каждым клеймом в скобках указан его номер, согласно списку, приложенному в конце статьи.

⁷ Всего здесь было найдено 100 гераклеийских клейм, но 42 не поддаются восстановлению из-за плохой сохранности.

Рис. 4. Мирмекий. Гераклийские виглифические клейма

ния оканчиваются на σ . Во всех клеймах Етима (№ 11—14) вследствие дефекта штампа последняя буква вышла недостаточно отчетливой. Поэтому возможны два варианта чтения этого имени: Ἐτῖμοσ ; с лунарной сигмой в конце и Ἐτῖμοσ . Второй вариант чтения представляется более правильным. В имени Гераклида (№ 15) дифтонг $\epsilon\iota$ передан через ι .

II. Клейма с двумя именами, без предлога (17 клейм, 14 штампов). В этой группе, включающей 15 клейм прямоугольной формы и 2 круглых клейма (№ 30, 31), имеется три пары идентичных клейм — Еварха и Айфера (№ 25, 26), Еварха и Молосса (№ 27, 28), Гистиея и Скифа (№ 30, 31). В некоторых клеймах присутствуют эмблемы — якорь (№ 19),

Рис. 5. Мирмекий. Гераклийские виглифические клейма

гроздь (№ 20, 31), палица (№ 32, 33). Легенды прямоугольных клейм читаются слева направо, имена начертаны как в именительном, так и в родительном падежах. В ряде клейм оба имени представлены в одном падеже — именительном (№ 18, 23, 34) либо в родительном (№ 22). В большинстве же случаев одно имя фигурирует в именительном, а второе в родительном падежах. В клейме № 24 в имени Гераклида дифтонг $\epsilon\upsilon$ передан через две же начальные буквы $\epsilon\upsilon$, как это видно по аналогичному клейму из Порфмия (п. 53—1244), две последние буквы даны в виде лигатур P и Δ . В клейме № 19 имя Евфрония восстановлено по идентичному мирмекийскому клейму (M. 62—310).

III. Клейма с двумя именами и предлогом $\epsilon\pi\iota$ (20 клейм, 17 штемпелей). В этой группе имеются три пары идентичных клейм — Федора и Астрала (№ 46, 47), Молосса и Каллия (№ 49, 50), Филона и Молосса (№ 51, 52). В клеймо № 45 включена эмблема — канфар.

Легенды большинства клейм читаются в обычном порядке — слева направо. Ретроградно представлены надписи клейм № 42, 45—47, 49, 50. В клеймах № 51, 52 в обратном порядке начертаны ио и эpsilon. Имена эргастериархов второго склонения в клеймах № 37, 40, 43, 44 переданы в полной форме, с окончанием на $\omicron\upsilon$; в клейме № 41 в таком же начертании дано имя магистрата Архиппа. Для ряда штемпелей (№ 37, 40, 42, 44) характерна передача магистратских имен в сокращенном виде, имен же эргастериархов — в полной форме. В клеймах № 46, 47, оттиснутых одним и тем же штемпелем, имя магистрата имеет форму $\Theta\epsilon\delta\acute{\omicron}\rho\omicron$.

IV. Клейма с сокращениями имен и с отдельными буквами (четыре клейма). Надписи, фигурирующие в этих штемпелях, за исключением № 55, представляющего собой одну украшенную пальметкой букву, очевидно, следует истолковывать как личные имена, переданные в сильном сокращении. Штемпель № 56 сердцевидной формы. В клейме № 58 в виде двух соприкасающихся полукружий имеется эмблема-палица.

Переходя к анализу найденных в Мирмекии гераклейских клейм, напомним, что верхней хронологической границей слоя, в котором они были найдены, являются 320-е годы до н. э.

Рассмотрим сначала некоторые клейма с одним именем (№ 1, 2, 4, 7, 8, 15—17). Они сходны между собой как по манере письма, так и по способу передачи имени в две строки. Чьи имена фигурируют в этих клеймах? Правильно ответить на этот вопрос помогает найденный в Порфмнии обломок горла гераклейской амфоры с двумя клеймами, оттиснутыми разными штемпелями. Одно из этих клейм идентично мирмекийскому клейму № 2, а во втором читается имя Аристокла⁸. Не отпечатываясь на порфмнийском фрагменте первая строка этого клейма полностью восстанавливается по аналогичным клеймам⁹, по которым видно, что имя Аристокла предварено предлогом $\epsilon\pi\iota$. Отсюда мы вправе заключить, что Аристокл являлся магистратом, а второе же клеймо на фрагменте упомянутой амфоры, очевидно, было поставлено эргастериархом. Соответственно и в Археае мирмекийского клейма № 2 следует видеть эргастериарха. Клейма № 1, 4, 7, 8, 15—17, по своему типу полностью с ним совпадающие, очевидно, также следует определять в качестве клейм эргастериархов.

Обратимся к клейму № 16 с именем Стасихора: Его главное отличие от только что рассмотренных клейм заключается в присутствии между строками надписи эмблемы в виде палицы. В гераклейской эпиграфике известен ряд клейм такого типа с разделенным на две строки именем и с палицей между строками, например клейма Хиона, Каллия и др.¹⁰ В том, что эти клейма следует истолковывать как клейма эргастериархов, убеждает хранящийся в Керченском музее фрагмент горла гераклейской амфоры (№ К—6678), клейменой двумя штемпелями; одно клеймо — с именем Каллия, написанным в две строки, между которыми помещена палица, второе — также с двустрочной, но читающейся ретроградно надписью $\epsilon\pi\iota$ Αριστοχλέος .

⁸ И. И. Брашинский. Указ. соч., стр. 15, рис. 2.

⁹ Например, см.: Е. М. Штаерман. Керамические клейма из раскопок Мирмекии и Тиритак в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 390, табл. I, б. На этом фрагменте амфоры клеймо Аристокла, принадлежащее тому же штемпелю, что и клеймо на обломке амфоры из Порфмнии, оттиснуто рядом с ретроградным клеймом Арсен. Ср.: Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах армитажного собрания. Пг., 1917, стр. 120, № 13.

¹⁰ ОАК за 1869 г., стр. 216, № 223; Е. М. Придик. Указ. соч., стр. 125, № 125.

Являются ли магистраты порфмнийского клейма и магистрат, клеймивший указанную амфору из Керченского музея, одним и тем же лицом — неизвестно. Также нет данных для ответа на вопрос, одновременны оба клейма или их разделяет какой-то промежуток времени. Но эти клейма указывают на существование в гераклейском керамическом клеймени такого периода, когда рядом с клеймом эргастериарха на амфоре отдельным штемпелем ставил свое клеймо магистрат, причем его имя предварялось предлогом $\epsilon\pi\iota$. Находки же целых горл амфор, снабженных только одним клеймом эргастериарха из числа тех, которые известны в сочетании с клеймом магистратов, приводят к заключению, что в этот период не каждую амфору с клеймом эргастериарха маркировал своим клеймом магистрат. Вместе с тем пока нет сколько-нибудь убедительных данных для того, чтобы усматривать в некоторых клеймах, совершенно однотипных рассмотренным клеймам эргастериархов, марки магистратов, как нет оснований предполагать существование в керамическом клеймени Гераклен Понтийской практики маркировки амфор только штемпелями магистратов.

Из остальных клейм I группы мирмекийской коллекции упомянем клейма Апсога (№ 3) и Етима (№ 11—14). Как известно, при раскопках Александропольского кургана в засыпи входной шахты, соединившейся подземным коридором с камерой центрального захоронения, был обнаружен обломок горла гераклейской амфоры с клеймом ΑΥΟΓ , а в боковом погребении найдена гераклейская амфора с клеймом ΕΤΙΜΟΙ (ДГС, вып. 1, стр. 10, 23). Теперь, после находки в Мирмекии таких же клейм в слое, верхняя граница которого не выходит за пределы 320 г. до н. э., можно утверждать, что обе амфоры из Александропольского кургана не могут датироваться позднее указанного времени¹¹.

Из II группы мирмекийских клейм рассмотрим клеймо № 33 с именами Стасихора и Аристола. Клейма такого же типа имеются, например, в армитажном собрании. На этих клеймах Стасихор фигурирует в сочетании с Алкетом, Аристоном, Молоссом, Стифоном, причем эти имена не сопровождаются предлогом $\epsilon\pi\iota$ ¹². Вместе с тем известны клейма с именем Стасихора, во второй строке которых выставлено имя, предваренное предлогом $\epsilon\pi\iota$ ¹³. Еще Б. Н. Граков, основываясь на однотипном характере этих клейм, определил и те и другие как клейма одного и того же эргастериарха Стасихора. Поэтому весьма правдоподобно уже высказывавшееся предположение¹⁴, что в период деятельности Стасихора существовала двойная манера передачи в клеймах имени магистрата — с предлогом и без предлога. Соответственно можно предполагать, что и в остальных клеймах нашей II группы одно из имен — магистратское. Но за отсутствием данных выделить эти имена пока невозможно.

Специального рассмотрения заслуживает клеймо № 29. Правда, от него сохранилась только левая часть, но клейма такого типа известны¹⁵. В их двустрочной легенде начертано ΕΥΡΥΔΑΜΟΛΥ — имя Евридам, представленное в родительном падеже, за которым следуют две буквы ΔΥ .

¹¹ Дошедшую в обломках чернолаковую с росписью пиксиду из центрального погребения М. И. Ростовцев отнес к первым десятилетиям III в. до н. э. и соответственно датировал этим же временем и погребение (М. И. Ростовцев. Пиксида расписного склепа кургана Васюринской горы, ЗООИД, т. XXX, 1912, стр. 149). Однако те данные, на которых в своих выводах базировался М. И. Ростовцев, в настоящее время нуждаются в дополнительном изучении с привлечением новых обширных материалов, добытых раскопками в различных античных центрах и прежде всего в Афинах.

¹² Е. М. Придик. Указ. соч., стр. 126, № 158—161.

¹³ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 201, № 1.

¹⁴ А. А. Нейхардт. Памятники..., стр. 9.

¹⁵ В. Н. Юргевич. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. ЗООИД, т. XVIII, 1895, стр. 133, № 55.

Список энглифических клейм из Мирмекии

I. Клейма с одним именем

1 М. 66—343 'Ανε[ε]υς
рис. 4, 7	9 М. 59—1248 Διον[υσ]ί[ου]
2 М. 64—556 'Αρχ[ε]λα
рис. 4, 3	10 М. 64—810 Διον[υσ]οδ[ω]ρου
3 М. 59—1247 'Αφ[ε]ρο(υ)	рис. 4, 5
4 М. 65—469 Βοτα[ο]ίλα
рис. 4, 2	11 М. 62—760 'Ετ[ε]ύ[μου]
5 М. 64—564 Δ[ε]σ[ο]ς
рис. 4, 9	рис. 4, 12
6 М. 64—569 Διον[ο]ίσιος	12 М. 64—900 'Ετ[ε]ύ[μου]
7 М. 64—1092 Διο[ν]υσ[ο]ί[ου]	13 М. 65—273 'Ετ[ε]ύ[μου]
8 М. 65—470 [Δ]ιον[υσ]οί[ου]	14 М. 65—274 'Ετ[ε]ύ[μου]
рис. 4, 7	15 М. 62—733 'Ηρακ[λ]([ε])ίδα
	16 М. 65—403 [Στα]υ[χ]ό[ρο]υ
	палица →
	17 М. 64—563 Στα[υ]χό[ρο]υ
	рис. 4, 4

II. Клейма с двумя именами без предлога

18 М. 58—2321 Α[ν]θων. Διο[ν]ήρ[η]	28 М. 64—565 Εδ[ω]ρχο(υ). Μολοσσός
19 М. 61—294 'Αγ[ι]ώ[ν]ω[ν]. Εδ[ω]ρόνι[ος]	29 М. 64—711 Εδ[ω]ρ[ου]δ[ω] Αμ[μ]ο[υ]. Αγ[ι]
рис. 5, 10 якорь ←	30 М. 64—447 'Ιστ[ι]ή[ρο]υ. Σ[κ]όθα[ς]
20 М. 64—910 'Απολ[λ]ώνιος. Σκ[υ]θ[α]	эмблема в виде грозди винограда
рис. 4, 13 гроздь →	31 М. 62—653 'Ιστ[ι]ή[ρο]υ. Σκ[υ]θ[α]ς ↑
21 М. 64—570 'Αριστοκ[λ]η[ς]. Σταυ[ρ]ω[ν]ος	рис. 4, 8 вокруг эмблемы в виде
рис. 4, 15	грозди винограда
22 М. 66—456 Δαματρίο(υ). Μολοσσό(υ)	32 М. 66—447 Σκ[υ]θ[α]. Σπι[ν]θ[ά]ρου
рис. 5, 6	рис. 4, 10 палица →
23 М. 65—757 Δαμ[ά]τρατος. 'Αλ[κ]έτας	33 М. 66—458 Σταυ[ρ]ο[ρο]υ. 'Αρίστωνος
24 М. 66—460 'Ηρακλε(ι)δ[ε]α. Κ[υ]ρος	рис. 5, 3 палица →
рис. 5, 14	34 М. 58—2131 [- - -] μένυς. Μολοσσός
25 М. 62—541 Εὐά[ρ]χ[ο]υ(υ). Διο[ν]ήρ[η]	
рис. 4, 17	
26 М. 64—551 Ε[δ]ωρχ[ο]υ(υ). Αιθ[η]ρ[η]	
27 М. 64—554 Εδ[ω]ρχο(υ). Μολοσσός	
рис. 5, 9	

III. Клейма с двумя именами, одно из них с предлогом ἐπί

35 М. 66—257 Διον[υσ]οί[ου]. ἐπ[ί] 'Αγ[ι]ώ[ν]ω[ν]	42 М. 66—448 [- - -] υ. ἐπ[ί] 'Αρχ[ι]π[πο]υ
36 М. 64—504 Σάτυρος. ἐπ[ί] 'Αλ[κ]έτας	рис. 5, 7
рис. 5, 11	43 М. 66—451 Διον[υσ]οί[ου]. ἐπ[ί] Γερο[- - -]
37 М. 66—442 Βοάθου. ἐπ[ί] Αντάγ(ου)	44 М. 61—205 ἐπ[ί] Δημόχ(ράτες). 'Ιστ[ι]ή[ρο]υ
рис. 5, 8	рис. 5, 7
38 М. 59—1249 [- - -] ἐπ[ί] 'Αντάγ(ου)	рис. 5, 8
39 М. 65—468 'Αρίστω[ν]. ἐπ[ί] 'Αρίστω-	45 М. 62—552 ἐπ[ί] Εὐξ[ε]ν[ου]. Σωσιβί[ου]
рис. 5, 12 [нос]	рис. 5, 17
40 М. 62—759 'Αθ[η]ν[ο]υ. ἐπ[ί] 'Αρχ[ι]π[πο]υ	46 М. 64—1060 ἐπ[ί] Θε(ο)δώρο(υ). 'Αστραγά-
рис. 5, 13	рис. 5, 4
41 М. 64—812 'Α[- - -]αίσιος. ἐπ[ί] 'Αρχ[ι]π[πο]υ	47 М. 64—813 ἐπ[ί] Θε(ο)δ[ω]ρου. 'Αστραγάλου
рис. 5, 16	

Подобных клейм довольно много. В них читаются имена Аристиппа, Акорна, Евварха, Евридама, Феоксена, Даматрия, Геродора, Носса, Онаса, Пифодора в комбинации со следующими сочетаниями букв: ΔΙΟ, ΙΑ, ΑΥ, ΠΑ, ΦΙ¹⁶. В. В. Шкорпил считал эти буквы цифровыми обозначениями. Правдоподобнее, на наш взгляд, предположение Б. Н. Гракова, полагавшего, что здесь в сильном сокращении представлено имя второго лица¹⁷. Одинаковая схема расположения надписи и сходная манера начертания букв на этих клеймах позволяют считать их одновременными. Находкой такого клейма в Мирмекии подтверждается их принадлежность ко времени до 320 г. до н. э. Вместе с тем в настоящее время еще нет данных для решения вопроса, кем являлись те лица, имена которых содержат эти клейма. Основываться же на априорном предположении, что имя, начертанное в полной форме, принадлежит магистрату, и в связи с этим приписывать второе имя, данное в сильном сокращении, эргастерiarху весьма рискованно, поскольку известны энглифические клейма, в которых сильно сокращено как раз имя магистрата¹⁸.

Кратко остановимся еще на двух клеймах нашей коллекции. Одно из них (№ 56) имеет форму листа плюща; в нем начертаны сгруппированные по две буквы ΔΙ ΣΙ, а под ними — неясная эмблема¹⁹. Очевидно, здесь следует усматривать два имени, но они переданы в таком сильном сокращении, что всякое дополнение было бы гадательным. Второму клейму (№ 58) в виде двух расположенных рядом и соприкасающихся полукружий, в одном из которых оттиснуты буквы ΣΠΙΝ, а в другом — палица, прямых аналогий найти не удалось. Все же надпись может быть дополнена на основании ряда гераклеийских клейм²⁰, как Σπινθαρος. Так же может быть прочтено и второе имя в нашем клейме № 57. При всей соблазнительности предположения, что и в мирмекийском клейме № 58 и в других энглифических клеймах с именем Спинфа фигурирует одно и то же лицо, мы должны от него отказаться, ибо кроме палицы, имеющейся во всех этих клеймах, для отождествления этих лиц нет других данных, а сама палица в качестве эмблемы встречается при различных именах.

Подведем некоторые итоги. Прежде всего отметим, что до 320 г. до н. э. в керамическом клеймени Гераклеи Понтийской использовались самые разнообразные типы штемпелей, хотя пока остается неясным, существовали ли они или употреблялись в разное время. Особенно интересны находки четырех одинаковых клейм Етима, которые обычно датировались более поздним временем. Относительно орфографических особенностей начертания имен второго склонения изучение мирмекийской коллекции показывает, что уже до 20-х годов IV в. в гераклеийских клеймах практиковались передача родительного падежа в полной форме, с окончанием на ω.

Рассмотренные энглифические клейма из Мирмекии вносят коррективы в существующие представления о хронологии этой группы памятников. Следует надеяться, что привлечение материалов из других хорошо датированных комплексов позволит уточнить вопросы хронологического соотношения гераклеийских клейм различных типов.

¹⁶ Ср.: там же, стр. 109, № 24; стр. 114, № 59; стр. 163, № 77; В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901—1902 гг. ИАК, вып. 11, 1904, стр. 151, № 682; Е. М. Придик. Указ. соч., стр. 123, № 76; стр. 124, № 106; стр. 125, № 126, 127, 141, 142; Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 208, табл. 2, 4.

¹⁷ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 186, 202.

¹⁸ См.: Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 193, 202, № 5; Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 150.

¹⁹ Ср.: Е. М. Придик. Указ. соч., стр. 123, № 95, 96; Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 203, № 26.

²⁰ Е. М. Придик. Указ. соч., стр. 122, № 64; ср. наше клеймо № 32.

- 48 М. 65—281 ἐπι Καλλία. [Στασιχόρο(υ)]
рис. 5, 5
49 М. 63—108 ἐπι Μολοσσ(υ). [Καλλία]
50 М. 61—197 ἐπι Μολοσσ(υ) [Καλλία]
51 М. 64—809 [Φιλων. ἐπι Μολοσσ(υ)]
рис. 5, 78

- 52 М. 64—457 Φιλων. ἐπι [Μολοσσ(υ)]
рис. 5, 75
53 М. 65—467 Διδων. ἐπι Στόφωνος
рис. 5, 2
54 М. 65—471 [- - -] ἐπι Στόφ(ωνος)

IV. Клейма с буквами и с сокращенными именами

- 55 М. 64—729 буква Λ, украшенная паль-
рис. 4, 76 меткой
56 М. 64—899 ΔΙ ΣΙ
рис. 4, 6 Клеймо в виде листа плю-
ща, под буквами неясный
знак

- 57 М. 66—167 Νυσί(ου). [Σπιν(θάρου)]
рис. 4, 74
58 М. 64—911 Σπιν(θάρου)
палица →
рис. 4, 77 клеймо в виде двух сопри-
касающихся полукружий

Г. А. ЦВЕТАЕВА

ПРОИЗВОДСТВО РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ В ФАНАГОРИИ В VI—V вв. до н. э.

В период поздней архаики, в VII—VI вв. до н. э. и отчасти в V в. до н. э., наибольшее распространение в греческих центрах, особенно ионийских, имели простые сосуды, орнаментированные горизонтальными полосками или волнистыми линиями. Эти сосуды изготовлялись не только в ионийских центрах, но и в городах, с ними связанных, в том числе в полисах Северного Причерноморья, население которого долго хранило производственные традиции своих метрополий.

В Северном Причерноморье наиболее раннее изготовление сосудов с росписью, подражающей ионийской, засвидетельствовано в Нимфее, где были открыты гончарные печи и расписная керамика в них, относящиеся к первой половине—концу VI в. до н. э.¹ Здесь среди производственного брака найдены амфоры, кальпиды, ойнохой, килки, чаши, блюда с геометрическим орнаментом и растительными завитками. Небрежная и скорая роспись объяснялась культовым назначением сосудов, изготавливаемых на храмовом участке.

В Мирмекии и Тиритаке местные расписные сосуды конца VI—начала V в. до н. э. типа ионийских были выделены Р. В. Шмидт². Местом их изготовления она предположительно считала Пантикапей. И действительно, в 1962 г. И. Д. Марченко открыла в Пантикапее печь VI—V вв. до н. э. с бракованными и разбитыми сосудами, орнаментированными росписью, близкой ионийской, — полосами, волнами, точками³.

Если на европейском Боспоре нам были известны уже два центра производства расписной керамики типа ионийской, то на азиатской стороне таких центров открыто не было. Только на основании находок расписных сосудов в некрополе⁴ и керамического шлака в слоях VI—V вв. до н. э. на городище⁵ можно было предположительно говорить о производстве подобной керамики вблизи Гермонассы. Керамическое производство Фа-

¹ М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, 1952, стр. 249 и сл.; В. М. Скуднова. Местная расписная керамика Нимфея в VI в. до н. э. КСИИАН УССР, вып. 7, 1957, стр. 73 и сл.

² Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекии и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 240 и сл., рис. 8, 1—4.

³ И. Д. Марченко. Отчет о раскопках в Пантикапее в 1962 г. Архив ГМИИ; «Керамическое производство и античные керамические строительные материалы». САИ, вып. Г1-20. М., 1966, стр. 18, табл. 19, 1, 5—7.

⁴ Р. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 240.

⁵ В. Д. Блаватский. Четвертый год раскопок в Синдике. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 122, 123; «Керамическое производство...», стр. 17.

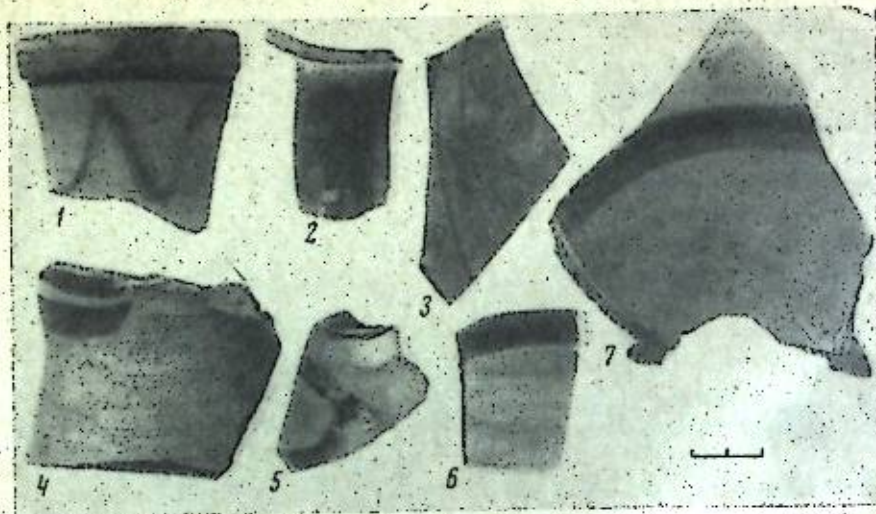

Рис. 6. Местная расписная керамика из Фанагории

нагории VI в. до н. э. устанавливалось только по находкам терракот из местной глины⁶.

Раскопки, проводимые в Фанагории в 1969 г. М. М. Кобылиной, дали материал, свидетельствующий о производстве здесь в VI—V вв. до н. э. и расписных сосудов типа ионийских. В этом году исследования производились на Центральном раскопе, расположенном в центральной части городища на нижнем плато. Слои VI—V вв. до н. э. на глубине 5,50—6,00 м на квадратах XII и XIII были насыщены обломками простых сосудов с росписью, нанесенной красками — красной, белой, черной и коричневато-красной.

Здесь же были найдены явные остатки гончарного производства, находившегося где-то вблизи: куски сырцового обмазки, может быть, от гончарной печи, куски керамического шлака с прилипшими к нему перегоревшими кусочками сырца, пережженные, сильно ошлакованные до зеленоватого цвета обломки стенок кувшинов или амфор, обломки толстостенного блюда или лутерия светлой глины, содержащего остатки сухой красной краски, кусок мела — возможное сырье для получения белой краски.

Для местных расписных изделий характерен неровный обжиг, особенно хорошо прослеживаемый в изломе, где цвет глины варьирует от желтовато-коричневого до фиолетового. Заглаживание поверхности при формовке не очень тщательное, встречаются пустоты, не снятые комочки и полоски глины; возможно, это зависит от качества приготовленного глиняного теста, недостаточно хорошо отмученного от попадания в него стеблей растений, которые, выгорая при обжиге, оставляют пустоты. Не всегда ровно ложилась на поверхность при росписи сосуда краска. Густо разведенная краска давала блеск, подобно лаку, но чаще роспись была тусклой, что зависело, видимо, от очень жидкой ее консистенции. Краски, вероятно, были такого состава, что они не закреплялись хорошо обжигом: красная и коричневатая краски часто смазываются.

Большинство найденных обломков принадлежит кувшинам, мискам, тарелкам.

⁶ В. Д. Блаватский, Раскопки некрополя Фанагории в 1939—1940 гг. МИА, № 19, 1951, стр. 214 и сл.; М. М. Кобылина, Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 27, 54.

На рис. 6, 1 представлена часть горла кувшина с выступающим венчиком (Ф.69.XIII/35, № 121), покрытым густой и блестящей, но легко осыпающейся коричневато-красной краской; по горлу этой же краской проведена зигзагообразная линия, возможно, передающая растительный орнамент. Горло кувшина с подобной росписью найдено возле пантикапейской печи VI—V вв. до н. э.⁷ Обнаружены ручки от кувшинов различных типов, в том числе двустольная, орнаментированная поперечными и наклонно наложенными полосками красной краской (Ф.69.XIII/36, № 160). Возможно, такие ручки принадлежат низким кувшинам с приплюснутым туловом, подобным найденным на афинской агоре, в Тиритаке, в Ольвии⁸. На плоских ручках кувшинов другого типа или роспись идет вдоль ручки узкой полосой красного цвета (Ф.69.XIII/36, № 136), или же черной или красной краской окрашена вся внешняя часть ручки (Ф.69.XIII/35, № 127, 137) (рис. 6, 2).

На фрагментах стенок кувшинов или других закрытых сосудов роспись располагается параллельными полосами разной ширины: или одинаковой ширины узкие белые и красные полоски, или широкая полоса красного (иногда коричневого) цвета, окаймленная узкими белыми полосками. Другая система росписи, напоминающая растительный орнамент, встречается реже: на одном обломке непараллельные дугобразные линии проведены коричневой краской (Ф.69.XIII/33, № 108), на других нанесены лучеобразно расположенные белые и красные полоски (Ф.69.XIII/33, № 107), красно-коричневые полулуны (Ф.69.XIII/32, № 22), петлеобразные полоски (Ф.69.XIII/16, № 178) (рис. 6, 3—5).

Роспись на мисках располагалась на внутренней и наружной сторонах. Найден край миски, аналогичной миске из Тиритакки⁹. В верхней части изнутри проведены полосы красной и черной красками, на наружной стороне — черная полоса в нижней части миски. На другой миске (рис. 6, 6) красной краской был окрашен край и проведена полоса под ним с внутренней стороны, горизонтальные полоски следуют и по наружной стороне. На рис. 6, 7 представлен фрагмент прекрасной по форме, напоминающей чернолаковые сосуды V в. до н. э. миски. На внутренней стороне ее — красные полоски. На толстостенных мисках белой краской покрывалась вся наружная сторона, с внутренней — только край и полоса под ним. На фрагментах тарелок красной краской обычно окрашен круг на дне и полоса вокруг него.

Таким образом, и на азиатской стороне Боспора в VI—V вв. до н. э. в местном керамическом производстве были живы ионийские традиции. Фанагория, наряду с Пантикапеем и Нимфеем, была одним из центров производства расписных сосудов.

⁷ «Керамическое производство...», стр. 18, табл. 19, 1; И. Д. Марченко, Местная расписная керамика Пантикапея VI—V вв. до н. э. СА, 1967, № 2, стр. 149, рис. 3, 1; 4, 3.

⁸ Р. В. Шмидт, Указ, соч., стр. 242, рис. 10.

⁹ Там же, стр. 239, рис. 8, 3.

И. Т. КРУГЛИКОВА

ТОРГОВЛЯ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ БОСПОРА

Изучение сельской территории Боспорского царства, проводившееся в течение двух последних десятилетий, дало в распоряжение исследователей обширный материал, позволяющий расширить наши представления об экономической жизни Боспорского государства. Давно известна большая роль торговли в экономике боспорских городов¹. Прослежены торговые связи их со Средиземноморьем, с Южным Причерноморьем и с племенами Северного Причерноморья². Но только раскопки последних лет дали возможность рассмотреть вопрос о роли торговли в жизни сельского населения Боспора.

Каким образом попадали импортные товары и изделия боспорских ремесленников в хозяйство деревенских жителей? Была ли здесь простая меновая торговля, когда земледелец не продавал, а обменивал продукты своего хозяйства на ремесленные изделия, или, может быть, денежное хозяйство характерно для боспорских земледельцев во все периоды истории Боспора? Какие именно товары приобретали земледельцы для своего хозяйства?

Основными источниками для ответа на эти вопросы являются материалы археологических раскопок: монеты, импортные вещи, изделия боспорских ремесленников.

Наиболее полно были исследованы поселения европейской части Боспора. Они показали, что роль денег, которыми в течение всей истории Боспорского царства являлись металлические монеты, не была одинаковой в хозяйстве земледельцев времени основания греческих городов или в период Ахеменидов и в хозяйствах владельцев сельских усадеб эпохи Спартокидов и тем более в экономике земледельцев первых веков н. э. Различны были также и удельный вес привозных товаров, и их ассортимент.

К числу поселений европейской части Боспора, возникновение которых относится еще к VI в. до н. э. или к самому началу V в. до н. э., принадлежат три поселения, обнаруженные неподалеку от деревни Героевки³.

¹ С. А. Жебелев. Экономическое развитие Боспорского царства. «Северное Причерноморье». М.—Л., 1953, стр. 128 и сл.

² Т. Н. Кипович. К вопросу о торговых отношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. э. «Из истории Боспора». ИГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1934, стр. 104 и сл.; И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора, МИА, № 83, 1960, стр. 15—38; она же. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, 1951, стр. 107 и сл.; В. Д. Блаватский. Античная культура в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 33; Г. А. Цвиганова. К вопросу о торговых связях Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 182 и сл.; И. Б. Брашинский. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963.

³ И. Т. Кругликова. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 69 и сл.

Челябнищево и Приозерное (Южно-Чурубашское) и расположенное, вероятно, в хоре Нимфея, поселение Андреевка Южная, находящееся в 11 км к западу от Пантикапея⁴, а также остатки поселения, расположенного на восточном склоне горы Опук (Холм «А») ⁵, по соседству с Киммериком.

Среди находок на этих поселениях характерно преобладание обломков остродонных амфор. При этом на всех поселениях имеются обломки хисских пухлогорлых амфор VI—V вв. до н. э.⁶ На Южно-Чурубашском поселении, кроме того, встречены так называемые протофазосские амфоры⁷, на горе Опук (Холм «А») и на поселении Андреевка Южная имелись сероглиняные лесбосские амфоры. В Андреевке были также амфоры «с полыми» и со «стаканообразными» доньями и ранние типы амфор с «рюмкообразными» доньями⁸. На всех поселениях⁹, хотя и в небольшом количестве, имеются обломки аттических чернолаковых и расписных чернофигурных и краснофигурных сосудов: киликов, иногда кратеров, рыбных блюд и лекифов. Из других типов импортной посуды довольно широкое распространение получили синопские лутерии и тонкостенные сероглиняные сосуды, место производства которых неизвестно. Встречаются на большинстве поселений терракотовые статуэтки как местного боспорского производства, так и привезенные из Средиземноморья¹⁰. Черепица на поселениях VI—V вв. до н. э. не встречена. Она попадает в слои более позднего времени на тех из поселений, где жизнь продолжалась в IV—III вв. до н. э. Также отсутствуют на поселениях VI—V вв. до н. э. и монеты. Впрочем, последнее обстоятельство не вызывает удивления, так как серебряные монеты этого времени очень редко встречаются даже в боспорских городах¹¹.

Более разнообразен ассортимент привозных товаров на сельских поселениях IV—III вв. до н. э. В это время обитатели сельских усадеб продавали продукты своего хозяйства за деньги. Средством обмена служили монеты пантикапейской чеканки.

При раскопках сельской усадьбы IV—III вв. до н. э. у дер. Андреевки (Андреевка Южная) были найдены шесть бронзовых монет пантикапейской чеканки, относящихся к последней трети IV в. до н. э. и к началу III в. до н. э.¹² В районе сельской усадьбы у дер. Октябрьское найдена монета середины III в. до н. э.¹³ Бронзовая монета плохой сохранности была обнаружена на поселении Золотое Восточное. Монета 330—315 гг. до н. э. лежала во рту погребенного в некрополе V—IV вв. до н. э. у хутора «Рассвет»¹⁴ недалеко от Горгиппии.

⁴ И. Т. Кругликова. Раскопки на Керченском полуострове. АО 1965 г. М., 1966, стр. 110 и сл.; она же. Античная сельскохозяйственная усадьба близ Керчи. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 206 и сл.; она же. Раскопки сельской усадьбы у деревни Андреевки. АО 1966 г. М., 1967, стр. 220 и сл.; она же. Раскопки сельских поселений Боспорского царства. АО 1968 г. М., 1969, стр. 307.

⁵ И. Т. Кругликова. Раскопки древнего Киммерика. «Археология и история Боспора». т. I. Симферополь, 1952, стр. 61 и сл.; она же. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. МИА, № 85, 1958, стр. 234 и сл.

⁶ И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора, табл. III—IV, 10—13.

⁷ Там же, стр. 79, табл. VI, 15.

⁸ Там же, стр. 72, табл. II, 7 и 8.

⁹ Там же, стр. 71, табл. I, 4; стр. 74, табл. III, 9; стр. 89, табл. XII, 25.

¹⁰ И. Т. Кругликова. Терракоты сельских поселений Боспора. САИ, вып. 00: «Терракоты античных государств Северного Причерноморья», стр. 000.

¹¹ Д. Б. Шелов. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э. НЭ, вып. V. М., 1965, стр. 33.

¹² Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. V, 56—2 монеты; табл. V, 57—2 монеты; табл. V, 61—1 монета; табл. V, 63—1 монета; Там же, табл. VI, 69.

¹³ Там же, табл. VI, 69.

¹⁴ В. Н. Карасев, А. А. Лебеденкова. Некрополь у хутора «Рассвет». КСИИМК, вып. 130, 1972.

некоторые из жителей этих поселений покупали херсонесское вино. Интересны находки на поселениях пифосов, привезенных из Колхиды²¹. Такие пифосы встречаются в боспорских городах в слоях V и IV вв. до н. э. На некоторых из поселений крыши домов были покрыты черепицей. При этом наряду с черепицей, сделанной в боспорских мастерских, часто встречается черепица, привезенная с южного побережья Черного моря, так называемая синопская.

Для приготовления пищи жители сельских поселений пользовались как лепными горшками, так и кастрюлями, изготовленными боспорскими гончарами и хорошо обожженными в гончарных печах. Были широко распространены тарелки, миски, кувшины, светильники и тонкостенные сосуды, сделанные в керамических мастерских боспорских городов. Довольно часто встречались терракотовые статуэтки, главным образом боспорского производства. Продолжают привозить в деревню и чернолаковую посуду: канфары, килики, рыбные блюда, но количество их немногочисленно по сравнению со всей остальной керамикой, находимой на поселениях. На всех сельских поселениях были найдены зернотерки овальной или прямоугольной формы из твердого камня-конгломерата, фиолетового или зеленоватого цвета, привезенного с Крымских гор, вероятно, так же, как и керамические изделия и железные орудия, купленные в городе.

Нам уже приходилось говорить о серьезных изменениях, происходивших в жизни сельских поселений Боспора в конце III—начале II в. до н. э. В это время возникает целый ряд новых поселений. Из них на берегу Азовского моря раскапывались поселения у деревень Семеновки, Мысовки, Ново-Отрадного, Золотого, в глубинной части Керченского п-ва у деревень Андреевки (Андреевка Северная), Михайловки и др. Продолжается жизнь на поселениях у деревень Огоньки, Костырино, на городище Раевском и Золотое Восточное. В азиатской части Боспорского царства во II в. до н. э. возникает укрепленная сельскохозяйственная усадьба у хутора «Рассвет»²². Вместе с тем на большей части неукрепленных поселений жизнь прекращается.

Для периода с конца III—начала II в. до н. э. до I в. до н. э. отчетливо выделяются две группы сельских поселений: богатые рабовладельческие усадьбы типа усадьбы у хутора «Рассвет» или усадьбы под Мирмекнем²³, укрепленные поселения типа Золотого Восточного и неукрепленные поселения типа Золотого Рожка. Обращает на себя внимание тот факт, что при большом распространении в городах Боспора монет конца III—II в. до н. э.²⁴ эти монеты на сельских поселениях встречаются очень редко. Это, по-видимому, в какой-то мере отражает кризисное положение в сельском хозяйстве и изменения, происходившие в это время в организации сельскохозяйственного производства. Лишь на Раевском городище были найдены три бронзовые монеты конца II—I в. до н. э.²⁵ Отсутствие монет на усадьбе II в. до н. э.—I в. н. э. у хутора «Рассвет», редкие случаи находок на сельских поселениях рельефных чаш, так называемых «мегарских», сравнительная немногочисленность родосских и косских амфор, т. е. всех тех находок, которые обычны для боспорских городов конца III и II в. до н. э., — все это свидетельствует о различиях в сельской и городской жизни в это время. Надо отметить, что в это время на

сельских поселениях появляются новые типы амфор, центры производства которых неизвестны, увеличивается количество терракотовых статуэток боспорского производства.

Наиболее заметные изменения в характере торговых связей происходят в первые века н. э.

Среди сельских поселений, существовавших в I—III вв. н. э., которые подвергались раскопкам, следует назвать поселения у деревень Семеновки, Мысовки, Ново-Отрадного, Золотого — на берегу Азовского моря; Либкинетовка, Михайловка, Андреевка (Андреевка Северная), Огоньки и другие — во внутренней части Керченского п-ва, большое количество поселений в азиатской части Боспора. Усадьбы этого времени обнаружены к югу от Чурубашского озера.

Для всех этих поселений характерно высокоразвитое денежное хозяйство. В большом количестве встречаются бронзовые монеты I—III вв. н. э. На поселении у дер. Семеновки было встречено 173 монеты, из которых удалось определить 156 монет²⁶: к I в. до н. э. относятся две, четыре — к I в. н. э. и четыре — к концу I и II вв. н. э. Все остальные — III в. н. э.

Из 34 монет, найденных на поселении Ново-Отрадное²⁷, к I—II вв. н. э. относятся восемь и к III в. н. э. — 26. При этом имеется одна монета императора Адриана, чеканенная в Александрии.

На поселении у дер. Огоньки была найдена монета города Амиса 80—70-х годов до н. э. Среди других находок на поселениях преобладают изделия боспорских ремесленников: амфоры, простая гончарная посуда, краснолаковые сосуды, терракоты, железное оружие и орудия труда. Из импортных изделий встречаются светлоглиняные узкогорлые амфоры, вероятно, привезенные из городов Южного Причерноморья, краснолаковые сосуды малоазиатского производства²⁸; различные амулеты, бусы и проны из египетского фаянса²⁹, перстень с христианской символикой из Ново-Отрадного, вероятно, были привезены из Египта. По-прежнему в хозяйствах земледельцев имеются зернотерки из камня с Крымских гор. Вся масса предметов быта из сельских поселений отражает общее состояние боспорских торговых связей. Жители деревень покупали преимущественно изделия боспорских ремесленников. Импортные товары попадали к ним через боспорские города, при этом в деревню обычно шли предметы массового производства. Наиболее дорогие изделия оседали в городах. Для характеристики внутренней торговли Боспора особенно интересно, что даже в маленьких поселках появляются небольшие лавочки, в которых продавали рыбу, а возможно, и другие предметы; так, на поселении у дер. Семеновки имеется изолированное помещение, вход в которое был прямо с улицы. На полу его была масса рыбьей чешуи и костей, там же лежали кости собаки, светильник, глиняные и стеклянные сосуды. Известно, что подобного типа помещения с отдельными входами в помпейских домах являлись лавками. Можно предполагать, что торговый обмен на поселениях первых веков н. э. получил настолько большое развитие, что там появились местные купцы, скупавшие у односельчан продукты их труда и, таким образом, являвшиеся посредниками между производителями и покупателями. Именно через них могли также производиться торговые сделки с городскими купцами.

²¹ Пифосы из глины с грубыми примесями, с поверхностью, покрытой черной краской, и с вертикальными валиками и насечками. Обломки найдены в Героевке, Южно-Чурубашском поселении.

²² Ю. С. Крушкова. Античное здание в районе Горкиппин. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 219.

²³ Раскопки В. Ф. Гайдукевича.

²⁴ Д. Б. Шелов. Материалы к истории денежного обращения, стр. 40.

²⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XI, III, 20, 23; Н. А. Оняко. Указ. соч., стр. 54.

²⁶ И. Т. Крушкова. Монеты из поселения у дер. Семеновки н. э. НЭ, вып. IV, 1963, стр. 108.

²⁷ И. Т. Крушкова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, XXV, 1956, стр. 244. Кроме того, восемь античных монет найдены при раскопках 1967 г.

²⁸ Т. М. Смирнова. Поселение римского времени близ Керчи. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 141, рис. 55; И. Т. Крушкова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 153, рис. 39, 2; Т. М. Арсеньева. Могильник у деревни Ново-Отрадного. «Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э.», М., 1970, стр. 133.

²⁹ И. Т. Крушкова. Раскопки поселения у дер. Семеновки. «Поселения и могильники...», стр. 50.

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Г. ШУРГАЯ

ГРЕКО-ЕГИПЕТСКАЯ КУРИЛЬНИЦА
ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

В собрании Отдела античного мира Государственного Эрмитажа хранится известняковый предмет кубической формы с углублением в верхней горизонтальной плоскости, закрытым конической крышкой¹ (рис. 7). Небольшие треугольные вырезы в нижней части крышки, различные в углублении следы нагара свидетельствуют о том, что указанный предмет — курильница, предназначавшаяся для сжигания благовоний, и, по-видимому, связанная с погребальным культом. Высота курильницы 11,8 см, ширина граней одинакова — 11,5 см. Глубина углубления в верхней горизонтальной грани, включая неширокий выступ для крышки, образующий ступеньку, — 9,5 см, диаметр углубления 8,5 см. Коническая крышка имеет ту же высоту, что и кубическое основание курильницы. Крышка украшена небольшим шаровидным навершием, от которого вниз, к ее основанию, спускаются углубленные желобки: одни доходят только до треугольных вырезов, через которые выходил ароматический дым курений, другие — до основания крышки, опоясанного выпуклыми зубчиками.

Узор, покрывающий поверхность крышки и кубическое основание курильницы, выполнен резцом по мягкому камню. Углубленные части орнамента были покрыты красной краской, которая местами осыпалась.

Четыре вертикальных грани основания курильницы занимают изображения, выполненные в глубоком рельефе. Эти изображения объединяются в две группы: розетки, размещенные на двух противоположных гранях (рис. 7, 3, 4), и узоры, напоминающие архитектурное оформление и конструкцию жилого дома. Один из узоров этого ряда представляет собой арку, выполненную в неглубоком рельефе (рис. 7, 1). Основания арки опираются в поперечную балку, покоящуюся на четырех столбах. Противоположная ей грань украшена узором, воспроизводящим прутья, пропущенные сквозь вертикальные столбики, два из которых, огибаемые прутьями, не видны зрителю (рис. 7, 2). По-видимому, здесь воспроизведена стена, сплетенная из прутьев. Это свидетельствует о том, что изображенные на двух гранях курильницы детали здания, очевидно, следует отнести к постройкам сельского типа.

Курильницы, воссоздающие в оформлении различные постройки, в том числе и монументальные, достаточно известны в Восточном Средизем-

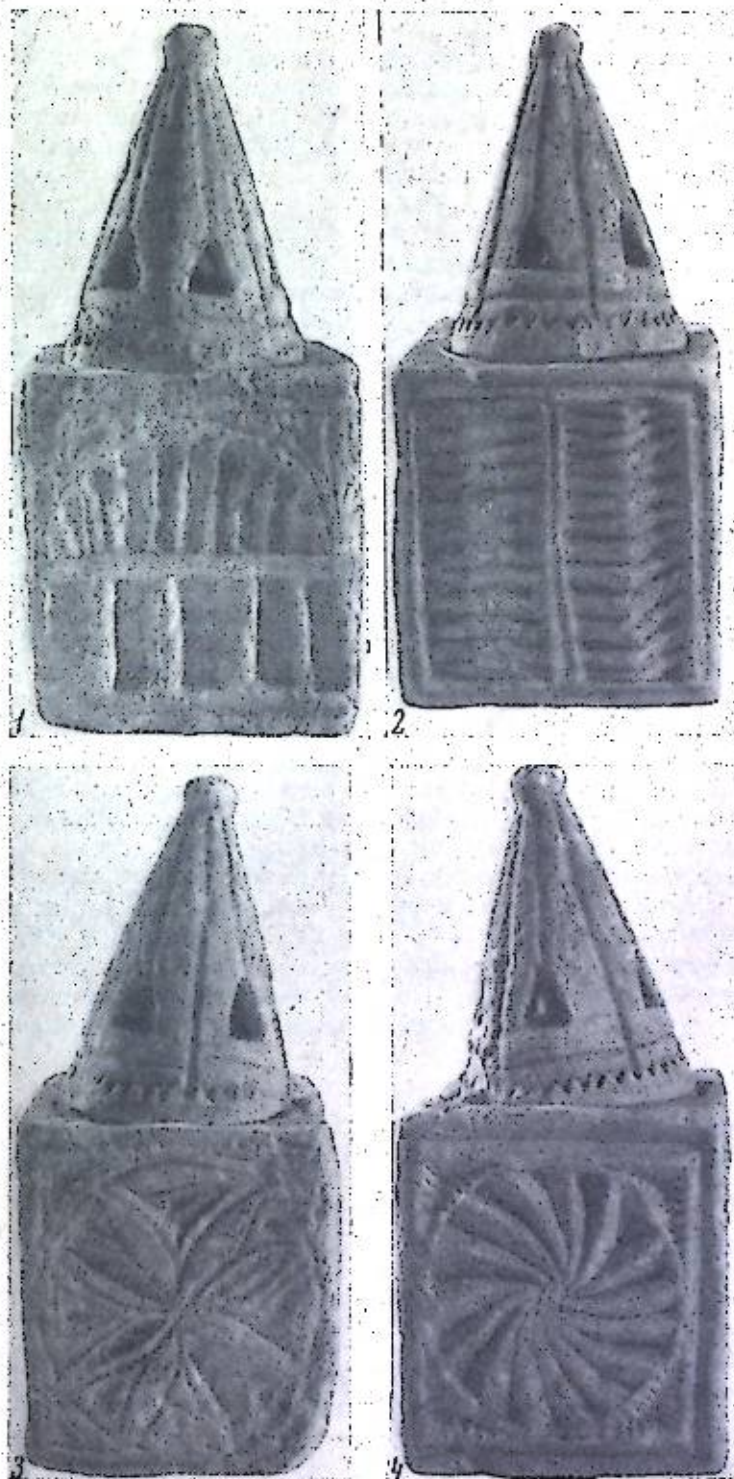

Рис. 7. Известняковая курильница. Государственный Эрмитаж

¹ Инв № Б 2433.

номере², в особенности в Египте. Глиняная курильница, представляющая собой упрощенное воспроизведение александрийского маяка Фароса, хранится в Греко-Римском музее в Александрии³. Какие же постройки напоминают собой публикуемая курильница и как определить место ее изготовления?

С территории Египта, из различных его районов — Фаюма, Мемфиса, а также и Александрии — происходит большое число предметов, чаще всего изготовленных из глины при помощи форм, целиком или частично напоминающих архитектурные сооружения. Назначение их различно. Это алтарики, светильники и курильницы. К. Кауфман издал значительную группу подобных предметов⁴; среди них есть небольшие круглые, в плане храмики, украшенные фронтонами и колонками по бокам входа, и прямоугольные по плану здания с входами, оформленными только дверными рамами⁵. Отдельные предметы воспроизводят постройки с кровлями, крытыми пальмовыми листьями, очевидно, дома сельских районов⁶. Все эти своеобразные модели деревенских домов и небольших храмов имели вполне утилитарное назначение и у некоторых из них в верхних частях, которым приданы конические очертания, были дырочки для подвешивания.

Почти все предметы этого типа с известной долей условности К. Кауфман называет «световыми домиками», полагая, что они служили вотивными светильниками, предназначенными для погребального культа⁷. Однако это определение можно отнести только к части опубликованных К. Кауфманом предметов. Так, например, четыре предмета из восьми, приведенные издателем, скорее всего курильницы, так как имеют в верхней части и по бокам небольшие треугольные вырезы для выхода ароматического дыма⁸. Публикуемая курильница более всего похожа на один из этих предметов⁹, отличаюсь лишь большей детализацией в воспроизведении жилого дома сельской местности Египта.

Наиболее интересным из покрывающих боковые грани курильницы узором является орнамент лицевой ее грани. Это переданная в невысоком рельефе арка с решеткой, опирающаяся своими основаниями на архитрав, поддерживаемый четырьмя столбами (рис. 7, 1).

Древнеегипетский сельский дом, детали конструкций которого передает публикуемая курильница, известен мало. Некоторый свет на архитектуру жилых домов рядового египетского населения проливают раскопки «пирамидного города» около современного Кахуна, относящегося к эпохе Среднего царства¹⁰. По данным раскопок удалось установить, что построенные из сырцового кирпича дома имели как деревянные по-

² Например, из Сирии происходит филадельфийский храм в виде храма с углубленной раковинно-образной нишей, наподобие арки в венчающей части входа. Три колонны, одна из которых витая, поддерживают архитрав. Курильница передает особенности сирийской архитектуры римской эпохи (см.: Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des Antiquités, v. V, стр. 544, рис. 718). На территории Грузии найдена бронзовая курильница в виде храмика с большим шишковидным навершием, снабженным дырочками для выхода благоухающего дыма. Курильница, безусловно, привозная и происходит из комплекса III в. н. э. См.: Г. М. Немецкая. Итоги работ Эгидерской археологической экспедиции в 1964—1966 гг. Археологическая экспедиция Государственного музея Грузии (отчеты 1965—1966 гг.), Тбилиси, 1969, стр. 50, табл. III, 1 (на груз. языке).

³ E. Bressia. Alexandria ad Aegyptum. Bergamo, 1914, стр. 262, рис. 124.

⁴ С. М. Кауфман. Greco-ägyptische Korpplastik. Kairo—Leipzig, 1913, стр. 121 и сл., табл. 39 и 67.

⁵ Там же, табл. 67, № 677, 679, 680—684.

⁶ Там же, табл. 67, № 678, 681, 683.

⁷ Там же, стр. 117, 121.

⁸ Там же, табл. 67, № 677—679, 682.

⁹ Там же, табл. 67, № 682.

¹⁰ М. Э. Матве. Искусство Древнего Египта. Л.—М., 1961, стр. 181—182; см. также: W. M. Fl. Petrie. Illahun, Kahun and Gurob. London, 1891.

толки, так и кирпичные сводчатые. Двери, выходящие на двор, оформлялись в виде полукруглых арок, что в ряде случаев соответствовало поперечному сечению сводчатого потолка жилой части дома. Главное помещение дома отделялось от двора колоннадой.

Приведенное описание относится к более древней эпохе, чем публикуемая курильница. Однако традиции рядового домостроительства в среде египетского населения были устойчивы, меняясь лишь в деталях. Если сравнить рассматриваемую грань курильницы с одной из росписей на стене древнеегипетского дома в Кахуне, где есть изображения архитектурных сооружений, то можно заметить близость арочной конструкции, воспроизведенной на курильнице, с оформлением фасадов домов, изображенных на росписи в Кахуне¹¹. Безусловно, полной идентичности нет, но сходство такого рода нельзя считать случайным.

По одной из моделей рядовой египетской постройки, относящейся также к эпохе Среднего царства, можно видеть, что во двор, отгороженный от улицы стенами, выходит зал, плоская кровля которого опирается на столбы¹². Это еще один из вариантов рядового египетского жилья. Стены двора значительно выше кровли жилого помещения. На эти стены положена поперечная балка, а средняя часть ее подпирается столбами, которые в свою очередь стоят на кровле жилого помещения. Очевидно, эта верхняя конструкция служила для натягивания тента над плоской кровлей, куда вела лестница со двора. В этом типе египетского дома отсутствует сводчатая конструкция, отмеченная на упомянутой росписи из Кахуна. Однако все эти данные, сведенные воедино, помогают составить в общих чертах представление о египетском доме, характерные черты которого прошли сквозь многие столетия и сохранились вплоть до птолемеевской эпохи в среде сельского населения.

Обращаясь к рельефному оформлению лицевой грани курильницы, мы теперь уже определеннее можем понять его характер. На поверхности грани изображен фасад сельского жилого дома, выходящий во двор. Жилое помещение, очевидно зал со сводчатым потолком, отделялось от двора четырьмя столбами. На этих столбах покоилась поперечная балка, на которую в свою очередь опирались тонкие столбики, дополнительно крепившие сводчатую конструкцию и одновременно пропускавшие воздух в жилое помещение.

Изображение стены, сплетенной из прутьев, на противоположной грани лишний раз подкрепляет наше предположение о сельском доме птолемеевского Египта, в котором сохранились многие черты домостроительства древнейшей, доэллинистической эпохи.

Если в домах египетской знати, помимо камня и дерева, широко практиковался сырцовый кирпич, то рядовое население Египта строило свои жилища главным образом из кирпича-сырца, глины и тростника. Это были основные строительные материалы, использовавшиеся в домостроительстве рядовых египтян с древнейшей поры до греко-римского времени. Применение тростниковых плетений широко использовалось в Древнем Египте не только в гражданской, но и в древнейшей храмовой архитектуре¹³. Безусловно, что и в птолемеевскую эпоху плетенки из тростника продолжали применяться наряду с другими строительными материалами в среде сельского населения. Об этом лишний раз свидетельствует оформление одной из граней эрмитажной курильницы.

На двух других гранях курильницы исполнены чисто декоративные узоры, не стоящие в связи с изображениями жилища. Одна из указан-

¹¹ М. Э. Матве. Указ. соч., стр. 181, рис. 876; см. также: W. M. Fl. Petrie. Указ. соч., стр. 7, табл. XVI.

¹² W. C. Hayes. The Scepter of Egypt. Cambridge, 1959, стр. 263, рис. 170.

¹³ М. Э. Матве. Указ. соч., стр. 25—28.

А. Н. КАРАСЕВ

РАСКОПКИ ОЛЬВИЙСКОЙ АГОРЫ В 1967—1969 гг.

В 1967 г. после двухлетнего перерыва были возобновлены работы Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР¹; в частности раскопки двух общественных зданий: одно из них находилось при входе на агору (раскоп Ез), другое замыкало площадь с юго-востока (раскоп Еб). Оба здания, построенные в IV—начале III в. до н. э., в период интенсивного городского строительства, выделяются своими размерами, планировкой, высокой строительной техникой, указывающими на их особое значение для полиса. Совокупность данных, полученных в результате раскопок, позволила определить здание у входа на агору как дикастерий, а юго-восточное отождествить с гимнасием². Задача настоящей статьи — дать общую краткую характеристику этих монументальных памятников ольвийского зодчества на основании работ последних лет.

Раскоп Ез. В 1967—1969 гг. исследовалась южная часть здания суда — дикастерия; раскрытие его теперь можно считать в основном законченным (рис. 8). От здания сравнительно хорошо сохранились слоевые фундаменты. В 1968 и 1969 гг. были открыты остатки каменных кладок. Здание занимало площадь в 827 кв. м и состояло из большого двора размером 132 кв. м и 12 помещений, расположенных вокруг двора. Форма и размеры восьми помещений восстанавливаются полностью, а четырех — предположительно. Помещения д и м удлиненные, коридорообразные; все остальные, за исключением помещения б, квадратные.

На восточном фасаде здания находился портик а с довольно хорошо сохранившимися остатками входа³. Портик был обращен на главную городскую магистраль, шедшую через агору с севера на юг. Первоначально мы полагали, что портик тянулся вдоль всего восточного фасада здания,

ных граней украшена восьмилепестковой розеткой, другая — так называемой вихревой розеткой (рис. 7, 3, 4). Оба типа розеток, грубо вырезанные на гранях курильницы, почерпнуты резчиком из простейших сюжетов эллинистического круга.

Резной орнамент, украшающий курильницу, исполнен схематично, местами небрежно. Работая резцом по известняку, резчик, выпускавший массовую продукцию, не мог, естественно, увлечься детализацией. Этого не позволял материал, требующий большого искусства и затраты времени. Однако вместе с тем публикуемая курильница наиболее полно по сравнению с известными нам аналогичными предметами передает важнейшие черты облика египетского дома птолемеевской эпохи, являясь в этом смысле ценным памятником¹⁴.

Нет возможности привести точную датировку курильницы, так как мы не располагаем данными о слое или комплексе, в котором она была найдена. Датировка же всей серии курильниц этого типа на широком материале в пределах эллинистической эпохи не разработана. При датировке курильницы, изготовленной в среде эллинизированного египетского населения, необходимо учесть, что она близка аналогичным предметам, происходящим из египетской хоры, эллинизация которой заметно сказалась не ранее середины—конца III в. до н. э. Таким образом, датируя в целом публикуемый предмет эллинистическим временем, мы полагаем, что он был изготовлен не ранее конца III в. до н. э.

Если вопрос о производстве данной курильницы в Египте решается определенно, то значительно труднее установить место ее находки. Она была приобретена у известного торговца древностями Гохмана вместе с серией рядовых вещей, происходящих, судя по их сохранности, из погребений¹⁵. Трудно допустить, чтобы упомянутый торговец древностями мог приобрести неброские, рядовые предметы вдали от места их находки и своих обычных закупок. Скорее всего публикуемая курильница приобретена в районе, близком к Одессе, Херсону или Николаеву, где Гохман чаще всего скупал для перепродажи древности у местного населения. Мы уже отмечали факты поступления греко-египетских вещей в северо-западный район Причерноморья, особенно в Ольвию и ее округу, и большую вероятность прямых торговых контактов Александрии Египетской с Северо-Западным Причерноморьем в эллинистическую эпоху¹⁶. Именно поэтому находка в Северном Причерноморье греко-египетской курильницы эллинистического времени не вызывает удивления и должна пополнить собой круг фактов, подтверждающих наличие указанных контактов.

¹⁴ Коническая крышка курильницы не имеет отношения к архитектуре дома, который изображает публикуемый предмет, а связана с его утилитарным назначением.
¹⁵ В описи коллекции Отдела античного мира Эрмитажа значится, что курильница куплена у Гохмана 25 января 1912 г. (книга поступления отдела древностей № 16268).

¹⁶ И. Г. Шургая, Импорт Александрии в Северном Причерноморье. ВДИ, 1965, № 4, стр. 139—140; он же. К вопросу об отражении александрийского импорта в керамическом производстве Ольвии. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 38—41.

¹ В работах экспедиции участвовали: Е. И. Леви (начальник экспедиции), А. Н. Карасев (начальник отряда), И. Б. Брашинский, Н. С. Белова, М. П. Ваулина, К. К. Марченко, К. К. Шаник, И. Г. Шургая, А. Н. Щеглов, Л. В. Копейкина, Д. С. Герцгер, Я. В. Доманский, И. В. Шебалин, М. Я. Бренер, Т. А. Владимирова, В. Ф. Кантонистова, С. А. Беллев, Н. Н. Соснина, К. М. Пескарева, Н. В. Головачева, В. Ф. Виноградов, В. Ф. Баранов, студенты Ленинградского, Московского, Ростовского, Рижского государственных университетов и технических вузов Ленинграда, группа научных сотрудников и инженеров Ленинграда и Москвы. Кроме того, в работах 1967 г. принимали участие научные сотрудники Берлинской академии наук: Беткер Бурхард, Доле Бернгард и Вахтель Клаус.

² А. Н. Карасев, Е. И. Леви. Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960—1962 гг. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 80—93; Е. И. Леви. Раскопки Ольвийской агоры и т. м. «Античное общество», М., 1967, стр. 162—167; А. Н. Карасев, Е. И. Леви. Отчеты о работах Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960—1964 гг., 1967—1968 гг. хранятся в архивах ИА АН СССР и ИА АН УССР.

³ Подробнее о портике здания см.: А. Н. Карасев, Е. И. Леви. Работы Ольвийской экспедиции, стр. 84.

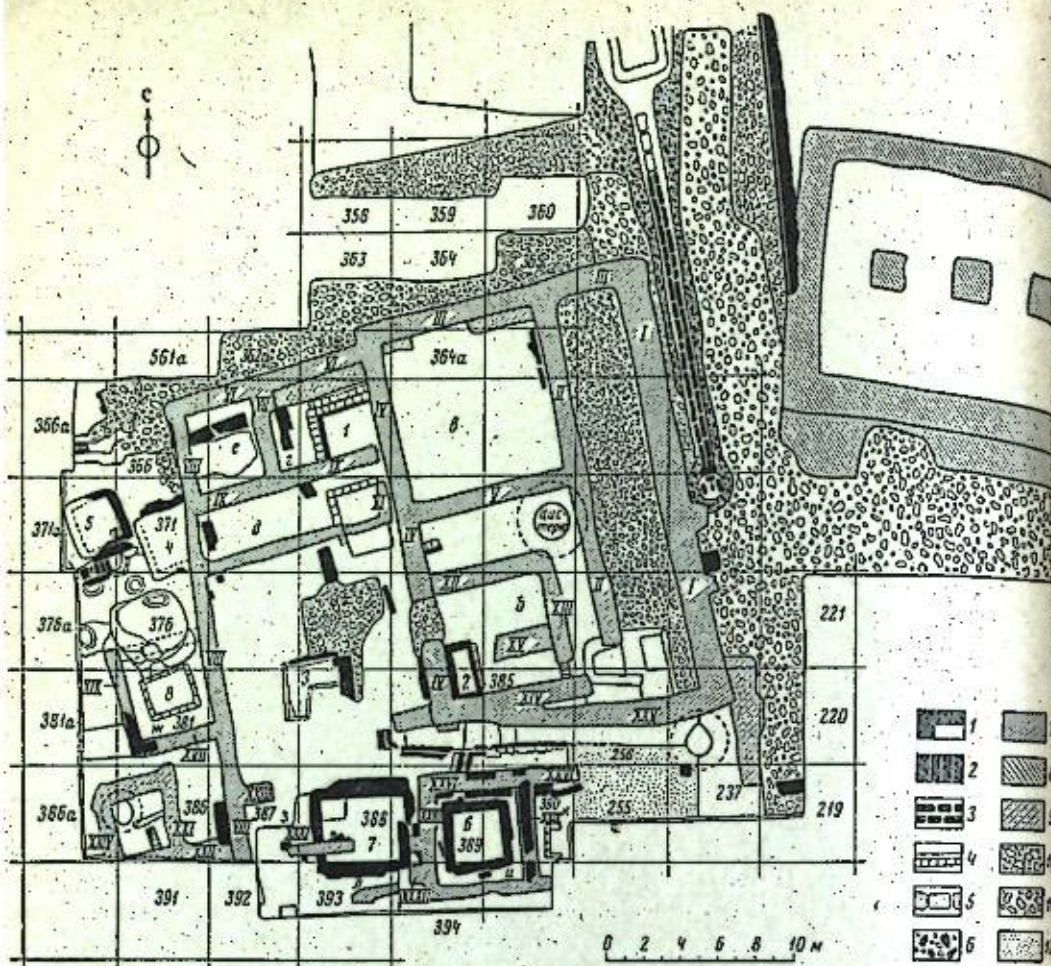

Рис. 8. План западной части раскопа Е₃

1 и 2 — каменные кладки, отдельные плиты; 3 — кладка из сырцовых кирпичей; 4 — перекрытие и стены водосточков; 5 — каменное ложе водосточков; 6 — вымостка V в. до н. э.; 7 — слоистые фундаменты здания суда; 8 — слоистые фундаменты большой стены; 9 — другие слоистые фундаменты; 10 — вымостка IV в. до н. э.; 11 — вымостка III в. до н. э.; 12 — вымостка из известняковой крошки

но работы 1968 г., когда был раскрыт слоевой фундамент XXV, внесли значительные коррективы в восстановление плана здания. Дело в том, что слоистые фундаменты XIV и XXV, сооруженные одновременно, сходятся под очень острым углом. Фундамент XXV доходит до широкого слоистого фундамента I, образуя с ним прямой угол. Создается впечатление, что первоначально намеченный проект в процессе строительства фундаментов был изменен. Возможно, что причиной изменения планировки явилось обнаружение во время земляных работ более раннего каменного канала для отвода воды. А так как вода была главной опасностью для слоистых фундаментов, то строители вынуждены были в юго-восточной части здания слоистые фундаменты заменить каменными. Котлован для каменного фундамента выявлен довольно четко к югу от слоистого фундамента I. В результате этих изменений намеченная длина портика была сокращена на 7,5 м. Но, сохраняя намеченную длину восточного фасада здания или весьма незначительно, на 1,5 м, удлинив его, строители изменили расположение помещений в юго-восточной части комплекса.

В 1968 и 1969 гг. здесь были выявлены остатки слоистого фундамента

XXX южной наружной стены дикастерия. Отметим, что обнаруженные остатки южной стены совершенно точно совпадают с реконструкцией плана здания, сделанного нами в 1965 г. на основании анализа сохранившихся остатков северной половины здания.

На расстоянии 5,1 м к северу от указанной стены находится слоевой фундамент XXVI, идущий строго параллельно фундаменту XXX. На фундаменте XXVI обнаружены *in situ* три большие плоские плиты нижнего ряда каменной кладки цоколя. Лучшее всего сохранились стены каменного помещения, внутри которого во всю высоту сохранились стены каменного подвала б (рис. 9, 1). Размеры подвала 2,60×2,60 м, сохранившаяся высота стен 2,30 м. По форме, размерам и устройству подвал б резко отличается от хозяйственных подвалов. Совершенно очевидно, что он имел какое-то специальное назначение.

Остатки помещения к сохранились лишь в его западной половине, далее к востоку они отсутствуют. От помещения и до восточной стены здания могли быть размещены два квадратных помещения к и н, равные помещению и. В таком случае вход в помещения и, к и н вел из длинного коридорообразного помещения м. Сложнее обстоит дело с восстановлением плана юго-западной части здания. Очень плохая сохранность слоистых фундаментов в этой его части, значительные нарушения стратиграфии и частые перестройки затрудняют его восстановление. Весьма вероятно, что здесь находилось одно квадратное в плане помещение л и небольшое помещение з. Но если допустить, что слоевой фундамент XXXII продолжался до юго-западного угла здания, не исключено, что здесь могли находиться два помещения квадратной формы. Слоевой фундамент XXXI относится к одной из поздних перестроек.

Помещения б и в, расположенные вдоль портика а, резко отличаются своими размерами. Квадратное помещение в площадью 77,4 кв. м, по всей вероятности, имело посередине две опоры-колонны для поддержания междуэтажного перекрытия, остатки каменного фундамента одной из колонн были обнаружены. Помещение б площадью 85,3 кв. м было проходным. В северо-восточном углу его находилась цистерна для хранения воды⁴. Глубина цистерны — 7,20 м, диаметр дна 3,65 м, в покатым к центру дне имеется круглый отстойник.

Слоистые фундаменты XII, XIII и XV, сделанные немного позднее основных фундаментов здания, служили либо для установки вертикальных опор, либо, что более вероятно, являлись основанием стен, разделявших помещение б на три части. В южной трети помещения находилась лестница в два марша, которая вела на второй этаж; второй этаж был только над помещениями б и в.

Еще в 1963 г. и в последующие годы при раскрытии помещений здания были найдены обломки стенок остродонных амфор с процарапанными на них мужскими именами⁵. Некоторые из них были процарапаны острым инструментом, другие написаны красной или черной краской. Здесь же было найдено много глиняных кружков (ныне их число достигает 546 экз.), треть из них имеет сквозные отверстия в центре. Мы трактовали их как своего рода ψήφοι, употреблявшиеся при голосовании на судебных разбирательствах. Большинство кружков было найдено в помещениях д, б, м и на дворе. Эти находки вместе со списками имен дали основание считать, что раскрываемое здание служило дикастерием. На существование в Ольвии здания суда имеется прямое указание в декрете конца IV в. до н. э. об исполнении между Милетом и Ольвией, где говорится, что если у милетянина будет в Ольвии тяжба, его дело

⁴ А. Н. Карасев, Е. И. Леви. Работы Ольвийской экспедиции, стр. 84.

⁵ Е. И. Леви. Указ. соч., стр. 163.

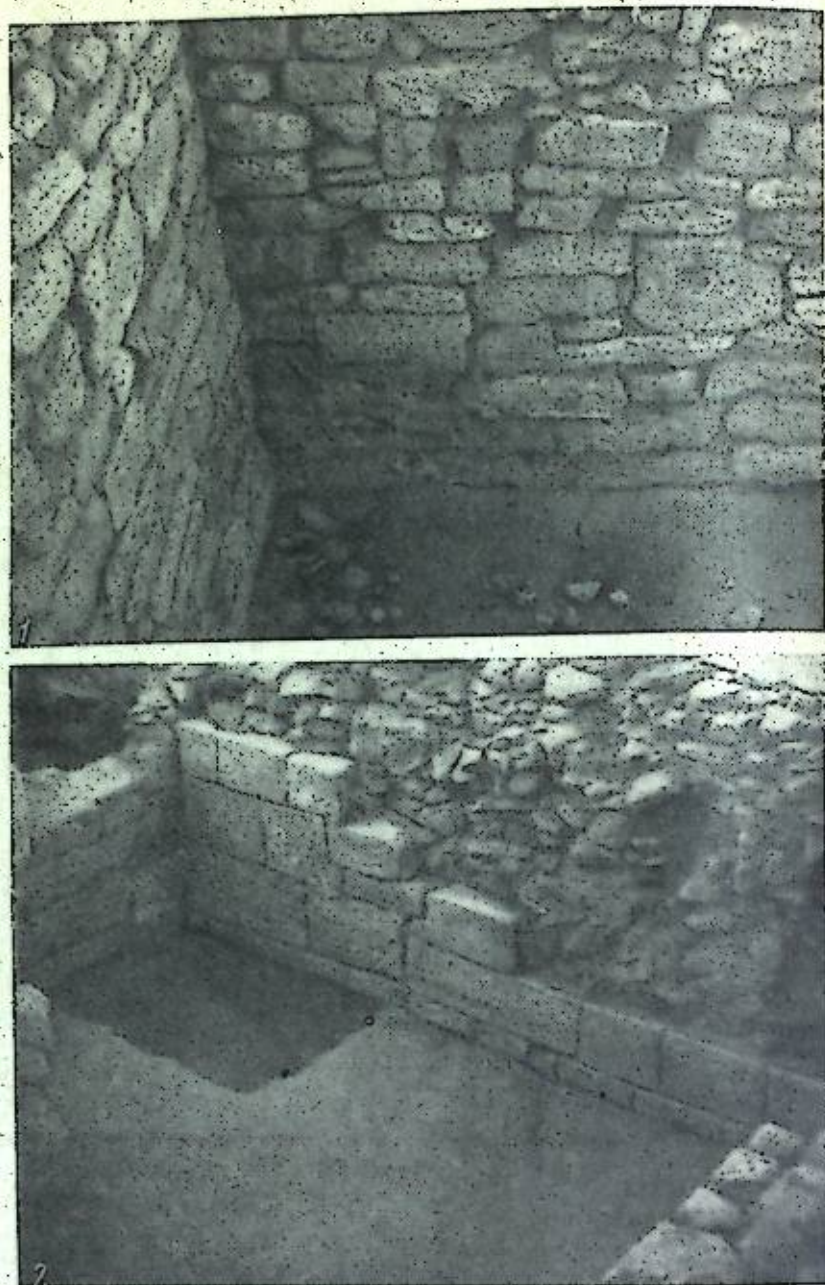
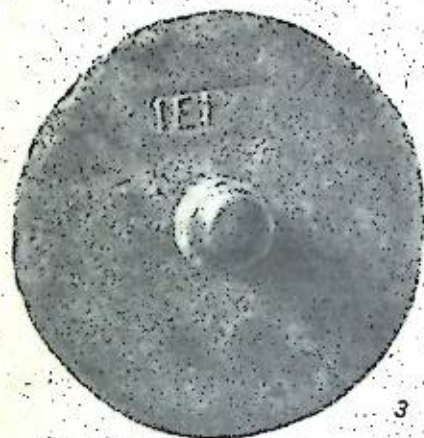

Рис. 9

должно разбираться «в пятидневный срок в том отделении суда, которому подведомственны дела между гражданами»⁶.

Определение функционального назначения раскрываемого здания полностью подтвердилось в 1969 г., когда в его юго-западной части были найдены два вполне одинаковых бронзовых диска со стержнем в центре. Одна из сторон дисков совершенно гладкая, на другой отгиснут один и тот же штамп $\Gamma\text{E}\text{P}\text{A}$ (рис. 9, 3). Аналогичные диски были найдены на афинской агоре при раскрытии дикастерия; на то, что они служили псе-

3

4

Рис. 9.

1 — кавадки подвала б; 2 — северо-западная часть подвала 7; 3 — бронзовая исефа с клеймом; 4 — кавд антик бронзовых ассон IV в. до н. в.

фами, прямо указывает вырезанная на них надпись $\phi\eta\rho\sigma\ \delta\eta\mu\omega\tau\iota\alpha$ ⁷. Ольвийский дикастерий очень близок по планировке гелиею афинской агоры. Оба здания имеют в плане форму, близкую к квадрату. Главный фасад их одинаковой длины 30,80 м. Оба они находились при входе на агору.

⁶ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях. ВДИ. 1939. № 3, стр. 264, № 35, 15—16.

⁷ «The Athenian Citizen. Excavations of the Athenian Agora». Picture Book, N 4, 1960, рис. 22.

По стратиграфическим данным, характеру устройства слоевых фундаментов и сопровождающему материалу сооружение здания суда следует отнести к III в. до н. э., вероятнее всего к его началу. Здание существовало сравнительно короткий период, так как к середине II в. до н. э. оно было уже разрушено, а вскоре после этого и полностью разобрано.

Здание суда III в. до н. э. было сооружено на месте более раннего дикастерия, построенного в IV в. до н. э., которому и принадлежали упомянутые бронзовые псефы. При углублении в более ранние слои в южной части дикастерия было выявлено большое подвальное помещение 7, облицованное квадратами известняка (рис. 9, 3) и относящееся к IV в. до н. э.; почти в центре двора дикастерия была открыта часть подвала 3, пол которого был заставлен остродонными амфорами V—начала IV в. до н. э., главным образом фасосскими. Местами выявлены более ранние вымостки и остатки водостоков.

С 1968 г. началось исследование архаического слоя к северо-западу от дикастерия. Благодаря отсутствию более поздних строительных остатков здесь на площади около 60 кв. м удалось раскрыть архаический слой довольно хорошей сохранности. Открыта землянка и ямы с материалами VI в. до н. э. Площадь квадратов 371 и 371а в западной части раскопа оказалась сильно насыщенной строительными остатками VI, V и IV вв. до н. э., но сохранились они в крайне фрагментарном состоянии.

Впервые при раскопках Ольвии выявлен архаический слой, содержащий не только строительные остатки и материал второй половины VI в. до н. э., но и отдельные фрагменты керамики первой половины этого столетия. Дальнейшее исследование архаического слоя крайне важно для изучения истории раннего периода города.

Особо отметим найденный в квадрате 381 в 1968 г. клад из 12 медных «кассов» прекрасной сохранности: на лицевой стороне изображена богиня Деметра, на обороте — орел на дельфине (рис. 9, 4). Клад был зарыт около середины IV в. до н. э.⁸

Раскоп Е₈. Одновременно с работами на раскопе Е₃ продолжалось расширение раскопа Е₈, где начиная с 1960 г. ведется раскрытие гимнасия. Вся исследованная площадь раскопа Е₈ (915 кв. м) перекрыта вымосткой I в. н. э., которую нарушили ямы огромного зернохранилища, построенного во II в. н. э.⁹ В настоящее время определены западная и южная границы зернохранилища; общее число зерновых ям достигло 66. Ямы дали очень большое количество находок II—III вв. н. э.¹⁰

После фиксации и удаления вымостки велось раскрытие остатков гимнасия (рис. 10). От здания сохранились остатки заглубленного в материк большого зала площадью около 400 кв. м, с двумя рядами прямоугольных колонн. Часто расположенные вертикальные опоры свидетельствуют о том, что здание имело два этажа. Каменные стены здания оказались почти полностью разобранными к I в. н. э.

Восточная сторона зала была занята пятью банными помещениями, от которых сохранились в основном только полы. Помещения в плане приближаются к квадрату, размеры их были приблизительно одинаковы, но каждое из них устроено различно и имело свои специфические особенности. Например, в помещении I, вероятно, только парилась, а в помещении V мылись только холодной водой. Все помещения неоднократно переделывались и ремонтировались. Лучшее всего сохранилось помещение IV, где, кроме каменного пола, уцелели кладки западной и южной

⁸ По определению А. М. Гилевич, которой подготовлена специальная публикация этого клада.

⁹ А. Н. Карасов, Е. И. Леви, Работа Ольвийской экспедиции, стр. 86.

¹⁰ Г. М. Мелентьева, Ольвийский керамический комплекс первых веков н. э. КСИА, вып. 116, 1969, стр. 23—28.

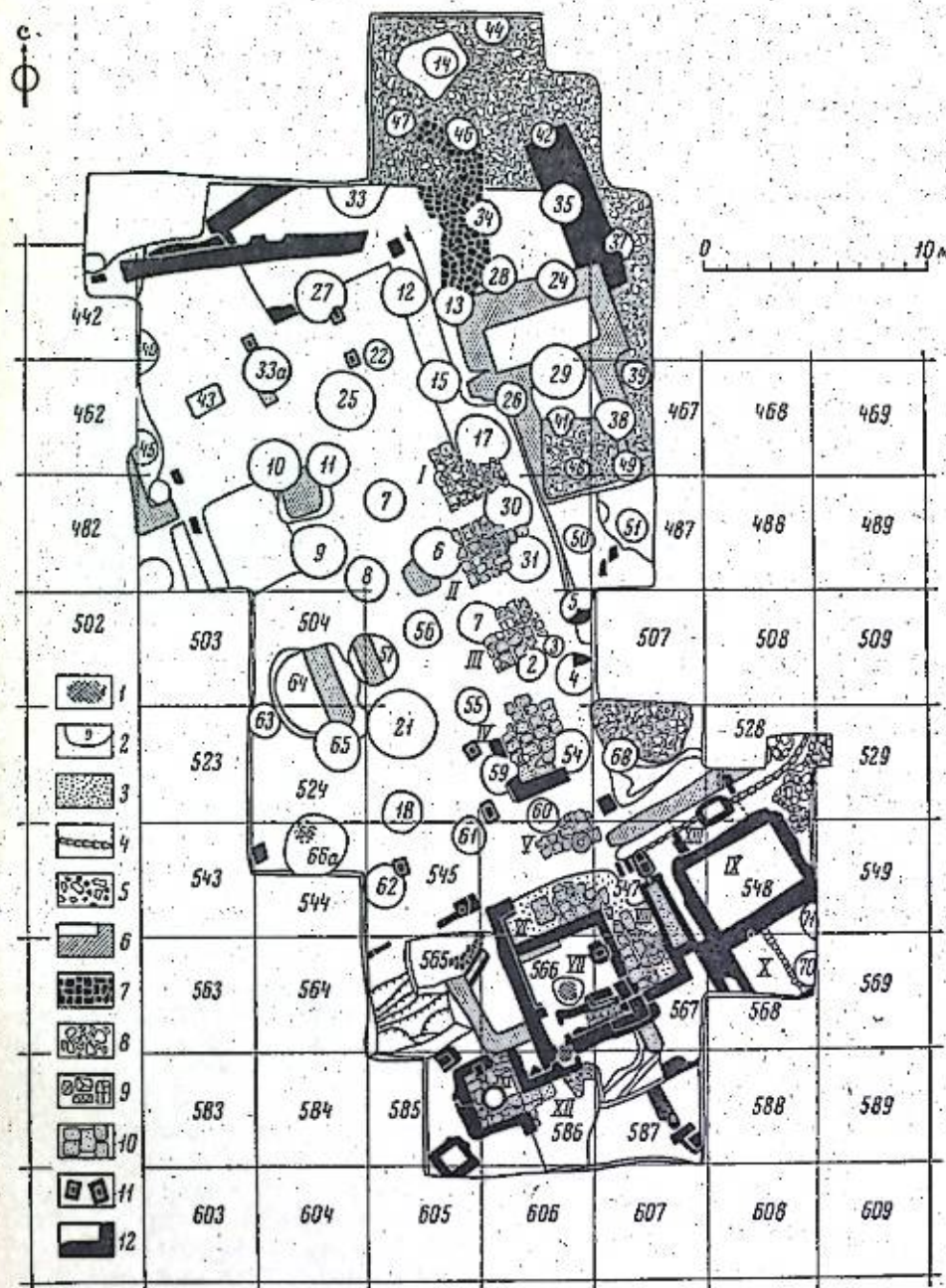

Рис. 10. План раскопа Е₈

1 — очаги; 2 — ямы; 3 — основание из крошки известняка для укладки каменных плит; 4 — гончарные трубы; 5 — вымостки из черепков; 6 — слоевые фундаменты; 7 — группы камней; 8 — вымостка из камня; 9 — полы из плоских черепков; 10 — полы из каменных плит; 11 — колонны; 12 — каменные кладки стен

стен. От стен сохранился нижний ряд горизонтально уложенных плит с рисками для точной установки орфостатов, которые в юго-западном углу стояли *in situ*.

В юго-западной части помещения IV, ниже каменного пола, открыт вполне сохранившийся небольшой пифос, заполненный чистейшим мелким песком. К пифосу подходил водопровод из гончарных труб, служивший

Рис. 11. Каменный резервуар и начало водопровода (1). Вид с севера; водопровод со смотровым колодезём. Вид с востока (2);

для подачи холодной воды. В восточной части пола имеются следы от стоявшего здесь второго пифоса, вероятно, для горячей воды. Банное помещение V сохранилось хуже, в нем также стоял пифос, но больших размеров, с круглым отверстием под горловиной, в котором была обнаружена гончарная труба водопровода для холодной воды.

Помещение VI мы определяем как латрину. Пол из тщательно отесанных плит имеет ровное, довольно крутое падение к югу. В западной части помещения было найдено в обломках каменное корыто длиной 1,60 м, шириной 0,38 м, с круглым отверстием на дне. Внутренняя сторона стенок корыта имела светло-серый налет. Анализ налета, произведенный в химической лаборатории археологической техники ЛОИА, показал наличие в пробе кристаллов мочевой кислоты¹¹.

В центре большого помещения VII имелся очаг, сложенный из обломков черепицы. Назначение помещения не вполне ясно; скорее всего оно было связано с подогревом воды. Дверной проем вел в небольшое помещение VIII с хорошо сохранившимся полом из каменных плит. В стене между помещениями VII и VIII имеется ниша округлой формы с небольшим сквозным отверстием. Вероятно, в эту нишу частично входил большой медный сосуд, к которому из помещения VII подходила труба.

Рядом с помещением VIII открыт каменный резервуар неправильной формы и длиной 2,90 м, сохранившийся на глубину 1,95 м. В заполнении резервуара оказались обломки закопченных внутри гончарных труб, по которым, вероятно, проходил горячий воздух. Судя по ряду других признаков, резервуар служил для подогрева воды. Горячая вода из резервуара уходила в северо-восточном направлении по гончарным трубам, которые расположены на высоте 1,05 м от его дна (рис. 11, 1). Водопровод, исследованный на протяжении 11 м, очень хорошей сохранности. В середине раскрытой части водопровода имеется каменный смотровой

¹¹ Анализ производила И. В. Богданова-Березовская.

общий вид на помещение XI с юга (3); курос в процессе раскрытия (4)

колодез для очистки труб (рис. 11, 2). По всей вероятности, горячая вода подавалась в общественные бани, которые еще предстоит раскопать.

Восточная часть раскопа занята двумя подвальными помещениями IX и X с необычно толстыми стенами, что указывает на монументальность наземной части здания.

Наибольший интерес представляют два помещения IV в. до н. э., открытые в 1969 г. в южной части раскопа. На площади квадрата 586, как и всего раскопа Е₈, была выявлена вымостка из черепков и щебня, которая после зачистки и фиксации была удалена. При дальнейшем углублении в западной части квадрата был обнаружен круглый колодез; на глубину 2,90 м он оказался свободным от засыпи. Вокруг колодца находился большой завал хорошо отесанных квадров известняка. Два верхних ряда кладки колодца были небрежно сложены из случайных камней разной величины и принадлежали более поздней надстройке. По мере разбора завала выяснилось, что колодез находится в небольшом помещении XI. Под двумя верхними рядами выявилась монолитная горловина колодца с внутренним диаметром 0,80 м. На верхней плоскости горловины имеются 15 пазов для установки на ней какой-то металлической конструкции (рис. 11, 3). Ниже горловины шахта колодца сложена из тщательно отесанных квадров. В 1969 г. удалось углубить колодез от начала засыпи на 3,50 м. Заполнение его представляет обычную засыпь с большим количеством золы, мелких камней и обломков сосудов III—II вв. до н. э., среди которых сравнительно много для Ольвии обломков лепных горшков. Судя по находкам в засыпи, колодез перестал действовать во II в. до н. э.

При зачистке одного из камней в западном борту квадрата 586 была обнаружена скульптура юноши, выполненная из известняка (рис. 11, 4). Вымостка I в. н. э. проходила всего на 4 см выше головы скульптуры. При углублении в восточной половине квадрата 585 была раскрыта западная стена помещения XI; выяснилось, что скульптура была установлена в нише северной стены этого помещения. Курос, изваянный в начале V в. до н. э., к IV в. до н. э. был уже разбит. Статуя была сло-

Рис. 12. Курос V в. до н. э.

мана в талии, были обломаны обе руки выше локтя и пострадало лицо. После исправления лица и выравнивания места облома в талии верхняя часть скульптуры была установлена в нише. При установке под обе руки были подложены специальные подставки (рис. 12). В западной стене сохранились остатки второй ниши; в ней была найдена нижняя часть известняковой плиты, тщательно отесанной; в верхней несохранившейся части ее, возможно, была вырезана надпись. Пол вокруг камней горловины колодца несколько раз ремонтировался. Помещение имело два дверных проема: один — в северной стене, второй — в восточной. Первый проем был заложен в III в. до н. э. при сооружении слоевого фундамента в квадрате 565. Второй проем вел в помещение XII; от которого частично сохранились северная и западная стены. На уровне пола в проеме имеется широкий желоб с очень небольшим заглублением и падением к востоку.

Подвальные помещения XI и XII были сооружены, вероятно, в начале IV в. до н. э., после чего неоднократно перестраивались. По-видимому, в конце III в. до н. э. помещения эти были засыпаны, а колодец надстроен, на что указывают новые венцы. Во II в. до н. э. здание и колодец были окончательно разрушены.

В 1969 г. было произведено углубление до материка в северной половине квадрата 587 и в южной половине квадрата 565. Материк оказался круто падающим: кв. 587 — к северу, в квадратах 565 и 527 — к югу. Крутые и довольно ровные склоны падения материка создают впечатление искусственного их происхождения или выравнивания. Для окончательного решения — имеем ли мы дело с ранним рвом или балкой — необходимо дальнейшее расширение раскопа. Углубление в материке было заполнено очень жирным грунтом с большим количеством материала VI—начала V в. до н. э. с рядом ценных находок.

Е. И. ЛЕВИ

АРХАИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ОЛЬВИЙСКОЙ АГОРЫ 1968—1969 гг.

Раскопки ольвийской агоры, проводимые ЛОИА АН СССР, дали за последние годы большое количество интересных вещественных находок от VI в. до н. э. до III в. н. э. включительно¹. Особенный интерес представляет керамика архаического периода. Она была найдена на раскопе Ез, где основным объектом исследования является здание суда эллинистического времени, и на раскопе Ез, где раскрывается гимнасий IV—III вв. до н. э.² Обычно ранний материал встречается в Ольвии в мешаных культурных слоях, вплоть до гумуса, что объясняется сильной перекопанностью городища, как в древнее, так и в новейшее время, особенно на месте римской цитадели. Ранние материалы дают и комплексы ям, раскрываемые спорадически на различных участках. Большое количество ранних углублений и ям, своего рода ботросов; было, например, открыто внутри культового теменоса, граничившего с агорой³. Тем более существенно, что впервые в 1968 г. на раскопе Ез при исследовании подошвы слоевых фундаментов дикастерия удалось выявить нетронутый архаический слой⁴. На месте гимнасия в 1968 г. обнаружено большое углубление в материке, засыпанное в начале V в. до н. э.; засыпь содержала большое число находок VI в. до н. э.

Импортная расписная керамика Родоса, Самоса, Клазомен, Хиоса, Коринфа, не говоря об Аттике, широко представлена в материалах Ольвии VI в. до н. э. В подавляющем большинстве она относится к концу этого столетия и лишь отдельные фрагменты восходят к более раннему времени. Все эти группы керамики с достаточной полнотой представлены и в находках на ольвийской агоре. В задачу статьи не входит общая характеристика всего материала архаического периода; мы остановимся лишь на некоторых наиболее редких, интересных находках.

Среди родосско-ионийской группы выделяется фрагментарно сохранившееся блюдо на низком кольцевом поддоне, с широко отогнутым краем

¹ Наиболее поздние материалы с памятниками агоры непосредственно не связаны, они происходят из ям зернохранилища, которое возникло на территории древней площади, к тому времени уже находившейся за пределами города, восстановленного после гетского разгрома (см.: А. Н. Карасев, Е. И. Леви, Ольвийская агора, СА, 1958, № 4; Е. И. Леви, Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры, «Ольвия. Теменос и агора», М.—Л., 1964, стр. 16—25).

² См. статью А. Н. Карасева в настоящем сборнике, стр. 35—44.

³ Е. И. Леви, Материалы ольвийского теменоса, «Ольвия. Теменос и агора», стр. 131 и сл.

⁴ А. Н. Карасев, Указ. соч., стр. 40.

Рис. 13. Фрагментированное родосско-ионийское блюдо (1); фрагментированная родосско-ионийская курильница (2)

(рис. 13, 1)⁵. Глина коричневатого тона, довольно однородная, плотная. В центре блюда изображена вихревая розетка в круге из точек; далее расположен пояс с шахматным узором, над ним — пояс из чередующихся бутонов и цветов лотоса. Край был украшен орнаментом плетения.

Некоторые детали рисунка даны пурпуром; частично пурпурной краской исполнены и лепестки розетки. Роспись нанесена по тонкому слою обмазки; лак черного цвета, местами переходящий в красный. На дне снаружи — графито в виде двух перекрещивающихся линий. Блюдо долго использовалось, о чем свидетельствуют многочисленные царапины.

В Ольвии блюдо с такой росписью встречается впервые⁶. Незначительные фрагменты аналогичных блюд найдены на Березани⁷. Совершенно такое же целое блюдо из Клазомен, хранящееся в Касселе, описано Р. Куком в статье о клазоменской керамике⁸. Автор выделил его из группы клазоменских изделий; в примечании он указывает, что это блюдо часто приводится как клазоменское⁹.

⁵ 0.69 № 2664. Склеено из нескольких фрагментов. Найдено в засыпи углубления на раскопе Ез.

⁶ Обычно встречаются тарелки с более упрощенной орнаментацией — звездой из схематизированных цветов и бутонов лотоса в центре, рядом concentрических кругов и меандром по краю (см.: Т. Н. Книпович. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища. СА, VI, 1940, стр. 97, рис. 8).

⁷ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, № 50, 1956, стр. 224, рис. 2.

⁸ R. M. Cook. A List of Clazomenian Pottery. BSA, XLVII, 1952, стр. 152, рис. 33, 3.

⁹ Там же, стр. 152, прим. 156.

Блюда на низком кольцевом поддоне характерны для класса Эвфорба, т. е. для последней четверти VII—начала VI в. до н. э.¹⁰ Однако для группы Эвфорба характерно заполнение основного фриза не орнаментальными мотивами, а изображениями животных. Орнаментальные мотивы появляются позднее, в первой половине VI в. до н. э., на блюдах последующей группы Власто¹¹.

Блюдо из Ольвии, по форме восходящее к ранним образцам, с усложненной орнаментацией, принадлежащее по стилю классу Власто, должно быть датировано временем не позднее второй четверти VI в. до н. э.¹²

Среди родосско-ионийской керамики привлекает также внимание курильница, от которой сохранилась лишь верхняя часть с высоко поднятой округлой ручкой; под ручкой — небольшой круглый выступ (рис. 11, 2)¹³. О том, что это не крышка леканы, а верхняя часть курильницы, свидетельствует начало стенки ниже слегка выступающего края, а также специально заглаженная часть края (длиной около 6 см), образующая отверстие. Глина красоватая, с небольшим количеством мелких блесток. Роспись нанесена красным лаком по тонкому слою светлой обмазки. Рисунок весьма упрощенный, состоит из concentрических поясов; только под ручкой помещен своеобразный линейный орнамент. На вершине ручки — два кружка, от которых вниз идут горизонтальные полосы. Стенки курильницы в верхней части были украшены двумя поясами волнообразного орнамента. Аналогичной формы сосуды нам неизвестны. Тем больший интерес представляет эта новая ольвийская находка, которая по характеру росписи должна быть отнесена ко второй половине VI в. до н. э.

Продукция клазоменских мастерских постоянно встречается в городах Северного Причерноморья среди импорта архаического периода, в том числе и в Ольвии, хотя и в меньшем количестве, чем родосско-ионийская и самосская керамика. Фрагменты клазоменских сосудов были найдены и в 1968—1969 гг. Привлекает внимание обломок стенки амфоры с частично сохранившимся изображением протомы взлетающего крылатого коня (рис. 14, 1)¹⁴. Глина красная, плотная, с незначительным количеством мелких блесток. Роспись нанесена на непокрытую обмазкой стенку сосуда, лак красного цвета; детали рисунка выполнены резьбой и белой краской.

Изображение коня в прямоугольном поле, с двух сторон или с одной стороны амфоры, являлось одним из излюбленных, широко распространенных сюжетов сосудов клазоменского стиля¹⁵. На Боспоре найдены две целые вазы с изображением крылатого коня, одна из них на Таманском полуострове¹⁶, другая — в Керчи¹⁷. Отдельные фрагменты встречены и на Березани¹⁸. Обломок вазы с подобным сюжетом был ранее найден в Ольвии в 1907 г.¹⁹

¹⁰ Н. А. Сидорова. Архаическая керамика из Пантикапея. МИА, № 103, 1962, стр. 94—107. В этой работе с достаточной полнотой дана общая характеристика отдельных групп керамики архаического периода.

¹¹ Н. А. Сидорова. Указ. соч., стр. 98 и сл.

¹² По определению В. М. Скудной, фрагменты аналогичных блюд из Березани относятся к позднему периоду стиля группы Власто (см.: В. М. Скудная. Родосская керамика с о. Березани. СА, 1960, № 2, стр. 162—163).

¹³ 0.69 № 2257. Найдено в архаическом слое на раскопе Ез.

¹⁴ 0.69 № 2484. Склеено из нескольких обломков. Найдено в засыпи углубления на раскопе Ез.

¹⁵ Сподка клазоменских vaz с изображением крылатого коня, найденных в различных центрах античного мира, в том числе и в городах Северного Причерноморья, приведена Р. Куком в указанной статье, стр. 136—137.

¹⁶ N. Lossewa. Zwei klasomenischen Vasen. AA, 1929, стр. 43.

¹⁷ Т. Н. Книпович. Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря. ИГАИМК, вып. 5, 1927, стр. 85 и сл., табл. XI, 1.

¹⁸ Там же, табл. XII, 2.

¹⁹ 0.1907, № 20282. Хранится в Государственном Эрмитаже.

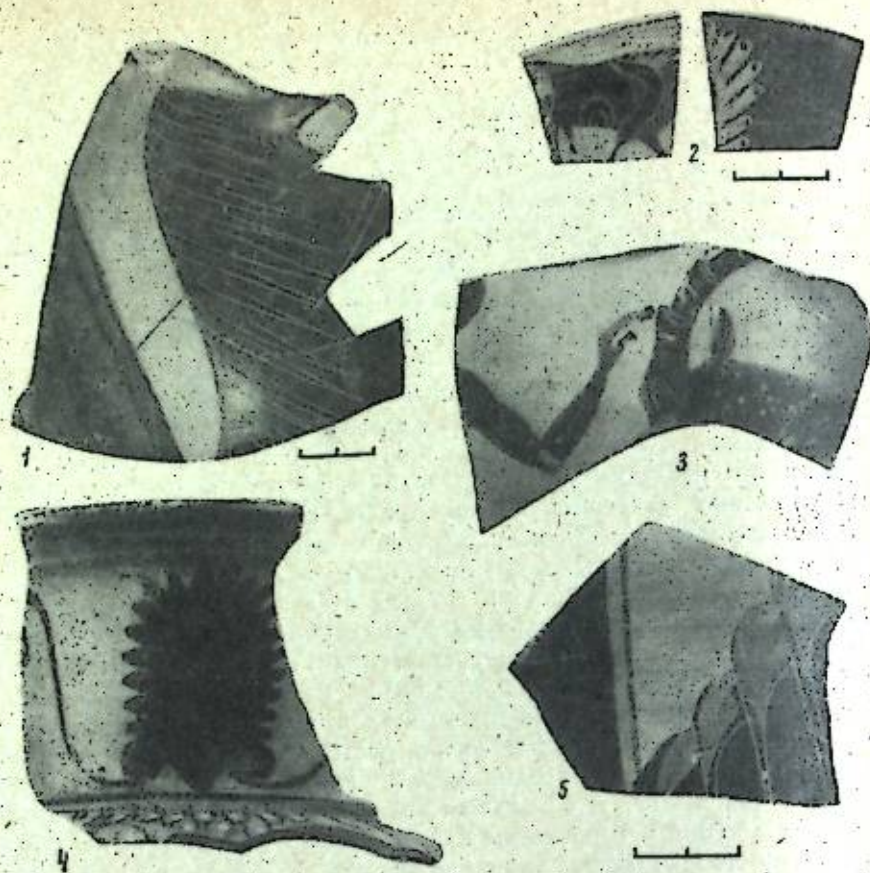

Рис. 14. Арханческая керамика из раскопок Ольвийской агоры

1 — фрагмент клазоменской амфоры с изображением коня; 2 — фрагмент хийского кубка с изображением быка; 3 — фрагмент клазоменской амфоры с сюжетным мотивом; 4 — фрагмент горла клазоменской амфоры; 5 — фрагмент раннеаттической амфоры с изображением коня

Изображение коня на вновь найденном фрагменте по манере исполнения — передаче гривы косыми линиями, характеру орнаментации уздечки белыми точками — ближе всего изображению коня на амфоре с о. Родоса, хранящейся в Афинском музее²⁰. Н. М. Лосева датировала таманскую вазу первой половиной VI в. до н. э.²¹ Р. Кук, пересмотревший датировку клазоменской керамики, серию vaz с крылатым конем относит к III группе по классификации Т. Н. Книпович, объединяя ее под рубрикой «темрюкской группы», которую он относит ко времени от 520 до 510 г.²² По уточненной датировке Р. Кука, новая клазоменская амфора из Ольвии датируется началом последней четверти VI в. до н. э.

Особый интерес представляют фрагменты амфор с сюжетными мотивами, относящиеся к более раннему времени. На одном из них сохранилась частично левая рука и голова, очевидно, сатира и часть головы стоящего перед ним козла (рис. 14, 3)²³. Характер глины коричневатого цвета, плотной, с незначительным количеством блесток, как и характер росписи, нанесенной на непокрытую обмазкой поверхность сосуда, силуэтное изображение с деталями, прорисованными резцом и белой краской, в осо-

бенности белые точки на тулове козла, не оставляют сомнений в принадлежности этой амфоры продукции клазоменской мастерской. Лак черного цвета. Если изображение сатира довольно обычно, то козел в клазоменской вазописи встречается редко; чаще изображались сирены, сфинксы, пантеры, кони и пр., и это тем более выделяет вновь найденный в Ольвии фрагмент среди рассматриваемой группы сосудов. Подобные амфоры относятся ко времени не позднее середины VI в. до н. э.

Среди новых материалов представлена и более поздняя группа клазоменских амфор, тулово которых покрыто чешуйчатым орнаментом, а на горле помещена силуэтная пальметка (рис. 12, 4)²⁴. Аналогичная амфора, найденная на Родосе, издана Р. Куком и относится им к третьей четверти VI в.²⁵

Среди хийской керамики, представленной в основном широко распространенными в Северном Причерноморье небольшими кувшинчиками, выделяется незначительный обломок края кубка с изображением быка на наружной стороне, пальметки на внутренней (рис. 14, 2)²⁶. Голова и задняя часть тулова животного не сохранились. Грива передана косыми врезанными линиями; резцом подчеркнуты членения суставов; на животе — подковообразный орнамент, напоминающий заполнительный орнамент на ранних хийских кубках.

По типу изображение быка восходит к образцам, датируемым временем от середины VII до первой четверти VI в. до н. э., как, например, изображение на кубке из Навкратиса²⁷, для которых характерно применение пурпура и обилие заполнительного орнамента. Наличие резьбы на издаваемом фрагменте, отсутствие заполнительного орнамента свидетельствуют о том, что ольвийский кубок относится к несколько более позднему времени — ко второй четверти VI в. до н. э., вероятнее всего, к началу 70-х годов. Этой датировке не противоречит изображение многолепестковой пальметки, исполненной белой краской; на конце каждого лепестка нанесена пурпуром точка. Аналогичные пальметки встречаются на хийских кубках III группы, относящихся к первой половине VI в.²⁸

Мы не будем останавливаться на вазах стиля фикиеллур, представленных многочисленными обломками широко известных амфор второй половины VI в., покрытых растительными узорами, орнаментами из полумесяцев, лучей, чешуек, плетенки и т. п., а также на коринфской керамике, найденной в меньшем количестве, главным образом на обломках миниатюрных скифосов. Перейдем к ознакомлению с чернофигурной керамикой аттических мастерских.

Среди аттической керамики из раскопок ольвийской агоры весьма многочисленны скифосы с повторяющимся сюжетом — два сидящих сфинкса между пальметками. Иногда между сфинксами помещаются изображения фигур, главным образом силенов и менад. Многочисленны также фрагменты киликов, среди которых имеется большая группа сосудов с росписью мастеров мелкофигурного стиля. В меньшем числе встречаются обломки амфор, олып, лакифов.

Среди вновь найденного материала особое внимание привлекает фрагмент стенки амфоры с головой коня вправо, изображенной в прямоугольном поле одной из сторон сосуда. Сохранилась лишь часть гривы коня; детали рисунка исполнены резьбой и пурпуром (рис. 14, 5)²⁹. Перед

²⁴ 0.69 № 3002. Найдено в засыпи углубления на раскопе Ез.

²⁵ CVA, Gr. Br., вып. 13, табл. X, 4.

²⁶ 0.68 № 4515. Найден на раскопе Ез при выявлении подошвы слоевого фундамента здания суда в его юго-западной части.

²⁷ CVA, Gr. Br., вып. 11, табл. XVII, 57.

²⁸ В. М. Скуднова, Хийские кубки из раскопок на острове Березани. СА, 1957, № 4, стр. 136—137.

²⁹ 0.69 № 2918. Найден в засыпи углубления на раскопе Ез.

²⁰ R. M. Cook, A List of Clazomenian Pottery, табл. 31, 1.

²¹ N. Lossewa. Указ. соч., стр. 43.

²² R. M. Cook, A List of Clazomenian Pottery, стр. 138.

²³ 0.68 № 4192. Найден в арханческом слое на раскопе Ез.

Рис. 15. Архаическая керамика из раскопок Ольвийской агоры

1—4 — фрагменты чернофигурных киликов мелкофигурного стиля; 5 — фрагмент чернофигурной ольвийской амфоры с изображением Триптолема; 6 — фрагментированный чернофигурный лекиф

Рис. 16. Фраgmentированный краснофигурный килик строгого стиля

нами обломок вазы с широко распространенным в раннеаттической живописи сюжетом — изображением головы коня в прямоугольнике цвета глинны. Наиболее ранней амфорой с головой коня на одной стороне и женской головой на другой является амфора из собрания Мюнхенского музея, относящаяся еще к 600 г. до н. э.³⁰ Тому же времени принадлежит одна из ваз собрания музея в Нью-Йорке³¹. Другая амфора этого собрания датируется более поздним периодом — 560—550 гг., свидетельствуя об устойчивости этого сюжета в первой половине VI в. до н. э.³² Несколько амфор с головой коня имеется, например, в собрании Луврского музея³³, в Дрездене³⁴. Таким образом, раскопки ольвийской агоры дали редкий для Северного Причерноморья, но широко распространенный образец раннеаттической чернофигурной керамики первой половины VI в. до н. э.

Мелкофигурные килики третьей четверти VI в. до н. э., как указывалось, многочисленны. Отметим среди них обломки краев киликов с изображениями спешившего всадника рядом с конем (рис. 15, 1)³⁵.

³⁰ R. Hackl. Zwei frühattische Gefäße der Müncher Vasensammlung der Griechen. München, 1923, III, tabl. 47, рис. 201; R. M. Cook. Greek painted Pottery. London, 1960, табл. 21 а.

³¹ CVA, USA, вып. 12, табл. 1.

³² Там же, табл. III.

³³ CVA, France, вып. 4, табл. IX, 7—11.

³⁴ L. Malten. Das Pferd im Totenglauben. JAI, XXIX, 1914, стр. 221, рис. 15.

³⁵ 0.68 № 4066. Найден на раскопе Ев.

А. И. САЛОВ, Т. М. СМЕРНОВА
НОВЫЕ НАХОДКИ В АНАПЕ

В 1969 г. при строительных работах в Анапе вдоль улиц Кубанской и Пушкинской была вырыта траншея глубиной 3,35 м. Экскаватор прорезал культурный слой Гориппини. Анапский краеведческий музей организовал наблюдение за земляными работами. Удалось выявить протяжение с востока на запад и концентрацию культурных слоев античного и турецкого времени. Культурный слой прослежен от района крепостных ворот. Здесь отложения античного времени лежат на материковой скале на глубине 2,7—1,9 м. Толщина античных слоев достигает 1,5—1,7 м. Над ними на глубине от 0,6—0,8 до 1,2—1,6 м лежат слои турецкого времени, а выше — современный слой 0,6—0,8 м, включающий толщину асфальтового шоссе.

Уже в самом начале Кубанской улицы траншея прорезала подвальные помещения первых веков н. э. Остатки строений этого времени встречались на всем протяжении траншеи вплоть до здания курортной поликлиники. В культурном слое много античной керамики, относящейся к периоду от IV в. до н. э. до позднеантичного времени. Было много обломков чернолаковой посуды, особенно в районе Кубанской улицы. Найдено семь бронзовых монет, из них шесть пантикапейских III в. до н. э.

В обрезах траншей обнаружены десять грунтовых могил. В трех погребениях найден инвентарь.

Погребение 1. В 13 м восточнее третьего смотрового колодца (считая от крепостных ворот) на глубине 2,1 м в глинистом материки под кладкой стены было обнаружено разрушенное погребение. От костяка, ориентированного головой на восток, сохранились только кости левой половины скелета. В ногах погребенного стояла чернофигурная гидрия высотой 10,5 см и с наибольшей шириной тулова 11,5 см. На одной из сторон изображена протома быка перед сосудом, над ней две пальметты (рис. 17). Рядом лежала перевернутая чернолаковая солонка, несколько ближе к скелету — светлоглиняный арбалл с пробитым дном. Ниже колена на кости ноги лежала большая пастовая глазчатая бусина плохой сохранности.

Погребение 9 находилось в 19 м восточнее четвертого смотрового колодца. Могильная яма была впущена в глинистый материк. Костей не найдено, возможно, они были выкинуты ковшем экскаватора. Из инвентаря сохранились: бронзовая игла, сероглиняный открытый светильник (10×7,5×2,5 см), на котором стоял чернофигурный лекиф V в. до н. э. (рис. 18) высотой 11 см с тремя пальметтами на тулове и радиальными полосками на плечах, четыре пряслища, одно из которых свинцовое, железный нож, раздавленный бомбилей из оранжевой глины.

Погребение 10. В 9 м к востоку от погребения 9 найдено погребение с хорошо сохранившимся костяком, лежавшим на спине с вытяну-

кулачного бойца (рис. 15, 2)³⁶, скачущего кентавра³⁷. Особенно выразительны кентавр: детали рисунка исполнены резьбой, белой и пурпурной красками (рис. 15, 3).

Выделяется фрагментарно сохранившийся килик с изображением двух сражающихся воинов со щитами (рис. 15, 4)³⁸. Одна и та же сцена повторяется с двух сторон вазы. Изображение дано в силуэтной технике, без прорисовки деталей, довольно бегло, но достаточно живо. Стилистически оно близко изображениям танцоров на килике второй половины VI в., хранящемся в музее Кембриджа³⁹.

Не менее интересен фрагмент ольпы с изображением Триптолема, сидящего на крылатой колеснице, с колосом пшеницы в левой руке (рис. 15, 5)⁴⁰. Справа перед ним стояла Деметра, от изображения которой сохранились складки гиматия; за спиной Триптолема, очевидно, находилась Персефона.

Изображение Триптолема в чернофигурной вазописи довольно редко. В собрании музея Нью-Йорка имеется амфора с аналогичным сюжетом, несколько отличающаяся деталями рисунка⁴¹. По тщательности исполнения она значительно превосходит изображение на ольпе с ольвийской агоры, которая должна быть отнесена ко времени не ранее последней четверти VI в. Однако сам по себе факт нахождения в Ольвии чернофигурной вазы с редким сюжетом заслуживает внимания.

Почти полностью дошел в обломках лекиф (рис. 15, 6)⁴² с изображениями трех силенов и менады, которую несет один из силенов. По форме лекиф приближается к сосудам третьей группы лекифов, относящейся к концу VI в. до н. э., хотя на плечах его изображен не традиционный для этой группы петух, а пальметты⁴³. Детали рисунка исполнены резцом, белой и пурпурной красками.

Интересна также находка краснофигурного килика строгого стиля из группы сосудов, крайне редко встречающихся среди аттических ваз в Северном Причерноморье. Сохранился значительный фрагмент с изображением между двух глаз танцовщицы с кроколами в руках (рис. 16)⁴⁴. В частично дошедшем медальоне был изображен в чернофигурной технике бегущий скиф. Стилистически этот килик составляет одну группу с серией киликов, найденных в ольвийском теменосе⁴⁵. По определению К. С. Горбуновой, он принадлежит известному аттическому вазописцу последней четверти VI в. Олтусу.

Даже упомянутые здесь находки архаической керамики показывают, насколько богато была представлена в Ольвии продукция различных мастерских, что свидетельствует о широте сношений Ольвии со Средиземноморьем еще с первой половины VI в. до н. э.

³⁶ 0.68 № 2652. Найден на раскопе E₃ в насыпи углубления.

³⁷ 0.68 № 4174. Найден на раскопе E₃ в архаическом слое.

³⁸ 0.68 № 5527. Найден в насыпи углубления на раскопе E₃.

³⁹ CVA, Gr. Vg., вып. 11, табл. XXI, рис. 16, 17.

⁴⁰ 0.68 № 4035. Найден в архаическом слое на раскопе E₃.

⁴¹ CVA, USA, вып. 2, табл. X, 1a.

⁴² 0.69 № 2469. Найден в насыпи углубления на раскопе E₃.

⁴³ В. М. Скуднова. Чернофигурные лекифы с архаичного некрополя Ольвии. АП, VII, 1958, стр. 123 и сл., табл. VI.

⁴⁴ 0.68 № 5572. Найден в насыпи ранней ямы № 67.

⁴⁵ К. С. Горбунова. Краснофигурные килики из раскопок Ольвийского теменоса. «Ольвия. Теменос и агора», стр. 175 и сл.

Рис. 17. Находки из погребения № 1

Рис. 18. Вещи из погребения № 9

Рис. 19. Вещи из погребений: бусина из погребения № 1; меч, лекиф, серебряное кольцо, обломок копья из погребения № 10

тыми руками, головой на восток, на глубине 25 м. Длина костяка 1,72 м. В правой руке лежал чернофигурный лекиф V в. до н. э. высотой 11 см с тремя пальметтами на тулове (рис. 19). Среди костей таза найдено несколько окислившихся железных пластинок. С левой стороны в районе таза находился железный меч, сильно коррозированный и частично распавшийся, длиной более 40 см, при этом клинок имеет длину не менее 25 см и ширину 3,5 см, с правой стороны в области таза лежал наконечник копья, поломанный экскаватором.

Остальные погребения не имели инвентаря.

Над некрополем V в. до н. э. позднее возникли городские кварталы. Среди фундаментов различных строений в бортах траншеи были обнаружены остатки двух виноделен. Первая из них была открыта напротив средней части главного здания пансионата «Мотылек» рядом с погребением 8; от нее сохранилась цистерна для сбора виноградного сока, поврежденная ковшом экскаватора, который задел ее северо-западный угол.

Глубина цистерны 1,5 м. В плане она имеет квадратную форму (1,2×1,2 м) по внутреннему обмеру. Стенки цистерны выложены камнями средних размеров (по 15—20 см) и оштукатурены цементным раствором розового цвета. Дно цистерны находится на глубине 3 м от современной поверхности. Все углы внутри цистерны закруглены цементным раствором, кроме того, в северо-западном углу дно цистерны имеет углубление на 0,15—0,20 м, на небольшом участке 0,30×0,30 м. Расчистка цистерны производилась подбоем. При расчистке цистерны из нее были извлечены обломки черепицы не менее чем от десяти соленов. На двух из них имелись клейма KEYCOЛ. Среди мусора была бронзовая монета с полностью стертým рельефом и обломок профилированной ручки амфоры с отпиленными краями. К краю цистерны примыкает давальная площадка, в основании которой лежат камни таких же размеров, как и в кладке стен. Сверху камни были покрыты розовой цементкой. Длина площадки 4 м. Она находится на глубине 1,5 м ниже современной поверхности. С востока к ней примыкает каменная стена, которая, по-видимому, огораживала винодельню. Стена сохранилась в высоту только на 0,5 м.

Часть второй винодельни (рис. 20) обнаружена в 115 м западнее первой. Здесь в северном борту траншеи было замечено скопление розовой цементки. В этом месте сделали прирезку размерами с севера на юг 5 м и 3,4—3,08 м с востока на запад. При раскопках на глубине 0,4 м от поверхности современной асфальтированной мостовой была обнаружена стена из камней различных размеров; щели между камнями были заложены мелкими камнями и иногда черепицей. Стена сохранилась в длину на 4,2 м. Северный конец ее разрушен. Наибольшая высота стены — 0,8 м.

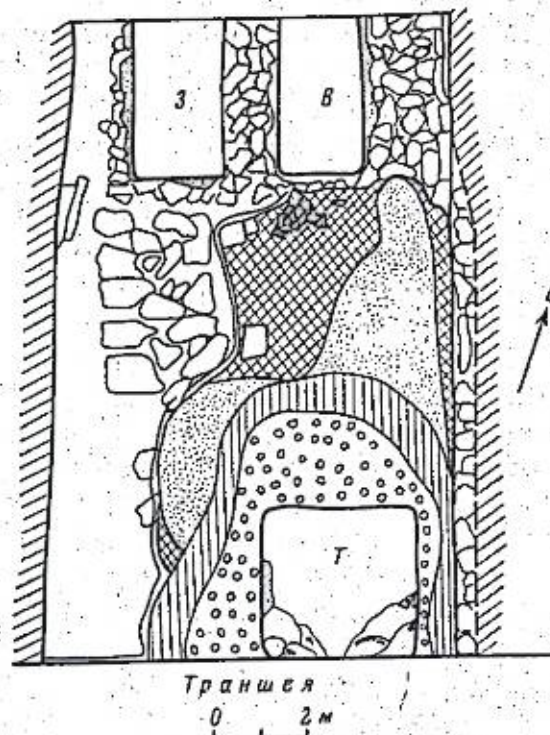

Рис. 20. План раскопа винодельни № 2

Стена ограничивала винодельню с востока. По западному фасу на стене сохранилась обмазка из розовой цемьянки на высоту 0,20 м. Обмазка стены, плавно закругляясь, переходила в обмазку пола. По-видимому, здесь к стене примыкала давяльная площадка, которая сохранилась очень плохо. Удалось проследить ее конструкцию. Площадка находится на глубине 1,2—1,35 м от современной поверхности. Она лежит на подушке из камней и черепицы, которые сверху залиты цемьянкой. На площадке прослежено несколько слоев цемьянки. Самый тонкий слой — верхний толщиной в 0,5 см; ниже слои имели от 1 до 2,5 см толщины. В площадку у южного края раскопа в 0,4 м от стены вмурована гладкая известняковая плита (размерами 1,2×1,2×0,25 м), являвшаяся, по-видимому, основанием пресса. Давильная площадка плавно понижается по направлению от пресса к цистернам, обнаруженным у северного борта площадки. На сохранившемся участке разница высот южного и северного ее концов достигает 15 см. Сплошное покрытие площадки цемьянкой сохранилось у южного борта на ширину 2,58 м, а около цистерн всего на 0,3 м в ширину. Длина сохранившейся площадки 3,5 м. В раскопе были прослежены две цистерны. Обе они имели прямоугольную форму и были выложены камнем, залитым сверху раствором цемьянки, на дне цистерн прослежено три слоя цемьянки. Верхний слой толщиной 0,5 см, последующие слои по 2—2,5 см. Дно имело закругленные углы. Цистерны в северо-западном углу имели углубления, в которых скапливался осадок. Восточная цистерна (1,2×1,7 м) имела глубину 1,75 м; западная цистерна (1,20×0,9 м) имела глубину 1,6 м. Верхняя часть цистерн разрушена, поэтому сливов на месте не сохранилось. Один слив из известняка был найден в верхних слоях заполнения винодельни, размеры его — 40×30×30 см. Может быть, он принадлежал ранее одной из этих цистерн, так как площадка у цистерн совершенно разрушена, не сохранился и борт, отделявший цистерны от площадки. Может быть, скопление обломков цемьянки, найденных на расстоянии 0,2 м от первой цистерны, является остатками разрушенного борта площадки.

Всей винодельни нам расчистить не удалось. Исследована только одна давяльная площадка. Можно предполагать, что существовала вторая давяльная площадка без каменного основания пресса, как это было в Тиритаке в винодельне Т-2¹. Горгиппийская винодельня по конструкции ближе всего этой винодельне.

На полу винодельни, покрытом слоем сажки и угля, найдены были обломки черепиц и один обломок двустольной ручки амфоры. В засыпке цистерны тоже был горелый грунт с углями от сгоревших досок, там имелись обломки соленов и полукруглых, и желобчатых калиптеров. На полу восточной цистерны, под сгоревшими досками, были найдены железные гвозди², обрывок железной горелой цепи, а также обломок краснолаковой миски, сильно пострадавшей от огня. Всего в обеих цистернах было найдено 22 железных гвоздя.

Розовая цемьянка, которой облицована винодельня, небольшой керамический материал, найденный при расчистке, позволяют датировать ее первыми веками н. э. Винодельня покрыта ярко выраженным горелым слоем. Стена, ограждавшая винодельню, была разобрана, и в заполнявшем яму грунте лежали обломки реберчатых амфор и желобчатых калиптеров, что, по-видимому, говорит о разрушении винодельни в III в. н. э.

Винодельни открыты в Горгиппии впервые. Они свидетельствуют, что в экономике этого города, так же как и в других поселениях азиатской части Боспора³, виноделие играло важную роль.

¹ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре. МИА, № 85, 1958, стр. 397.

² Аналогичны найденным на пос. у дер. Семеновки (см.: И. Т. Крзликва. Боспор в поддвигантское время. М., 1967, стр. 163, рис. 44, 2—4).

³ И. И. Сокольский. Виноделие в азиатской части Боспора. СА, 1970, № 2, стр. 75.

На пересечении улиц Пушкинской и Ленина траншея перерезала подвальное помещение, в котором находился большой жернов.

Мощный завал рваного камня тянется вдоль траншеи почти на 7 м. Глубина траншеи в этом месте 2,2 м, но завал камней уходит глубже. В завале камней у западной его стороны стоит пифос. Здесь же рядом в северной стенке траншеи виден округлый, очень большой жернов из гранита розоватого цвета. Толщина 14 см. Формы его полностью установить не удалось. Среди камней завала видны яркие оранжевые пятна горелой земли, свидетельствовавшие о пожаре.

На 13 м от первого колодца экскаватором были выброшены еще два жернова: верхний прямоугольной формы с углублением и нижний.

Рис. 21. Золотые бляшки

Кроме описанных находок, в траншее собран также большой массовый материал. На Кубанской улице обнаружено до десятка античных мусорных ям и свалок, из которых четыре являлись местами сброса гончарного брака. Были подобраны разнообразные ручки и донца сосудов, обломки сосудов из белой, черной и красной глины, много фрагментов бракованных изделий — деформированных при обжиге. Найдена черноглиняная лоценовая ручка в виде фигурки кабана, терракотовая статуэтка голубя с отбитой головкой, красноглиняная лоценовая курильница и др. Здесь же — много импортной керамики с IV в. до н. э., клейменых ручек и горла кувшинов, обломки чернолаковых сосудов, а также монет.

Дальше по линии траншеи число находок постепенно сокращается. На Пушкинской улице их уже несравненно меньше, а в конце Пушкинского сквера они почти вовсе исчезают. По-видимому, где-то на линии ул. Черноморская—Курзал находилась западная окраина Горгиппии позднего времени. Здесь около курортной поликлиники постепенно прекратились следы пожара и не встречаются больше подвальные помещения. Именно в этом районе на Черноморской улице при рытье котлована для грязелечебниц в 1957 г. было найдено несколько гончарных водопроводных труб античного времени (длина 43,4 см, диаметры концов 8 и 5 см), похожих на трубы, описанные В. Д. Блаватским⁴. Ориентированные с Высокого берега вниз, они выявляют принцип действия горгиппийского водопровода. Вероятно, он начинался из источников под горой, где теперь с. Су-Песх. Воду сначала спускали на Высокий берег, а оттуда по разветвленной сети самотеком направляли в нижележащие городские кварталы.

Вне пределов Кубанской улицы восточнее крепостных ворот близ кинотеатра «Победа» при прокладке траншеи экскаватором было почти полностью уничтожено погребение. В северном профиле траншеи удалось проследить могилу, вырубленную в мергелевой скале на глубине 2,5 от современной поверхности; в могиле сохранился небольшой кусок дна саркофага из известняка длиной 0,4 м, несколько бляшек из золотой фольги, обломок сильно коррозированной пряжки и фаланга пальца. Бляшки (рис. 21) датируют могилу II в. н. э.

⁴ В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, № 19, стр. 253 и сл.

В. Н. КАРАСЕВ, А. С. ЛЕБЕДЕНКОВА

ГРОБНИЦЫ ИЗ ХУТОРА «РАССВЕТ» (АНАПСКИЙ РАЙОН)

Летом 1969 г. при закладке фундамента жилого дома на западной окраине хутора «Рассвет» в 18 км к северо-востоку от г. Анапы были обнаружены древние могилы в виде каменных ящиков. Анапская археологическая экспедиция, получив об этом известие, отправила для исследования открытых могил отряд, в состав которого вошли авторы статьи. Было установлено, что могильник располагался на возвышенном плато, слегка понижающемся к югу.

В траншеях, сооруженных для закладки фундамента, отчетливо прослеживались камни со сравнительно ровной поверхностью, поставленные на боковую грань. В отвале выброшенной земли найдены обломки амфор V—III вв. до н. э., в том числе ножка хиосской амфоры V в. до н. э., и край красноглиняного кувшина.

Были исследованы четыре² захоронения в каменных ящиках конца IV—первой половины III в. до н. э. Каменные ящики из тонких известняковых плит, поставленных на ребро и покрытых сверху некрупными плитами, находились на глубине от 35 до 50 см.

Могилы 1 (рис. 22, 1) была повреждена при прокладке траншеи. Сохранились западная, южная и незначительная часть восточной и северной стенок, которые позволяют установить размеры гробницы. Длина 2,01 м, ширина 0,84 м, глубина 0,54 м. Верхняя плита, перекрывавшая могилу, лежала на глубине 0,51 м.

В западной части гробницы обнаружены остатки костей голени. Можно предположить, что скелет лежал головой на восток. В гробнице в районе ног найдены: амфора (рис. 23, 1), лепная миска местного производства (рис. 22, 3), чернолаковая мисочка (рис. 22, 5), бронзовый перстень и два пряслица, амфора фассоская IV в. до н. э.³ Ее высота равна 65 см, высота горла 19 см, диаметр плечиков 30 см. На нижней части корпуса красной краской проведена горизонтальная полоса. Глина светло-коричневая, с включением блесток слюды.

Лепная миска сделана из глины с примесью кварцевого песка. Миска имеет темно-серую неровную, слабо лощеную поверхность и плоское дно, в изломе глина коричневого цвета.

¹ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1951, стр. 140, табл. IV, 12.

² Раскопки могильника продолжала в августе того же года археологическая экспедиция МОПИ им. Н. К. Крупской под руководством Ю. С. Крушкел. В раскопе размером 4×24 м, заложенном южнее обнаруженных нами могил, были открыты еще 15 аналогичных погребений V—IV вв. до н. э. Начальником раскопа являлся В. Н. Карасев (Архив ИА АН СССР, ф. Р-1).

³ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 142, табл. VI, 17.

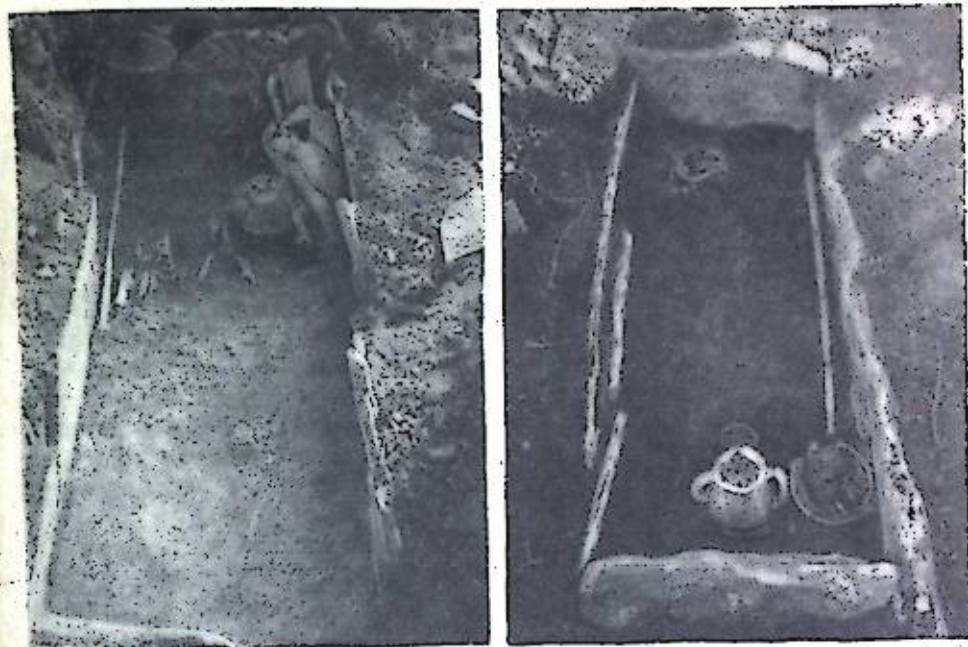

Рис. 22. Вид могил (1, 2) и керамика из погребения (3—6)

Рис. 23. Амфора и перстень из могил 1

репа. Сильно истлевшие кости скелетов не дают возможности установить, было ли здесь коллективное погребение или повторные захоронения. Под раздробленными костями скелетов найдено кольцо из серебряной проволоки толщиной в 2 м. Диаметр кольца 2,5 см.

Могила 3 частично разрушена траншеей. Расположена параллельно могиле 2 в 3,8 м к северу от нее. Плита частично сохранившегося перекрытия залегает на глубине 0,5 м, подошва гробницы на глубине 1,04 м. Длина могилы 2 м, ширина 0,8 м. Восточная и западная стенки сложены из цельных плит. От костяка сохранились только берцовые кости и кости таза, свидетельствующие, что погребенный лежал головой на восток.

В засыпи могилы найдены обломок края красноглиняной мисочки и венчик сероглиняного кувшина. У северной стены гробницы лежала пантикапейская бронзовая монета. На лицевой стороне ее — голова безбородого Сатира в венке из плюща, на оборотной — протома пегаса вправо. А. Н. Зограф датирует такие монеты 375—340 гг. до н. э.⁶ Д. Б. Шелов — 330—315 гг. до н. э.⁷

Могила 4 (рис. 22, 2) расположена в 2 м к западу от гробницы 1. Она была перекрыта тремя хорошо сохранившимися плитами, лежавшими на глубине 0,5 м. Дно могилы находится на глубине 0,8 м. Длина могилы 1,2 м, ширина 0,47 м.

Захоронение детское. От костяка сохранились часть черепа и молочные зубы.

Чернолаковая мисочка или солонка имела диаметр 10 см, высоту 3 см, диаметр дна 7 см. Под слегка отогнутым краем проходит тонкий ободок, нанесенный розовой глиной. Лак тусклый, с едва заметным матовым оттенком, датирует мисочку IV в. до н. э.⁴ Аналогичная мисочка была найдена в 1958 г. в одной из могил вблизи этого могильника⁵.

В юго-западном углу гробницы обнаружены два глиняных пряслица в форме усеченного конуса и бронзовый перстень со щитком миндалевидной формы. Диаметр перстня 2 см. На щитке вдавленное изображение дельфина (рис. 23, 2).

Могила 2 находилась на расстоянии 1 м к западу от могилы 1. Глубина залегания ее верхней плиты 0,45 м, глубина залегания основания гробницы 0,9 м. Длина могилы составляет 2 м, ширина 0,9 м. В восточной части могилы сохранились три че-

В юго-западном углу могилы обнаружена лепная миска из серой глины (рис. 22, 6), содержащей значительное количество примесей песка. На поверхности едва заметны следы лощения. Там же найден сероглиняный лепной кувшин (рис. 22, 4). Его высота — 16 см, диаметр края — 9,5 см, диаметр дна — 8 см. Венчик слегка отогнут наружу. Ручки круглые в сечении, укреплены непосредственно под венчиком и имеют толщину 2 см. Вблизи кувшина найдена крышка, по форме напоминающая колпачок с наперстковидным навершием. Она сделана из той же глины, что и кувшина, и хорошо садится на его края. Высота крышки — 6 см, диаметр — 8 см. Найдены также шесть раковин каури, разбросанных в центральной части гробницы.

В 1958 г. в 200 м к северо-востоку от исследуемого могильника были обнаружены четыре скифских захоронения в каменных гробницах, относящиеся к V в. до н. э.⁸

⁴ В. Д. Блаватский. Античная расписная керамика. М., 1953, стр. 52, табл. VIII, 103.

⁵ Ю. С. Крушкoл. Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. УЗ МОПИ, т. CXV, 1963, вып. 4, стр. 57, рис. 6.

⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XI, 19.

⁷ Д. Б. Шелов. Монетное дело Восточного Боспора в VII—II вв. до н. э. М., 1951, стр. 214, табл. III, 56.

⁸ Ю. С. Крушкoл. Указ. соч., стр. 59 и сл.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

РАСКОПКИ ЮЖНО-ДОНУЗЛАВСКОГО ГОРОДИЩА
В 1966—1969 гг.

Южно-Донузлавское городище, расположенное в 28 км к северо-западу от Евпатории, на берегу моря, исследуется Донузлавской экспедицией ИА АН СССР и Евпаторийского музея начиная с 1960 г. непрерывно¹. В 1966—1969 гг. проведены работы² на нескольких участках городища, получены новые данные по его планировке в различные периоды существования здесь поселения с конца IV в. до н. э. по I в. н. э.; раскрыты скифские оборонительные сооружения, одновременные ограды, шесть каменных зданий и 27 хозяйственных ям. Общая площадь, вскрытая за десять полевых сезонов на городище, составила около 2000 кв. м при толщине культурного слоя до 3 м.

В предыдущие годы было установлено, что Южно-Донузлавское городище, основанное на рубеже IV—III вв. до н. э. выходцами из Херсонеса, было около середины II в. до н. э. захвачено скифами; территория скифской крепости заняла центральную часть первоначального греческого поселения, окраины же последнего или были погребены под огромными валом и рвом скифской оборонительной системы, или оказались за пределами скифских укреплений, как это наблюдается и на других синхронных памятниках Северо-Западного Крыма³. Раскопками 1966—1969 гг. выяснено, что позже, в I в. до н. э., за скифскими оборонительными стенами возникает неукрепленное поселение, в свою очередь выходящее за пределы раннего, греческого: в юго-восточной части поселения под скифскими строительными остатками не оказалось культурного слоя «херсонесского» периода.

Таким образом, определились границы, в которых надо искать греческие оборонительные стены, видимо, сильно разрушенные и перекрытые двухметровой толщей наслоений скифского времени. Явным признаком того, что Южно-Донузлавское поселение с самого начала было укрепленным, явился вторично использованный в поздней кладке на раскопе 1 те-

¹ См.: О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг. КСИА, вып. 109, 1967.

² В раскопках 1966—1969 гг., возглавлявшихся автором, участвовали: руководители раскопов — А. С. Голенцов, В. Ю. Есаулов, Ю. Г. Виноградов, И. Р. Пичикян; научные сотрудники (геофизики) — К. К. Шляк и Г. М. Швед; архитекторы — А. П. Пиганов, В. И. Томи и Е. П. Шурчков; лаборанты — М. А. Амбарова, Н. Ю. Бакатина, Ю. А. Лифшиц, Ю. Д. Смирнов, Ю. И. Тильман, И. П. Фильмонова и др.

³ А. Н. Карасев. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 132; А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. Там же, стр. 145.

Рис. 24.

1 — раскоп V (вид с северо-востока); 2 — квадрат с вырезанным углом и пазом для дверного засова; 3 — подробная стена

санный квадрат с вырезанным углом и пазом для дверного засова (рис. 24, 2), во всех деталях похожий на камень в дверном проеме входа в белаяускую башню⁴. Единообразие строительных приемов, примечательное прежде всего с точки зрения организации херсонесской хоры, дает основание предполагать, что и на Южно-Донузлавском городище была башня.

Работы в северо-восточной части городища (раскоп 1) подтвердили сделанный в предыдущие годы вывод, что здесь первоначально находилось зернохранилище, на месте которого в конце III в. до н. э. были построены каменные здания: открыты еще семь хозяйственных ям (№ 22—25

⁴ О. Д. Дашевская. Античная башня на городище. Беляус. КСИА, вып. 116, 1969, стр. 88.

и 31—33), и количество ранних ям теперь достигло двенадцати. В некоторых из них оказалось вторичное заполнение (вагинистическая керамика)⁵, другие же были просто засыпаны землей.

Доследование греческих строительных остатков, перекрывающих зернохранилище, показало, что они составляют единый комплекс, подчиненный общей планировке, типа небольшой усадьбы. В северо-восточной ее части возвышалось главное, жилое здание (В), отличавшееся особенно толстыми (0,90 м) стенами и имевшее размеры по внешнему обводу 9,30×6,60 м. Площадь двух его помещений — 4,70×4,40 и 3×2,40 м. В одном из них сохранились остатки лестницы, которая вела на второй этаж. Полы обоих помещений были вымощены каменными плитами. Вход в здание был с юга, где находился мощный дворик. Южнее его располагались помещения К-I и К-II с плохо сохранившейся юго-восточной пристройкой К-III, а с запада к ним и к зданию В примыкали узкий двор М-I и еще девять помещений, обозначенные литерой М (до окончательного раскрытия общей планировки они фиксировались как «здание М»). Эти помещения вытянуты в направлении с юга на север двумя рядами. Помещения восточного ряда представляли собой маленькие клетушки (шириной 1,65 м и длиной 2,40—3,20 м) с каменными вымостками и скорее всего предназначались для скота. Помещения западного ряда, с глинобитными полами, имели размеры 3,30—4 м×2,80—3,40 м. Назначение во всяком случае большинства из них также было хозяйственным. В углах двух помещений оказались загородки из поставленных на ребро плит (причем одна — двухсекционная); в одном из помещений была вырыта большая яма (№ 21) для хранения продуктов. Только в помещении М-V прослежены остатки очага.

Следует отметить, что подошва клетушек лежит на уровне вымостки дворика, а полы других помещений зданий К—М и В заглублены по сравнению с первыми на 0,40 м — до материка. Эта разница уровней имеет не хронологические, а конструктивные причины.

Толщина внешних стен здания К—М составляет 0,60 м. Наружный их фас сложен из крупного, слегка подтесанного камня, в нижних рядах — с чертами полигональности. Внутренний же фас (как и в здании В) был сложен из среднего и мелкого камня и обмазан глиной. Стены, разделявшие помещения, имели толщину лишь 0,40—0,45 м и выложены из мелкого камня. Все стены построены впереплет. Протяженность здания К—М с востока на запад была 16 м, а с юга на север — не менее 24 м. Северная часть здания разрушена.

На расстоянии 6,40 м к югу от здания К—М обнаружена стена № 71 типа ограды толщиной в основании 1,30 м, сохранившаяся в высоту на 1,10 м. Северный фас ее, обращенный к вышеописанному комплексу, сложен грубо, из неровных камней, с заметным отклонением от вертикали (кверху стена сужается). Южный же фас, внешний, имеет совершенно другой характер: в его кладке камни подтесанные, продолговатые, хорошо подогнанные. Эта стена, как и стены зданий, сложена на глиняном растворе.

Продолжалось исследование скифских оборонительных сооружений II в. до н. э. — вала и рва, облицованных ступенчатой каменной кладкой, которая и на вновь открытом юго-восточном участке (протяженность 15 м) сохранилась в высоту на 4 м. Стоявшая некогда на валу каменная стена рухнула и образовала огромные каменные завалы во рву. Общая протяженность раскрытого отрезка скифских вала и рва составляет теперь около 40 м. Выявлен главный поворот стены к югу, свидетельствующий об округлой планировке скифской крепости.

⁵ О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг., стр. 65—66.

Неукрепленная часть поселения исследовалась к югу и юго-востоку от раскопа I — на раскопах III и V. Эти участки расположены близко от моря, и поэтому культурный слой здесь перекрыт песчаным балластом (толщиной до 1,5 м). На раскопе III раскрыто здание I в. до н. э. площадью 6,20×4 м. Как и постройки на раскопе I, оно ориентировано по линии ССЗ—ЮЮВ. Толщина стен его, сложенных из рваного камня средней величины на глиняном растворе, — 0,50—0,60 м. Сохранность стен в высоту — 0,50 м. Пол глинобитный. В западной стене имеется дверной проем шириной 0,90 м. С юга к юго-восточному углу и с запада к северо-западному углу примыкают стены, пока не исследованные.

Площадь раскопа V достигла 500 кв. м (рис. 24, 1). Здесь исследовались четыре каменных здания, пять хозяйственных ям и ограда. Все строительные остатки хронологически не выходят за пределы I в. до н. э. — I в. н. э. и относятся к скифскому периоду жизни поселения. Наиболее ранним является здание Г, обнаруженное в 1969 г. и еще не исследованное. В отличие от других зданий Южно-Донузлавского городища оно ориентировано строго по странам света. Раскрыта его западная стена толщиной 0,55 м, сложенная из рваного камня на глине и сохранившаяся в высоту на 1,60 м.

В южной части раскопа раскрыто большое, плохо сохранившееся (до 0,90 м в высоту) здание А, имевшее не менее четырех помещений (см. рис. 24, 1, на заднем плане). Лучше всего сохранилось среднее северное помещение I, имевшее ширину 3,15 м и длину 4 м. К югу от него находилось такого же размера помещение II с остатками каменной вымостки (полы всех остальных помещений — глинобитные). В углу восточного помещения III обнаружен очаг. Северная стена здания толщиной 0,60 м прослежена на протяжении 18 м. Характерной особенностью ее, как и других внешних стен зданий на этом раскопе, является двухпанцирная кладка на глиняном растворе с забутовкой из мелкого камня, причем нижний ряд кладки панцирей, заглубленный ниже уровня дневной поверхности, состоит из особенно больших плоских камней, поставленных на ребро, камни же верхних рядов лежат плашмя.

К северу от здания А раскопано маленькое здание Б (рис. 24, 1, на переднем плане). Оно ориентировано с ССВ на ЮЮЗ, площадь его — 4×1,80 м, толщина стен — 0,50 м; в высоту стены сохранились до 1,30 м. В северо-западном углу здания оказалась загородка в виде сектора радиусом 1 м, вымощенного плоскими камнями. В западной стене на высоте 0,65 м от глинобитного пола сделана ниша (высота ее — 0,28 м, ширина — 0,23 м, глубина — 0,30 м). Вход в здание был с юга: между южной и восточной стенами оставлен проем шириной 1 м. Восточная стена в процессе бытования здания была укреплена контрфорсом — параллельной стенкой, имеющей длину 1,60 м и толщину 0,40—0,60 м. Такой прием укрепления стен зафиксирован в Северо-Западном Крыму на городище Гарпанчи⁶.

От северо-восточного угла здания Б к северу отходит стена толщиной 0,50 м, служившая, видимо, оградой двора. На расстоянии 3,70 м от здания она поворачивает к востоку. Севернее этих стен обнаружена каменная вымостка шириной 1,20 м и лестница из трех ступеней, а за ними к северу — длинная стена толщиной в основании 0,80 м, сложенная из неправильных уплощенных камней, на глиняном растворе. Кверху стена сужается; в высоту она сохранилась на 0,80 м. Подошва ее лежит на 0,30 м выше подошвы здания Б. Стена эта прослежена на протяжении свыше 13 м, оба конца обрываются. Основная часть ее идет в направлении с запада на восток, затем восточный конец плавно поворачивает

⁶ А. Н. Щеглов. Указ. соч., стр. 145.

Рис. 25. Амфоры и кувшины из ямы № 27 и ледной котла из ямы № 26

к северо-востоку. Эта стена служила оградой определенного участка поселения. За стеной оказалось погребение младенца в нижней части светлоглиняной амфоры со стаканообразной ножкой.

За четыре года на Южно-Донузлавском городище раскопаны 20 хозяйственных ям I в. до н. э.—I в. н. э., из них 4 за пределами крепости и 16 — на укрепленной территории. Верхние части ям выкопаны в культурном слое, нижние — на различную глубину врезаются в материк. Глубина наибольших ям достигает 3,50 м, диаметр дна — 2,50 м. Некоторые из них были вторично использованы для свалки и заполнены золой, обломками печины и керамики.

В одной из ям на раскопе V найдена нижняя половина краснолакового сосуда на поддоне с рельефным изображением менад и эротов. Наибольшее количество находок дали ямы № 26—28 и 34 на раскопе I. Они представляют значительный интерес как закрытые комплексы I в. н. э., содержавшие разнообразные виды одновременно бытовавшей керамики: амфоры, античную и скифскую посуду.

Яма № 27 оказалась сплошь заполненной битой керамикой: около 50 сосудов удалось реставрировать и свыше 100 представлено значительными фрагментами. Здесь найден небольшой пифос с тремя валиками. Амфоры (из которых полностью восстановлено семь) были различные: красноглиняные, светлоглиняные, южнопонтийские с двустольными ручками и узкогорлые (рис. 25, 1), коричневоглиняные (рис. 25, 3), близкие к тем, которые в последнее время принято считать колхидскими⁷. Интересна синопская амфора с профилированными ручками, у верхних концов которых сделано по два круглых плоских налета. На плечах одной из

амфор нацарапана надпись, говорящая о принадлежности ее моряку Конону⁸.

К числу редких форм относятся амфоровидные одноручные кувшины (рис. 25, 2), представленные в нашем комплексе тремя экземплярами: один — из светло-коричневой хорошо отмученной глины с блестками слюды, два — с темно-красным ангобом, покрывающим верхнюю часть. До сих пор в Северном Причерноморье они были встречены только один раз (в более позднем варианте) — в Ольвии⁹ — и известны главным образом по находкам на афинской агоре; среди последних ближайший к нашим тип датируется I в. н. э.¹⁰

Сереоглиняная керамика представлена кувшинами с лощеным орнаментом в виде елочек и треугольников, а также двумя чернолаковыми сосудами-фильтрами с носиком и ситечком в горле (рис. 26, 2)¹¹. Очень разнообразна краснолаковая керамика: здесь были кувшины (рис. 26, 1), блюдо с вдетой в отверстие бронзовой петлей для подвешивания (рис. 26, 3), миски и тарелочки различных форм и размеров. Уникален пергамский канфар, покрытый зеленовато-коричневой поливой, с рельефным орнаментом из ов, желудей и дубовых листьев¹²; полную ему аналогию удалось отыскать лишь в Херсонесе, но там встречены только мелкие обломки¹³.

⁷ О. Д. Дашевская. Два граффити на амфорах Южно-Донузлавского городища. КСИА, вып. 124, 1970.

⁸ Г. М. Мелентьева. Ольвийский керамический комплекс первых веков н. э. КСИА, вып. 116, 1969, стр. 25—27, рис. 3, 1, 2.

⁹ M. Lang. Dated jars of early imperial times. *Hesperia*, t. XXIV, f. 4, стр. 276—282, табл. 79 е.

¹⁰ Ср. F. Courby. *Les vases grecs à reliefs*. Paris, 1922, стр. 331, рис. 64.

¹¹ А. С. Голенцов. Античный поливной сосуд из Северо-Западного Крыма. КСИА, вып. 128, 1971.

¹² Помимо учтенных в статье А. С. Голенцова двух фрагментов из раскопок Р. Х. Лепера, еще один обломок обнаружен в 1968 г. в портовой части Херсонеса, в яме помещений 49—52.

⁷ А. Ю. Кахидзе. К истории городов Восточного Причерноморья в античную эпоху (Кобулет — Пичвиари). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1965; О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.), стр. 137 и 272, табл. XXXIV.

Рис. 26. Сосуды из ямы № 27

1 — краснолаковый кувшин с белой росписью; 2 — сосуд-фильтр; 3 — краснолаковое блюдо; 4, 5 — лепные сосуды

Среди лепных сосудов этого комплекса преобладают горшки, в том числе с орнаментом из зашипов по венчику (рис. 26, 5), есть горшки с ручками, кувшины, миски; интересна миска с четырьмя ручками-упорами (рис. 26, 4).

В числе сосудов из ямы № 26 наиболее интересны лепной котел диаметром 0,75 м с двумя «гофрированными» ручками (рис. 25, 4), лепная

ойнохой, обломки таких же сосудов-фильтров, какие найдены в яме № 27. Надо отметить также находку железного наконечника копья в этой яме и еще одного — вне ямы, вместе с тремя амфорами коричневой глины.

В северо-западной части поселения, вне скифских укреплений, там, где сейчас находится двор школы с. Поповки, была случайно выкопана при посадке деревьев¹⁴ известняковая надгробная стела высотой 1,13 м (рис. 24, 3)¹⁵. Общие очертания ее подражают форме наиболее грубых поздних греческих надгробий¹⁶. Но изображение, выполненное в невысоком рельефе, носит несомненно варварский характер. Здесь очень схематично представлены две женские фигуры, большая и маленькая, в длинных одеяниях с треугольными «шлейфами». Последняя деталь находит себе параллель в изображениях на другой стеле из с. Поповки, также найденной северо-западнее Южно-Донузлавского городища и относящейся к конечному периоду его существования¹⁷. Оба эти памятника свидетельствуют о наличии поблизости бескурганного некрополя, пока еще не обнаруженного (раскопки на месте находки не дали результата), а также существенно дополняют имеющиеся данные¹⁸ о проживании здесь в I в. н. э. скифского населения.

¹⁴ Стела передана нам учительницей Н. Г. Пиксасовой, оказавшей большую помощь экспедиции.

¹⁵ О. Д. Дашевская. Археологические исследования близ оз. Донузлав. АО 1966 г. М., 1967, рис. на стр. 213.

¹⁶ А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961, стр. 84, рис. 32.

¹⁷ П. Н. Шульц. Надгробный рельеф сарматского круга. «Культура античного мира». М., 1966.

¹⁸ О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг., стр. 70.

А. Н. ЩЕГЛОВ

КУРГАН-КЕНОТАФ БЛИЗ ЯРЫЛГАЧСКОЙ БУХТЫ

На северной окраине хоры Херсонесского государства, по сторонам нынешней Ярылгачской бухты (Тарханкутский п-ов), располагалось несколько аграрных населенных пунктов, возникших, по-видимому, во второй половине—последней трети IV в. до н. э. в процессе колонизации Херсонесом северо-западной части Крыма. Наиболее крупный из них — поселение Панское I — находится на северо-восточном берегу соленого озера Сасык-Панское¹. В 100—150 м к северо-востоку от поселения расположена курганная группа (около 50 насыпей от 0,45 до 2 м высоты), вероятно, его некрополь.

На одном из курганов (2 по нашей нумерации) О. Д. Дашевская в 1967 г. зачистила выходящую на поверхность могилу, облицованную известняковыми плитами. Погребение в ней оказалось грабленным. Инвентарь состоял из иглы, железного долота и лекифа второй половины IV в. до н. э.²

В 1969 г. Тарханкутский отряд ЛОИА проводил раскопки сельской усадьбы IV—III вв. до н. э. на поселении Панское I. Одновременно на южной окраине указанной курганной группы, в 20 м к югу от кургана 2, исследован небольшой курган 3 (диаметр — 9,5, высота — 0,6 м)³.

Курганную насыпь из светло-желтого лессовидного суглинка подстилал слой погребенной почвы, сформированной также на лессовидном суглинке, который в свою очередь залегает на коренных породах (известняки №), близко подходящих к поверхности. Курган насыпан после того, как на древнюю поверхность почвы было положено несколько плоских камней, обозначивших центр насыпи.

По краю насыпи курган обрамлял кромлех (внутренний диаметр — 6—6,5 м, ширина — 0,8—1,3 м) из необработанных известняковых камней (рис. 27, 1), средний поперечник которых колебался в пределах 0,2—0,5 м. Кромлех сооружен после возведения насыпи. Образующие его плоские камни стояли на насыпи на ребре в два-три ряда с забутовкой между ними. С течением времени они падали по направлению от вершины кургана, затягивались расплывавшейся насыпью и дерновались. Положение камней позволило провести частичный анастилоз в северо-западном секторе кургана; после него конструкция кромлеха стала более наглядной.

¹ Поселение открыто в 1965 г. Г. И. Алешенко. Разведки на нем проводились в 1966 и 1967 гг. Тарханкутской и в 1967 г. Донузлавской экспедициями (см.: О. Д. Дашевская, Работы Донузлавской экспедиции, АО 1967 г. М., 1968, стр. 215; А. Н. Щеглов, Исследования в Северо-Западном Крыму. Там же, стр. 213; он же, Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху. КСИА, вып. 124, 1970, стр. 20 и сл.

² О. Д. Дашевская. Указ. соч., стр. 216.

³ А. Н. Щеглов, Раскопки на территории хоры Херсонеса. АО 1969 г., стр. 257 и сл.

Рис. 27.

1 — общий вид кургана с ЗЮЗ; 2 — перекрытие могилы М1 (на втором плане ватерь А1); 3 — могила М1 после расчистки; 4 — перекрытие могилы М3 и ватерь А1; 5 — могила М2 и М3; 6 — ватерь А1.

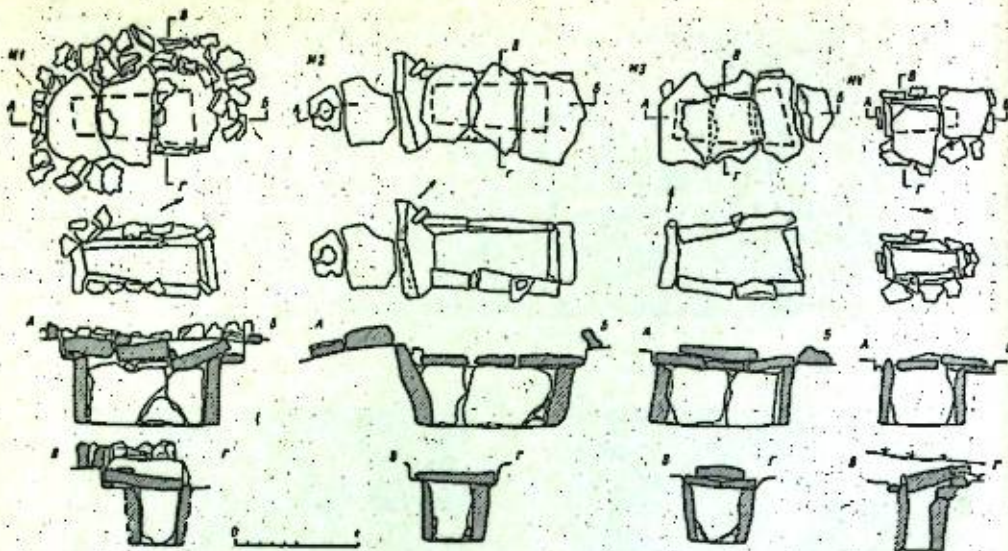

Рис. 28. Планы и разрезы могил кургана

С внутренней стороны к кромлеху примыкало четыре могилы (рис. 27, 28). Все они прорезали курганную насыпь и были впущены в материк. Могильные ямы несколько суживаются к одному концу; они облицованы и перекрыты известняковыми плитами. Ориентировка могил связана с изгибом линии кромлеха. Их конфигурация и размеры приведены на рис. 28 и в табл. 1. Каждую могилу окружала ограда из постареленных на ребро небольших плоских камней. Заполнение могильных ям состояло из стерильного грунта — выброса из тех же ям. Ни погребений, ни инвентаря в могилах не оказалось. Вместе с тем нет никаких следов нарушения плит перекрытия или перекопов засыпи в ямах. Они, несомненно, не предназначались для погребения умерших. Это подтверждают и малые размеры «могил».

В северо-восточной поле кургана к наружной стороне кромлеха примыкали три положенные плашмя большие (до $0,7 \times 0,9$ м) известняковые плиты, образующие как бы перекрытие могилы, ориентированной по линии ЮЗ—СВ. Однако могильной ямы под ними не оказалось — плиты были уложены на поверхность.

В конструкцию кромлеха с юго-западной стороны кургана включены три известняковых прямоугольных алтаря с чашевидными углублениями и желобками для стока (А1—А3). А1, по-видимому, связан с М1. От него в направлении на запад отходила гряда (длина 1,9 м) из небольших камней, некогда стоявших на ребре в два ряда. Четвертый алтарь находился внутри ограды М3 и, несомненно, относился к последней. Все алтари почти одинаковы по размерам (табл. 2), но выполнены из разных пород известняков; различно и качество их обработки (рис. 27, 4, 6). Лучшее всего сделан А1 (рис. 27, 6) — он имеет очень четкие формы, тщательно отесан, и, кроме того, материалом для него послужил мшанковый известняк, выходов которого в ближайших окрестностях нет. Остальные изготовлены из местных выходов камня.

Алтари были установлены на поверхности курганной насыпи с некоторым наклоном — так, что желобки для стока оказывались направленными наружу.

Между камнями кромлеха, вокруг алтарей и внутри оград могил найдено 290 фрагментов амфор (рис. 29, 5—6), преимущественно гераклейских (табл. 3). На одном из обломков горла сохранилась часть клейма:

Рис. 29.

1 — антропоморфное надгробие в обкладке М6; 2 — антропоморфное надгробие херсонесского типа; 3 — фрагмент плиты с надписью; 4 — фрагмент горла гераклейской амфоры с клеймом; 5 — профили венчиков гераклейских и фасосских амфор; 6 — ножка фасосской амфоры; 7 — ножка чернолакового канфара; 8 — санитовое привалде; 9 — кромлех в северо-западном секторе после расчистки; 10 — тот же кромлех после аннастасова

ΟΥΕ (рис. 29, 4). В меньшем числе представлены фрагменты фасосских, херсонесских и синопских амфор, а также амфор не определенных центров (табл. 3). Кроме того, найдены мелкие обломки кувшинов (3), лутерия херсонесского производства (1), чернолаковых канфаров (5) и чернолаковой чашечки (4). Один обломок профилированной ножки канфара (рис. 29, 7) найден в выкиде грунта из юго-западного сектора. Обнаружено также множество раковин съедобных морских моллюсков: устриц (*Ostrea taurica* Куп.), мидий (*Mythilus galloprovincialis* Lam.), гребешка (*Pecten ponticus* B. Det.) и *Tapes rugatus* B. DD. Большая часть

разбитых, вероятно, во время тризны сосудов и раковин сосредоточена внутри оградок могил. Характерна сильная измельченность большинства обломков.

За пределами кромлеха с северной стороны кургана лежали обломки трех амфор: фасосских и гераклейской. Они, вероятно, были поставлены или положены на поверхность насыпи (в табл. 3 они не включены).

Помимо амфор, с наружной стороны кромлеха расчищено пять небольших «оградок» из камней. Внутри и вокруг них находок не было. Размеры оградок — от 0,4—0,6 до 1,0×0,5 м.

Почти в центре кургана находилась впущенная в насыпь слегка суживающаяся к одному концу яма, облицованная небольшими известняковыми камнями в 2—3 ряда. Заполнение ее — натечная земля. Следов перекрытия не обнаружено. Судя по светло-желтому выбросу с северо-западной стороны ямы, упавшим внутрь ее камням облицовки и характеру заполнения, яма была открытой. Никаких следов погребения, как и в остальных могилах, не оказалось; но возле ямы найдены обломки разбитого в древности лепного горшка, свищовое усеченно-коническое пряслице (рис. 29, 8) и раковины морских моллюсков.

Полной неожиданностью, как, впрочем, и все остальное, явилось использование в облицовке бортов описанной «могилы» антропоморфного надгробия и фрагмента плиты с греческой надписью (рис. 29, 1—3). Надгробие (высота 24, ширина 14, толщина 7,5—11 см) обычного херсонесского типа выполнено из мшанкового известняка. Шип сбит, но найден здесь же. Подобных изваяний, схематически изображавших человеческую голову, шею и часть плеч, в Херсонесе известно множество. Но за пределами города они встречены только на территории его хоры в Северо-Западном Крыму. Первое из них найдено на распаханном некрополе Кульчукского городища⁴, второе — использовано вторично в кладке стены скифской постройки на городище «Чайка»⁵. Кроме того, скелотый шип от такого же изваяния и фрагмент плиты-подставки найдены нами близ Кульчукского городища на его некрополе, а целая плита — подставка с углублением для шипа вложена в кладку стены II в. до н. э., пристроенную к дополнительному противотаранному поясу башни на городище Беляус.

Обломок плиты с надписью (высота — 8,3, ширина — 1,5 вверху и 4,5 см — внизу), вероятно, тоже является частью надгробия. Плита изготовлена из того же мшанкового известняка, что и изваяние, и не исключено, что она могла служить его базой. На фрагменте сохранились первые буквы четырехстрочной надписи:

Ν — ΔΕΛ(Μ?) —
ΟΕ — ΣΤ(Α?) —

По шрифту надпись может быть отнесена к III в. до н. э.

Подведем итоги. Обломки амфор и чернолаковых сосудов позволяют определить время сооружения насыпи кургана, кромлеха с алтарями и «могил» М1—М5 второй половиной IV—первой половиной III в. до н. э. Яма М6 была впущена в насыпь, вероятно, не раньше первой половины III в. до н. э. Все «могилы» условны — они не предназначались для погребений. Вместе с тем характер всех сооружений кургана, наличие приношений (тризны), да и его местоположение на некрополе вряд ли могут вызвать сомнения в заупокойно-мемориальном назначении этого памятника, который, вероятно, можно определить как своеобразный коллективный кенотаф. Курган в целом синхронен поселению Панское I. Во всем остальном он, не имея прямых аналогий, представляет пока для нас загадку.

⁴ А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. КСИИ, вып. 103, 1965, стр. 143, рис. 50, IV.

⁵ Устное сообщение И. В. Яценко (надгробие боспорского типа).

Однако ряд отдельных признаков находит параллели в некоторых других курганах Северо-Западного Крыма, а также, возможно, Восточного⁶. Так, наш курган сопоставим с курганом 3, раскопанным в 1968 г. близ городища «Чайка»⁷. Там мы находим те же основные элементы: каменную ограду по краю насыпи с многочисленными фрагментами разбитых амфор в ней; устройство могил под оградой; алтарь, сложенный из камня; могилу, облицованную поставленными на ребро плитами известняка и слегка суживающуюся к одному концу; наконец, положенную в насыпь пустую амфору. Но в могилах кургана близ «Чайки» были совершены погребения (в том числе два скорченных) с инвентарем второй половины IV в. до н. э. Разграбленные плитовые могилы, аналогичные нашим по конструкции, суживающиеся к одному концу, известны в курганах возле с. Фрунзевка (Ойбурчик)⁸ и поселения Окуневка I. Обломки амфор, найденные при зачистках, позволяют датировать их III—II вв. до н. э.

Таким образом, по-видимому, намечается определенная, пока еще малочисленная, локальная группа памятников, характеризующаяся конструкцией могил и другими деталями погребального обряда. Т. Н. Троицкая предположила, что погребение в кургане близ Фрунзевки могло относиться к сатархам или роксоланам⁹. Вторая часть этого предположения снимается в настоящее время датировкой всех перечисленных курганов. Что же касается первой, то она не исключена, если верна гипотеза о заселении сатархами северо-западного побережья Крыма¹⁰. Как явствует из надписи Посидея, найденной в Неаполе Скифском (ΙοῦΡΕ, I², 672), сатархи были морским народом и занимались пиратством. В связи с этим невольно вспоминается наличие только морской фауны в приношениях на публикуемом кургане. Не служили ли его условные могилы кенотафами для погибших в море? Но пиратством занимались также, как известно, и тавры. А присутствие тавров в рассматриваемое время в Северо-Западном Крыму зафиксировано керамикой¹¹. Найдена она и на поселении Панское I.

Курганы, о которых здесь говорилось, по всей вероятности, связаны с земледельческими поселениями херсонесской хоры. Надо думать, что они, как и рядовые боспорские курганы, принадлежали варварскому, по-видимому, зависимому или полувисимому населению, занятому обработкой сельскохозяйственной территории. В данном случае это была зона Херсонесского государства. Вероятно, не случайно погребения в курганах близ «Чайки»¹² сопоставимы с рядовыми погребениями некрополя в северном районе Херсонеса¹³. Однако какие-либо выводы делать еще рано, и вопрос о том, какой группе населения мог быть свойствен описанный обряд (крымским скифам, сатархам или переселенным сюда Херсонесом из Юго-Западной Таврики таврам), остается пока открытым.

⁶ Ср.: Э. В. Яковенко. Скифы Восточного Крыма в V—III вв. до н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр. 6.

⁷ А. А. Коновалов. Раскопки курганов близ городища «Чайка», АО 1968 г. М., 1969, стр. 294 и сл.

⁸ П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции, СА, III, 1937, стр. 254; он же. Евпаторийский район. АИР. М—Л., 1941, стр. 275, рис. 76.

⁹ Т. Н. Троицкая. Скифские курганы Крыма. ИКОГО СССР, I, 1951, стр. 94.

¹⁰ А. Н. Щеглов. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху. ВДИ, 1966, № 4, стр. 146 и сл.

¹¹ О. Д. Дашевская. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом, СА, 1963, № 4, стр. 208 и сл. (сейчас эту сводку можно дополнить новыми пунктами находок);

А. Н. Щеглов. О населении... стр. 154; он же. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. АИКСР. Л., 1968, стр. 339.

¹² А. А. Коновалов. Указ. соч., стр. 294 и сл.

¹³ Ср.: Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. (Севастополь), 1938, стр. 194 и сл.; он же. Некрополь Херсонеса классической эпохи. СА, XIII, 1950, стр. 275 и сл.

Параметры могил, в м

№	Длина	Глубина	Ширина		Ориентировка расширенной частью
			в узкой части	в широкой части	
M1	1,0	0,6	0,23	0,40	СВ 25°
M2	0,67	0,48	0,30	0,45	В 75°
M3	0,95	0,5	0,28	0,38	СВ 45°
M4	0,52	0,55	0,13	0,20	Ю 175°
M5*	1,40	—	0,40	0,90	СВ 45°
M6	0,72	0,30	0,30	0,40	СВ 45°

* Приведены размеры „перекрытия“.

Таблица 2

Параметры алтарей, в м

	A1	A2	A3	A4
Длина	285—295	375	350	270
Ширина	290—300	395	370—375	330
Высота	105	115	80	100
Диаметр чаши	120	110	135—140	110—130
Глубина чаши	10	13	15	20
Длина желобка для стока	70	70	95	80
Ширина желобка для стока	20	25	20	35
Глубина желобка для стока	10	5	7	15

Таблица 3

Соотношение количества находок фрагментов амфор

Фрагменты	в фрагментах					Всего п/о
	Гераклейские	Фасосские	Синопские	Херсонесские	Не опред.	
Горла	13	4	—	—	—	17/5,8
Ручек	13	—	—	—	1	14/4,8
Стенок	197	41	9	4	4	255/88,0
Днищ	3	1	—	—	—	4/1,4
Всего п/о	226/78	46/16	9/3,1	4/1,3	5/1,6	290/100,0
Секторы						
СЗ	40	—	—	—	—	40/13,8
ЮЗ	34	1	2	—	3	40/13,8
ЮВ	71	30	7	4	1	113/39
СВ	81	15	—	—	1	97/33,4
Всего	226	46	9	4	5	290/100,0

Е. Г. КАСТАНАЯН

РАСКОПКИ ПОРФМИЯ В 1968 г.

Остатки боспорского города Порфмия расположены на западном берегу Керченского пролива, у места современной железнодорожной переправы на Таманский полуостров, к северо-западу от нее. Это городище вошло в зону строительства переправы и было обследовано в 1950 г. главным инженером строительства В. В. Веселовым, результаты его разведок опубликованы¹.

Населенный пункт под названием Порфмий упоминается в перипле Анонима как расположенный на европейском берегу Керченского пролива, который автор перипла называет устьем Мэотийского озера или Боспором, причем сообщает расстояние Порфмия от Мирмекия, равное 60 с лишним стадиям². Это расстояние совпадает по расчетам В. В. Веселова, произведенным им по береговой линии, с местоположением нашего городища. Еще К. Э. Гриневичем было в свое время высказано предположение, что Порфмий, упоминаемый Анонимом, располагался в районе Еникальского мыса, поблизости от которого и находится городище³. Название же Порфмий (Аноним именует этот населенный пункт то *Πορφύμιον ἕρμιον*, то *ἕρμιον Πορφύμιον*) происходит от слова *πορφυρία* — переправа. Это также согласуется с местоположением Порфмия в самой узкой части Керченского пролива. Возможно, это место и было одной из тех киммерийских переправ, о которых упоминает Геродот⁴. Все это дает основание отождествить городище, о котором идет речь, с Порфмием, упоминаемым Анонимом.

Раскопки Порфмия производились Боспорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР в течение двух сезонов: в 1953 и 1968 гг. В первый год, когда экспедицию возглавлял В. Ф. Гайдукевич (в 1967 г. в связи с его смертью руководство экспедицией было передано П. Н. Шульцу), был раскрыт участок города последнего строительного периода (вторая половина III—начало I в. до н. э.), примыкающий к северной оборонительной стене, и часть самой этой стены, возведенной во второй половине III в. до н. э. На одном из участков работ раскопки были углублены до материка, причем было установлено, что город возник во второй половине VI в. до н. э. Раскопкам 1953 г. посвящена наша краткая статья⁵. За время пятнадцатилетнего перерыва в раскопках на раскрытом участке

¹ В. В. Веселов. Древние городища в районе Сиягина. АИБ, I. Симферополь, 1952, стр. 227 и сл.

² *Аноним*, *Peripl.*, 69, 76-SC, I, вып. I, 1893, стр. 280 и 282.

³ К. Э. Гриневич. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского п-ва. ИТОИАЭ, I, 1927, стр. 50 и сл.

⁴ *Her.* IV, 12.

⁵ Е. Г. Кастанаян. Раскопки Порфмия в 1953 г. СА, 1958, № 3, стр. 203 и сл.

местными жителями почти полностью были разобраны строительные остатки эллинистического периода; осталась часть оборонительной стены, да и та сильно пострадала. В 1968 г. производилось углубление раскопа на месте разобранных остатков⁶. В результате выявлена весьма пестрая картина разновременных построек, относящихся к периоду с V в. до н. э. до середины III в. до н. э. Бросается в глаза отличие ориентировки зданий этого времени от ориентировки городских кварталов последующего периода: постройки второй половины III—начала I в. до н. э. и относящиеся к этому времени оборонительные стены были ориентированы строго на север, более ранние здания — по линии ВЮВ—ЗСЗ⁷. Это указывает на то, что город к середине III в. до н. э. был перестроен заново. Выявленная в 1953 г. общая планировка города III—I вв. до н. э., отличающаяся четкостью, регулярностью расположения городских кварталов с прямыми улицами, со строгой ориентацией по странам света, говорит о одновременности возведения нового города и его оборонительных сооружений по заранее выработанному общему плану.

Под этим новым городом на участке раскопок 1968 г. установлено наличие построек четырех строительных периодов: V в. до н. э. (рис. 30, а), конца V—первой половины IV в. до н. э. (1), второй половины IV в. до н. э. (в) и первой половины III в. до н. э. (б). Все эти постройки сохранились очень фрагментарно. По-видимому, перед новой застройкой территории города на ней велись большие нивелировочные работы, стены старых домов были разобраны в большинстве случаев до основания, пространства между остатками стен и хозяйственные ямы были засыпаны бутом и грунтом, перемешанным со строительным мусором. Все это свидетельствует о планомерности предпринятой около середины III в. до н. э. новой застройки городской территории.

Наиболее ясную картину планировки дали остатки большого здания конца V—первой половины IV в. до н. э. Оно состояло минимум из четырех помещений (здание до конца не расследовано). Одно из них раскопано полностью. От него (размер 9,50×9,50 м) сохранились основания всех четырех стен, сложенных из камня-ракушечника, грубо обколотого, со слегка подтесанной лицевой поверхностью. Лишь в основании стен положены более или менее прямоугольные плиты довольно хорошей тески. В завале под юго-восточным углом помещения обнаружено скопление глиняной жженой обмазки со следами обгорелых прутьев. Куски ее найдены повсюду на полу помещения. Очевидно, ею были обмазаны стены по каркасу из прутьев или камыша. Пол помещения — глинобитный, на нем заметны были следы большого пожара, от которого, видимо, и погибла постройка. В помещении имелась яма (10), в ней найдены два кувшина (рис. 31, 1, 2), стенки ионийских амфор и тонкостенных сосудов с полным орнаментом. Аналогию одному из кувшинов (рис. 31, 2) дает сосуд из поселения в районе Фасиса, где он обнаружен в слое второй половины V в. до н. э.⁸ В яме найдены также обломки хиосских амфор V в. до н. э.⁹ и фрагмент ионийского светильника. В заполнении ямы встречались обломки сырцовых кирпичей, возможно, стены здания были сырцовыми на каменном цоколе.

В соседнем помещении того же здания, раскрытом лишь частично, была обнаружена яма (8) с четырьмя фасосскими амфорами. Две из них с клеймами на ручках. На одной (рис. 29, 5) клеймо сохранилось отчет-

⁶ В раскопках Порфмия в 1968 г. принимали участие А. И. Болтунова (начальник отряда) и Е. Г. Кастанали; чертежи выполнены Н. Н. Благовещенским.

⁷ План строительных остатков города III—I вв. до н. э. см.: СА, 1958, № 3, стр. 204, рис. 2.

⁸ О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966, табл. XXII.

⁹ Ср. И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, табл. IV, 12; VI, 16 в.

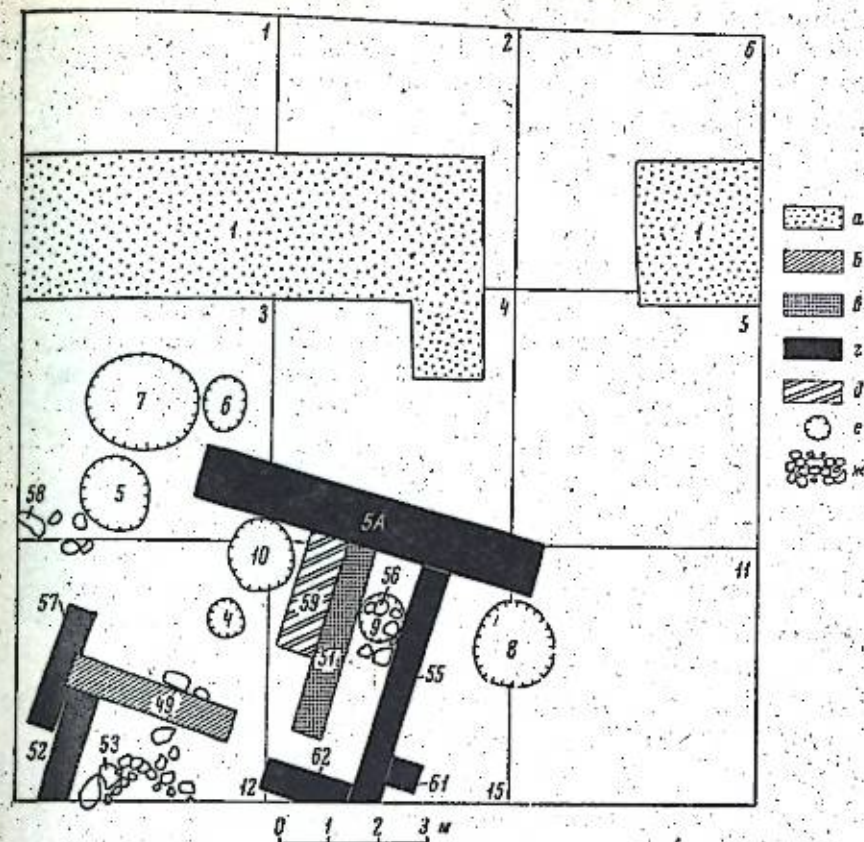

Рис. 30. План раскопанных в 1968 г. строительных остатков Порфмия

а — крестоватая стена; б — стена первой половины III в. до н. э.; в — стена второй половины IV в. до н. э.; г — стена здания конца V — первой половины IV в. до н. э.; е — ямы

ливо: ΘΑΣΙΩΝ, ΑΙΣΧΡΙΩΝ, ΚΛΕΟΦΩΝ, эмблема — дельфин. Датируется это клеймо, по А. Бон и В. Грейс, первой половиной IV в. до н. э.¹⁰ Так же датирует подобные амфоры и И. Б. Зеест¹¹. Другая клейменная амфора имеет ту же форму, но клеймо на ней стерто и потому не поддается чтению. Остальные две амфоры не клейменные. Одна из них (рис. 29, 4) по форме горла, ручек и характерному изгибу плечиков аналогична фасосской амфоре, опубликованной А.—М. и А. Бон¹². Подобные горла найдены в складе амфор на Фасосе. В этом складе находилось, кроме того, 12 амфор, которые предположительно датируются А. Бон первой половиной V в. до н. э., но они другой формы¹³. Оттуда же происходят фрагменты амфор с клеймами; одно датировано Л. Гали концом V—началом IV в.¹⁴, другое содержит имя эпистата первой половины IV в.¹⁵ Вторая неклеяменная амфора (рис. 31, 3) имеет на горле граффито в виде двух букв ΓΤ. По форме приближается к амфорам, отнесенным И. Б. Зеест

¹⁰ V. Grace. Small object from the Pnyx: II. Stamped wine jar fragments. Hesperia, suppl. IX, 1956, стр. 134, N 40; A. M. Bon et A. Bon. Les timbres amphoriques de Thasos. Paris, 1957, стр. 92, N 138.

¹¹ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, стр. 143 и сл., табл. VII—VIII, 20, а—и.

¹² А. М. Бон et А. Вон. Указ. соч., стр. 23, рис. 7, 3.

¹³ BCH, XXX, 1956, стр. 420, рис. 26 и стр. 427, рис. 37; A. M. Bon et A. Bon. Указ. соч., стр. 16, прим. 2.

¹⁴ BCH, IXVIII, 1954, стр. 213, № 1863.

¹⁵ A. M. Bon et A. Bon. Указ. соч., стр. 67, № 27.

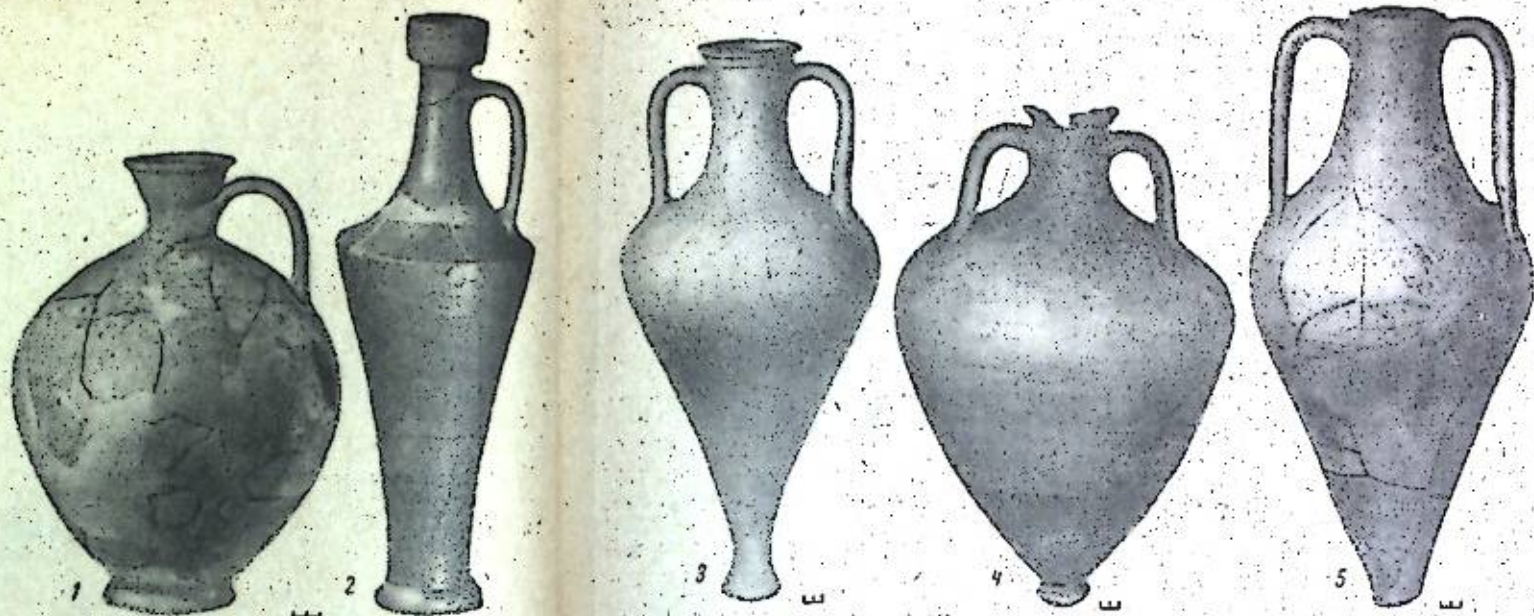

Рис. 31.

1, 2 — кувшины из ямы 10,
3 — 5 — амфоры из ямы 8

к V в. до н. э.¹⁶, но несколько отличается от них отсутствием резного пояса на горле и некоторыми деталями формы.

Вместе с амфорами в яме найдена нижняя половина керамиды шириной 49 см; глина светло-коричневая, в середине черепка — серая. По фактуре и цвету черепка эта черепица не похожа ни на боспорскую, ни на синопскую, которые обыкновенно встречаются при раскопках античных городов европейской части Боспора. Невозможно связать эту черепицу и с изделиями других центров Северного Причерноморья. Она не имеет бортика на тыльной стороне (рис. 32), что сближает ее с синопскими и горгиппийскими черепицами¹⁷ и отличает от боспорских¹⁸. По углам нижние боковые грани ее срезаны, как на синопских керамидах¹⁹. К сожалению, отсутствие верхней части керамиды не дает возможности судить о том, продолжались ли бортики по длинным сторонам до самого верхнего края или заканчивались, не доходя до него, как на синопских черепицах²⁰.

На полу помещения, в котором находилась яма с амфорами и черепицей, были найдены днище хиосской амфоры первой половины VI в. до н. э.²¹, днища протофасосских амфор конца VI — начала V в. до н. э.²² и горло фасосской амфоры, подобное горлам амфор из погребения первой половины IV в. до н. э., раскопанного в Мезене (Болгария)²³. Обломки амфор этого же типа представлены в заполнении цистерны на афинской агоре, относящемся к третьей четверти IV в. до н. э.²⁴ Клейменные амфоры

из раскопанной нами ямы 8, датируемые первой половиной IV в. до н. э., так же, как и наиболее поздние фрагменты амфор, найденные при зачистке пола помещения, дают верхнюю дату постройки. Нижняя его дата лежит в пределах второй половины V в. до н. э.; к этому времени, как указывалось выше, относится, судя по приведенной аналогии, кувшин из ямы 10 соседнего помещения того же дома. Скорее всего нижней датой постройки является конец указанного столетия, так как под полом помещения, где обнаружена яма с амфорами, лежал жилой комплекс первой половины V в. до н. э. (при зачистке остатков пола этого помещения найдены фрагменты амфор первой и третьей четверти V в. до н. э.)²⁵.

Выше постройки с ямами открыты весьма фрагментарные остатки сооружений второй половины IV и конца IV — первой половины III в. до н. э. Стены их построены впритык к северо-восточной стене 5А постройки с ямами. Таким образом, стена 5А служила на протяжении трех строительных периодов. Она отличается массивностью, ширина ее 1 м, в то время как другие стены на этом участке имеют ширину, не превышающую 0,85 м.

Под помещением с ямой 10, в которой найдены кувшины, раскрыто сохранившееся частично основание стены V в. до н. э., принадлежавшей, очевидно, той же постройке, что и упомянутые выше глинобитный пол с очагом. Эта стена имела ту же ориентацию, что и стены постройки с ямами и стены помещения IV — первой половины III в. до н. э. Стена V в. до н. э. была сооружена на скалистом материке, который далее к востоку понижается, и на этой более низкой части возведена была постройка второй половины VI в. до н. э., раскрытая в 1953 г.

Выше уже говорилось о коренной перестройке Порфмня в первой половине III в. до н. э., что могло произойти в результате серьезных разрушений, которым подвергся город около середины III в. до н. э. Возможно, это разрушение произошло во время военного нападения на Порфмий. Это тем более вероятно, что вторичная застройка городской территории происходила одновременно с возведением вокруг

¹⁶ И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора, стр. 142, табл. VI, 17.

¹⁷ И. Б. Зеев. Раскопки Гермонасы. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 118.

¹⁸ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 222; Д. Б. Шелов. К истории керамического производства Боспора. СА, XXI, 1954, стр. 125.

¹⁹ И. Б. Брашинский. Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры 1959—1960 гг. «Ольвия. Темenos и агора». М.—Л., 1964, стр. 298.

²⁰ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора, стр. 23.

²¹ J. K. Anderson. Excavation on the Kofina Ridge, Chios. BSA, XLIX, 1954, стр. 175, рис. 9с.

²² И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора, стр. 142, табл. VI, 15.

²³ А. М. Вон et A. Вон. Указ. соч., стр. 23, рис. 7, 1 и стр. 17 и сл.

²⁴ Там же, стр. 41.

²⁵ И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора, стр. 140, табл. IV, 12 и стр. 142, табл. VI, 16 а и б.

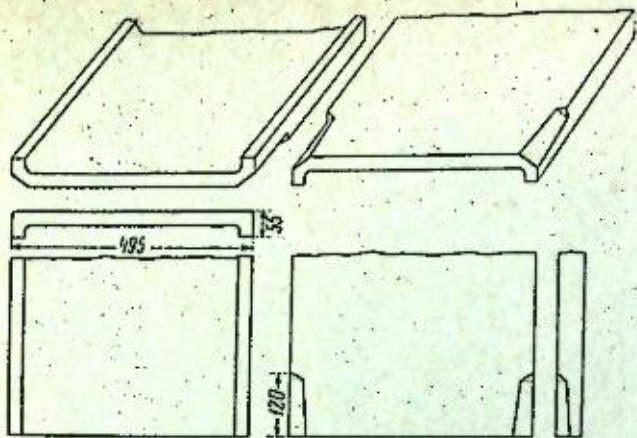

Рис. 32. Черепица из ямы 8

города оборонительных стен. Характерно, что возведение этих стен совпадает по времени с обновлением и усилением крепостных сооружений других боспорских городов. Так, в Мирмекии именно в III в. до н. э. на месте восточной городской стены IV в. до н. э. возводится новая стена²⁶. В Тиритаке, где в конце IV—первой половине III в. до н. э. производится обновление всей фортификационной системы, как раз во второй половине III в. до н. э. усиливается мощь отдельных звеньев этой системы — утолщаются стены башен южной линии обороны, перед угловой привратной башней возводится дополнительная кладка²⁷. В то же время сооружаются и наиболее ранние из открытых в Пантикапее оборонительных стен вокруг акрополя²⁸. Такой размах фортификационного строительства в боспорских городах был связан, очевидно, со становлением в Крыму Скифского государства, представляющего серьезную угрозу Боспору. Таким образом, и Порфмий оказался включенным в систему обороны Боспорского царства. Что касается причины, вызвавшей его коренную перестройку в III в. до н. э., то она могла быть связана с нападением на город в результате возникшего в то время конфликта между Боспором и окружающими его варварскими племенами, во время которого городские постройки сильно пострадали.

²⁶ В. И. Пруцко. Восточные кварталы Мирмекии. ЗОАО, 1 (34), 1960, стр. 269.

²⁷ Ю. Ю. Марти. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн. МИА, № 4, 1941, стр. 16 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 20.

²⁸ В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 26 и сл.

М. М. КУБЛАНОВ

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ИЛУРАТА В 1969 г.

Археологический отряд Музея истории религии и атеизма продолжал в 1969 г. раскопки верхнего некрополя, расположенного к юго-востоку от Илурата¹. Неподалеку от раскопанного в 1968 г. склепа с росписью (11-н) было выявлено девять новых погребальных сооружений. Восемь из них вскрыто. По устройству они могут быть разделены на три группы: 1) камеры с открытым дромосом, вырубленные в скале; 2) могилы, перекрытые плитами, вырубленные в скале, и 3) склеп, сложенный из тесаных блоков.

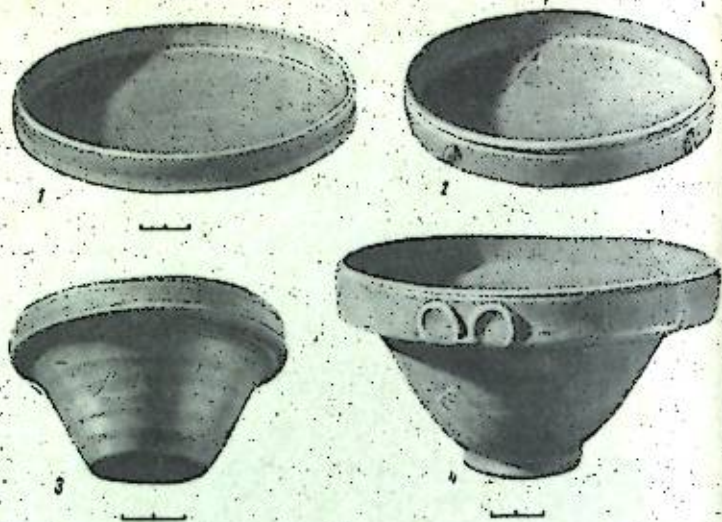
1. Две вырубленные в скале пещеровидные камеры (12-н и 13-н) с неглубоким открытым дромосом расположены к юго-востоку от склепа 11-н. Их площадь 5 и 4 кв. м, максимальная высота 1,6 и 1,5 м, длина дромосов 2 и 1,4 м. Максимальная глубина от дневной поверхности 1,6 м. В дромосе, ведущем в камеру 13-н, — грубо намеченные зарубки для спуска. Вход в камеры закрывался закладными плитами. Камеры ограблены. Сохранившиеся фрагменты лепной, красноглиняной и краснолаковой керамики крайне малочисленны. По венчикам римских краснолаковых чашек камеры можно датировать II—III вв. н. э.

Представляет интерес вторичное захоронение, найденное в камере 12-н. Оно перекрывает остатки разрушенного первоначального погребения II—III вв. Скелет вытянут, лежит на спине, с некоторым наклоном к левому боку, руки вдоль тела, кисть правой руки под тазом, левая нога слегка согнута в колене, голова обращена на юго-запад. Каменный заклад, закрывавший вход в камеру, сохранился нетронутым, поэтому полное отсутствие инвентаря при вторичном погребении следует признать специфической погребальной ритуалом.

2. К северо-западу от склепа 11-н в непосредственной близости к нему была раскопана малоприметная курганный насыпь, состоявшая в основном из чистого щебня. По краям этого маленького кургана, у самой дневной поверхности, выявлено несколько вырубленных в скале могил, перекрытых массивными грубо обработанными плитами. Поскольку этот район с выходящим на поверхность скальным массивом являлся, как удалось установить, и местом ломки камня (вероятно, до возникновения здесь некрополя), для некоторых могил были использованы старые выработки, частично подправленные поставленными на ребро плитами.

Вырубные могилы являются новым для илуратского некрополя типом погребального сооружения. Хотя погребения в них в общем близки по времени, содержат некоторые сходные предметы погребального инвентаря и погребенные, как можно полагать, были связаны между собой родо-

¹ Схематическую карту района некрополей см.: КСИА, вып. 128, стр. 79.

выми узами, могилы имеют ряд существенных отличий. Так, в могиле 14-н, расположенной в юго-восточной части кургана, открыто несколько захоронений. Пять погребенных были ориентированы головой на восток (с небольшим отклонением к северу). Нижние кости при последующих захоронениях несколько сдвигались, верхний (последний) не тронут. Он лежит на спине, в вытянутом положении. Руки — вдоль туловища. Под головой — краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком, невысокой кольцевой подставкой и клеймом в виде сандалии на дне (рис. 33, 1). К верхнему захоронению относятся также обломок железного ножичка, шесть больших железных гвоздей от деревянного гроба, бронзовая лучковая подвязная фибула, фрагментированный железный ключ, сарматское зеркальце с боковым ушком.

Среди находок, связанных с нижними погребениями, имелись краснолаковая тарелочка с вертикальным бортиком и клеймом на дне в виде пальметты (рис. 33, 2), кувшинчик с широким воронкообразным горлом (рис. 33, 5), две железные пряжки, два фрагментированных ножичка, две бронзовые серьги (рис. 34, 3, 4), детский медный браслет из круглой проволоки (рис. 34, 5), миниатюрная бронзовая литая антропоморфная фигурка (рис. 34, 2), бронзовый перстень со стеклянной геммой (рис. 34, 6, 14), обломок лучковой подвязной фибулы (того же типа, что и в верхнем слое), узкий продолговатый оселок с дырочкой для подвешивания, сарматское зеркальце с боковым ушком (рис. 34, 1), более 200 бус, по преимуществу из стеклянной пасты.

Погребение 16-н, расположенное тут же, оказалось одиночным и ориентированным головой на ЗЮЗ. Скелет — в вытянутом положении, на спине, руки вдоль туловища. В ногах — краснолаковая чашечка с вертикальным бортиком, конусовидным туловом и плоским дном; по тулову процарапано граффити из двух греческих букв — Δ Α (рис. 33, 3); краснолаковый шаровидный кувшинчик на низкой кольцевидной подставке, с воронкообразно отогнутым венчиком и высокой шейкой, перехваченной биконическим кольцом (рис. 33, 6). Среди инвентаря — около 30 бус (из стеклянной пасты, халцедона, сердолика, стекловидного камня, гешира), три бронзовых колечка, одно из них с валятообразными украшениями (рис. 34, 9—11), фрагментированная бронзовая серьга, бронзовая игла (рис. 34, 12), бронзовый проволочный браслет с двумя жгутовидными завязками (рис. 34, 12), обломки небольшого стеклянного сосуда, лучковая подвяз-

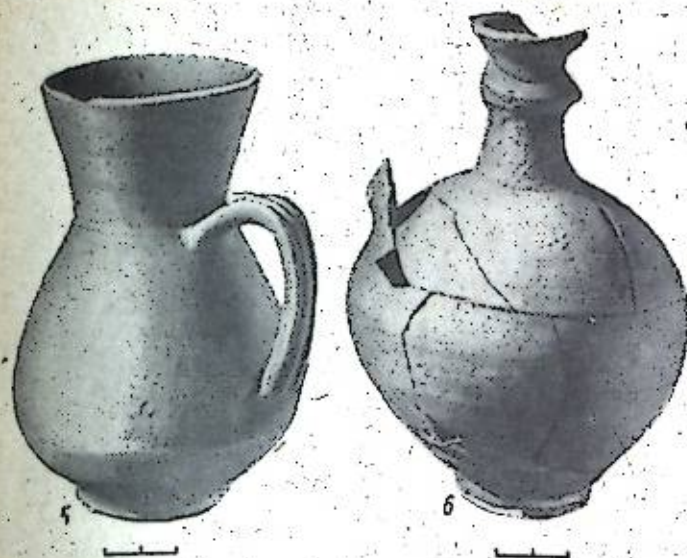

Рис. 33.

1—6 — находки из погребения

ная фибула (того же типа, что и упомянутые выше) (рис. 34, 8), сарматское зеркальце с боковым ушком (рис. 34, 7).

Погребение 17-н, расположенное в нескольких метрах к северу, ориентировано на ВСВ и почти лишено погребального инвентаря. Здесь оказались лишь сарматское зеркальце с боковым ушком и бронзовая игла.

Из находок в других погребениях можно упомянуть еще одну краснолаковую тарелку с вертикальным бортиком, низкой кольцевой подставкой и клеймом в виде ступни в сандали, бронзовый браслет из круглой проволоки со стилизованными змеиными головками на концах из потревоженного погребения 15-н, а также обломок зеркальца и фрагментированную краснолаковую чашу с вертикальным широким бортиком, украшенную двумя рудиментарными кольцевыми ручками-налепами, и конусовидным слегка округлым туловом на кольцевой подставке (рис. 33, 4) из разрушенного погребения 20-н.

Эти материалы с достаточной определенностью датируют открытую группу рядовых погребений. Найденная здесь краснолаковая керамика находит множество аналогий в хорошо датированных комплексах Северного Причерноморья и в целом может быть отнесена к последней трети I — началу II в. н. э. Лучковые подвязные фибулы с высокой дужкой, круто спускающейся к четырехвитковой пружине, верхней тетивой, расширенной ножкой, и приемником в виде лодочки относятся, по классификации А. К. Амброза, к 4-му варианту I серии 15-й группы и датируются второй половиной II — началом III в. н. э.² Сарматские зеркальца с боковым ушком и орнаментом на одной стороне (состоящим из концентрических кругов и радиально расходящихся линий, осложненных в ряде случаев дополнительными элементами), относятся, по схеме А. М. Хазанова, к IX типу и в погребениях Северного Причерноморья наиболее широко распространены во II в. н. э. (встречаются и в III в.)³

Таким образом, рассмотренная группа рядовых погребений илуратского некрополя по совокупности перечисленных материалов может быть датирована II — первой половиной III в. н. э. Другие найденные здесь предметы погребального инвентаря не противоречат такой датировке.

² А. К. Амброз, Фибулы юга европейской части СССР, САИ, вып. Д1—30, М., 1966, стр. 50—51, табл. 9, 10.

³ А. М. Хазанов, Генезис сарматских бронзовых зеркал, СА, 1963, № 4, стр. 58.

3. В 15 м от упомянутого кургана с вырубленными могилами расположен такой же расплывшийся малоприметный курган, наибольшая высота которого в настоящее время составляет 0,7—0,8 м. В насыпи были выявлены остатки разрушившейся крепиды, первоначально имевшей, по-видимому, два пояса. Непосредственно под курганной насыпью был открыт впущенный в мягкий скальный грунт двухкамерный склеп с дромосом (18-н), сложенным из больших тщательно притесанных плит известняка. Открытый дромос начинался в западной поле кургана с широкой лестницы. Длина дромоса 2,8 м, ширина у верхней ступени 1,8 м, у входа в камеру 1,2 м, сохранившаяся максимальная высота стен 1,9 м. Дромос вел в большую квадратную камеру со стороной квадрата в 2,6 м. Пол камеры, как и дромоса, вырублен в скале, стены тщательно обработаны. В южной стене небольшая ниша. Камера была покрыта полуцилиндрическим сводом, ныне обрушенным. Вход в нее со стороны дромоса закрыт огромной закладной плитой 1,6×1,1×0,3 м (рис. 35, а).

За этой камерой находилась вторая, длиной 2,2 м, шириной 1,6 м, также перекрытая частично сохранившимся полуцилиндрическим сводом. С первой она соединялась дверным проемом. Особенностью архитектурного решения этого комплекса является значительное различие уровней полов камер. Пол второй камеры на 1,2 м выше, чем пол первой камеры. При этом ступени отсутствуют.

Склеп, принадлежавший несомненно представителю самых высших слоев илуратского общества, был ограблен. Сохранившийся погребальный инвентарь незначителен. Тем не менее он открывает некоторые возможности для датировки и позволяет заключить, что склеп использовался по меньшей мере дважды, с интервалом в два века. Первое захоронение и, очевидно, сооружение самого склепа относится ко II—первой половине III в. н. э. Основанием для такой датировки служат фрагменты стеклянных сосудов, венчики грубо сформованных краснолаковых чашек, фрагмент лучковой фибулы с высокой дужкой, верхней тетивой и четырех-

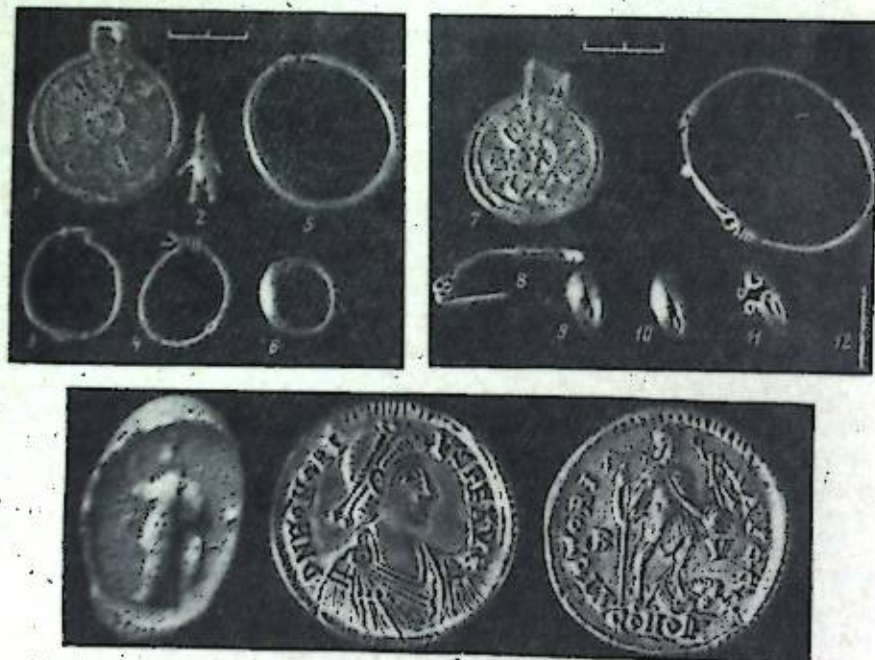

Рис. 34.

1—15 — находки из погребения

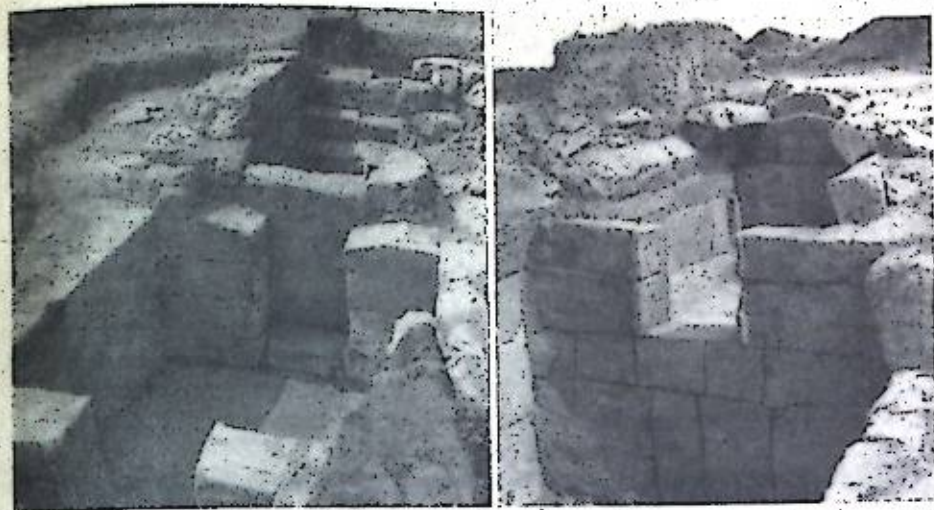

Рис. 35. Склеп 18-н

а — общий вид дромоса и первой камеры; б — вход во вторую камеру

витковой пружиной того же типа, что и описанные выше, фрагмент сарматского зеркала с боковым ушком, сероглиняный закрытый светильник продолговатой формы с высокой ручкой, выдвинутым вперед рожком и щитком с воронкообразным отверстием для заливки масла⁴.

От основного захоронения сохранились лишь немногие беспорядочно разбросанные в первой и второй камере кости. Однако при зачистке пола во второй камере вдоль ее северной стены была выявлена узкая могильная яма, вырубленная в скальном грунте на глубину в 0,4—0,5 м и засыпанная вровень с полом. В ней оказались нетронутые остатки истлевшего скелета, лежавшего на спине, в вытянутом положении, головой на запад, при котором находился лишь фрагментированный железный ножик и маленькая самодельная пряжка из бронзовой проволоки. Местоположение этого погребения под полом камеры, небрежная вырубка могильной ямы, скудность погребального инвентаря побуждают признать в нем сопутствующее захоронение, возможно, специально умерщвленного при похоронах или при постройке усыпальницы человека.

В первой камере в том же слое, что и перечисленные выше находки, на уровне пола были найдены три золотых предмета: кусочек фольги, золотое кольцо и великолепной сохранности золотая монета императора Гонория (395—423 гг.). На лицевой стороне монеты — легенда DNHO-NORIVS PFAVG. Бюст императора в диадеме, вправо. На оборотной стороне — VICTORI—AAVGGG. Император стоит в рост, вправо, в военной одежде, с лабором в правой руке. В левой держит глобус, на котором стоит богиня Виктория, венчающая его венком. Левой ногой попирает лежащего варвара. По сторонам R—V. В обресе — CONOB (рис. 34, 15). Монета чеканена в Равенне. Золото — высокой пробы. (999)⁵.

Находка в склепе под мощным слоем обвалившейся земли и огромных каменных блоков монеты Гонория, других золотых предметов и обломков амфор позднего типа исключают, на наш взгляд, возможность их случай-

⁴ По форме светильник находит некоторую аналогию в светильниках Илурата. Ср.: В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, № 85, 1958, стр. 40, рис. 24.
⁵ Анализ произведен Ленинградской инспекцией пробирного надзора Министерства финансов СССР.

ного попадания на пол камеры. По-видимому, это остатки погребального инвентаря позднего захоронения, синхронного монете, которые не были замечены грабителями.

Этот факт вторичного использования склепа имеет существенное значение. Из предшествующих раскопок известно, что Илурат прекратил свое существование во второй половине III в. н. э. Новые следы жизни в городе и округе относятся к VIII—IX вв. Выявившиеся же теперь следы богатого захоронения в некрополе Илурата в первой половине V в. н. э. вносят в эти представления существенные коррективы.

Таким образом, в результате раскопок последних лет на некрополе Илурата выявились четыре типа погребальных сооружений:

1) вырубленные в скале могилы; 2) вырубленные пещеровидные камеры с дромосом; 3) вырубленные склепы — большие помещения правильных геометрических форм; 4) склепы с полуцилиндрическим сводом и дромосом, выполненные в высокой строительной технике, из тщательно обработанных тесаных плит известняка.

Разнородность типов погребальных сооружений некрополя, несомненно, отражает определенную этнокультурную и социальную разнородность обитателей Илурата. Поскольку раскопки самого города породили представления об известном социальном единобразии илуратского общества, это положение в свете данных, представляемых некрополем, по-видимому, нуждается в пересмотре.

Т. М. АРСЕНЬЕВА, Д. Б. ШЕЛОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ ТАНАИСА В 1966—1969 гг.

Нижне-Донская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения в 1966—1969 гг. продолжала исследования городища и некрополя Танаиса. В работе экспедиции принимали участие студенты Московского и Ростовского университетов¹.

Основные работы экспедиции проводились вдоль западной оборонительной линии четырехугольника городища первых веков н. э. на раскопе IV в юго-западном углу городища.

Оборонительные сооружения эллинистического времени открыты главным образом на раскопе IV, исследовавшемся еще в 1956—1958 и 1964—1965 гг. (рис. 36). На расширенном к югу участке раскопа открыто продолжение оборонительной стены 5, построенной в конце III или в самом начале II в. до н. э. Стена теперь открыта на протяжении более 50 м. Она оканчивалась четырехугольной оборонительной башней, построенной впереплет со стеной 5. Башня выступает к западу от линии стены 5 приблизительно на 6 м, ширина ее по фронту достигает 7,50 м. Угол башни и угол ее сочленения со стеной 5 сложены из крупных преимущественно рустованных блоков. Применение рустованных блоков в Танаисе зафиксировано впервые, хотя во вторичном использовании эти блоки встречались и раньше. Вход в башню был с востока, но позднее он был заложен. Внутри башни находилось помещение. Этой башней и оканчивалась стена 5, далее к югу ее продолжение пока не обнаружено. Раскрытая башня, возможно, охраняла ворота, проезд которых находился к югу и позднее был застроен. Башня перестраивалась еще во II в. до н. э. и окончательно была разрушена во время полемоновского разгрома города в самом конце I в. до н. э. Во время восстановления оборонительных стен во II в. н. э. башню не реставрировали и над ней возвели новую башню I, открытую еще в 1964—1965 гг.

В 1969 г. был открыт участок южной оборонительной стены города, образованный двумя панцирями, общая толщина которых достигает 4,50 м. Фасы стен до подошвы не выявлены, в длину южный фас прослежен до 6 м. Этот участок для раскопки очень труден — стены открыты на самом краю городища, над домами хутора.

Все сооружения, раскрытые на южном участке раскопа IV и погибшие в 40-х годах III в. н. э., были непосредственно пристроены изнутри к обо-

¹ В 1966 г. экспедицией руководила А. Н. Болтунова, в 1967 г. — Д. Б. Шелов, в 1968—1969 гг. — Т. М. Арсеньева. В экспедиции работали следующие научные сотрудники: Е. М. Алексеева, Д. В. Деопик, Л. М. Казакова, И. С. Каменецкий, Н. А. Кирьянова, В. Е. Максименко.

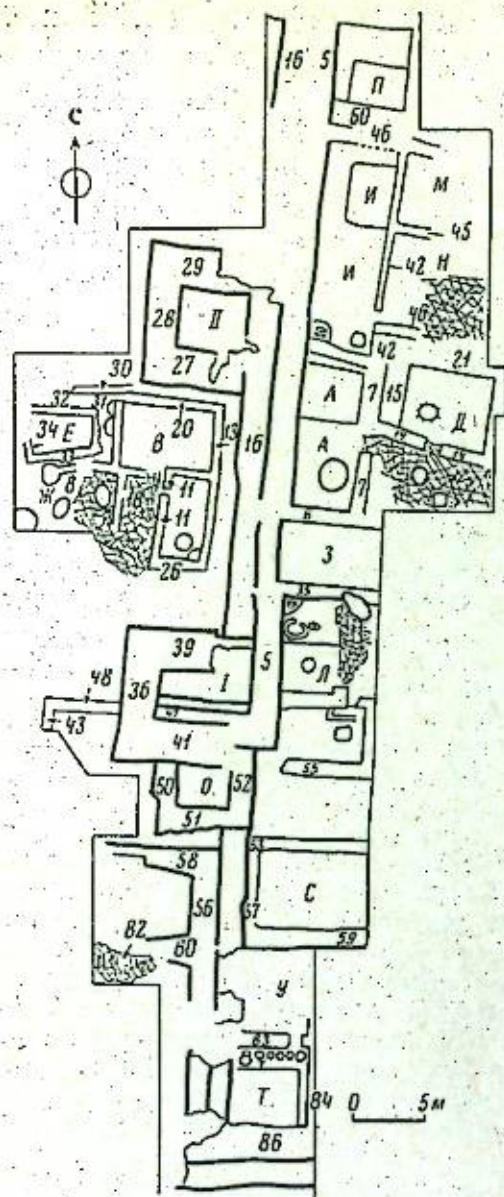

Рис. 36. План раскопа IV

ронительной стене, как и более северные помещения, открытые на этом же раскопе. Они примыкали к стенам, построенным позднее оборонительной стеной 5, и, видимо, в III—I вв. до н. э. еще не существовали. Находок эллинистического времени в этих помещениях не обнаружено.

Самое южное из раскрытых помещений, помещение Т — угловое (рис. 37, 1). Оно примыкало к западной и южной оборонительным стенам. Помещение небольшое, форма его близка к квадрату. Большая его часть занята неглубоким подвалом. Подвал вырублен в скале, стены подвала в нижней части представляют собой подтесанную скалу, а в верхней доложены камнем. Находок в подвале немного. Это обломки красноглиняных амфор, обломок венчика красноглиняного пифоса с клеймом на отогнутом крае из двух букв ТО, обломки краснолаковых светильников, каменная литейная форма для изготовления ювелирных украшений, скульптурное терракотовое изображение орла на полой четырехгранной под-

Рис. 37. Танаис. Раскоп IV

1 — северо-восточный угол помещения Т; 2 — проход из помещения У в помещение Т; 3 — красноглиняная амфора в помещении У; 4 — светлоглиняные узкогорлые амфоры в помещении Т; 5 — лестница

ставке. Верх терракоты утрачен, сохранившаяся часть имеет сколы. Сзади терракота не моделирована, там же сзади находится круглое отверстие. Орел, изображен с поднятыми крыльями. Голова его повернута влево. Лапы с когтями упираются в край подставки. Поверхность терракоты покрыта ангобом зеленоватого оттенка, местами на ней сохранились следы краски. Глина красная с зеленовато-желтыми включениями. Сохранившаяся высота терракоты — 19,8 см.

Подвал, видимо, к моменту гибели города в 40-х годах III в. н. э. уже не функционировал и был завален сырцовыми кирпичами. Среди сырцовых кирпичей было найдено 11 захоронений баранов. Еще семь скелетов баранов было открыто в неглубоких ямах круглой или овальной формы,

вырытых в полу помещения вдоль северной стены. Захоронения баранов и большое число светильников, открытых в этом помещении, свидетельствуют о культовом его характере.

К моменту разгрома города в 40-х годах III в. н. э. помещение Т было завалено амфорами, главным образом светлоглиняными. Целых или подбитающихся амфор в помещении было открыто больше 120. Всего, судя по ножкам амфор, их там было больше 300 (рис. 37, 4). На многих из них сохранились надписи, нанесенные красной краской на плечики или на горла. На отдельных экземплярах имеется надпись *Náφα*. Склад амфор с надписью *Náφα* был открыт в 1968 г. в соседнем помещении С, расположенном немного севернее описанного.

Помещение Т соединялось с более северным помещением У проходом (рис. 37, 2), который тоже был завален целыми светлоглиняными амфорами. Помещение У в большей своей части оказалось разрушенным траншей П. М. Леонтьева, так что о его характере судить трудно. Нетронутый культурный слой сохранился только вдоль южной стены помещения. Там находилось много керамики, хорошо датирующей его гибель серединой III в. н. э. У стены стояли три большие красноглиняные амфоры с зерном (рис. 37, 3), на одной из которых имелось двустрочное клеймо с именем ΚΑΑΛΙΣ, ΤΡΑΤΟΥ, в этом же помещении найдены обломки краснолаковой, простой круговой и лепной посуды. Особый интерес заслуживают находки изделий из бронзы — ковша, ситечка и светильника. Бронзовые ковши и ситечки, с так называемыми веслообразными ручками, аналогичные танаисским, хорошо исследованы. Известны мастерские, их изготовлявшие, италийские, галльские и нижнерейнские, картографированы места их находок. Они производились на протяжении первых трех веков н. э. и часто встречаются на нашей территории не только в античных городах, но и в степных курганах.

Литой светильник (рис. 38, 4) — более редкая находка. На нашей территории находки бронзовых светильников зафиксированы только в городах, но близких аналогий нашему светильнику в Северном Причерноморье нет.

Светильник имеет вытянутый рожок и высокую ручку, заканчивающуюся скульптурной головой трагической маски в онкесе — головном уборе трагических актеров. Подобные светильники были найдены в комплексах первых веков н. э. в Югославии, Болгарии, Румынии, серия аналогичных светильников открыта в Северной Африке и Сирии. Танаисский светильник, видимо, довольно ранний, и можно говорить о долгом бытовании этой вещи до середины III в. н. э. Новые танаисские находки значительно пополнили коллекцию привозных изделий из бронзы, известную нам главным образом из дореволюционных раскопок Недвиговского городища.

Самое северное из раскрытых на южном участке раскопа IV помещений, помещение С, исследовалось с 1966 по 1969 г. Это довольно длинное помещение, вытянутое с запада на восток. Интересна конструкция северной стены помещения. В восточной части стены прослежены три вертикальных паза, заглубленных в стену на 0,10—0,15 м, шириной — 0,20 м. Внутри пазы обмазаны глиной. Очевидно, они служили для крепления деревянного перекрытия в северо-восточном углу помещения. В этой части его найдено много обуглившихся деревянных досок и древесного тлена.

В западной части помещения открыто больше 70 светлоглиняных амфор в обломках с надписью *Náφα* на плечиках или на горлах (рис. 38, 5) и темным смолистым осадком на внутренних стенках и донцах. Осадок был исследован в двух лабораториях: в лаборатории химии горючих ископаемых геологического факультета МГУ доцентом А. Н. Гусевой и кандидатом химических наук И. Е. Лейфманом и в лаборатории Башкирского научно-исследовательского института нефтепереработки профессором А. В. Костриным.

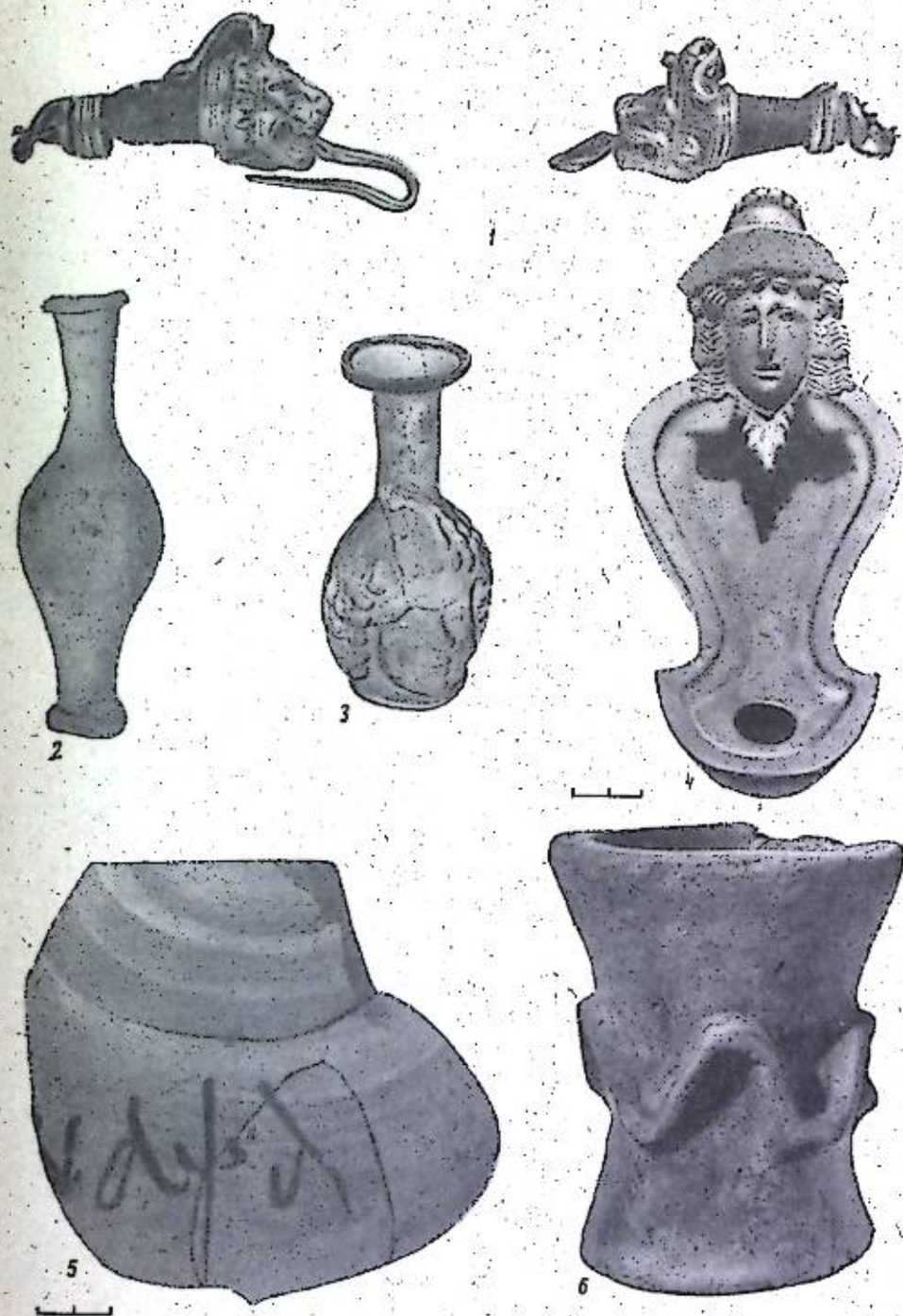

Рис. 38.

1 — золотая цепочка с головками грифонов из могилы 261; 2 — глиняный флакон из могилы 261; 3 — стеклянный фигурный сосуд из могилы 251; 4 — бронзовый светильник; 5 — обломок амфоры с надписью; 6 — лепная курляница из могилы 260

Исследования показали, что в амфорах хранилась нефть. По наблюдениям профессора А. В. Кострина нефть, открытая в танаисских амфорах, по своему составу ближе всего к нефти из месторождений, находящихся на Керченском п-ве. Это самый ранний случай использования нефти, зафиксированный на нашей территории.

В этом же помещении были открыты три красноглиняные амфоры, стоявшие вдоль восточной стены. Две из них оказались заполненными зерном, в третьей обнаружена черная жирная земля, а на плечиках находилась крупная надпись, нанесенная красной краской, ΝΑΦΑΝΟ.

К числу интересных находок из этого помещения нужно отнести четыре архитектурные детали из песчаника и точеный деревянный горшок с крышкой, открытый в нише восточной стены.

В центральной части западной оборонительной линии (раскоп VI) в 1966—1968 гг. продолжалось исследование крепостных сооружений и прилегающих к ним с внутренней стороны построек. Была доследована открытая здесь ранее оборонительная стена с вымосткой вдоль нее, причем было выяснено, что она возникла здесь еще в эллинистическое время. Тогда в ней существовал узкий проход, облицованный большими рустованными квадратами. Ширина прохода — 1,36 м, пол его выложен известняковыми плитами. Эта оборонительная стена функционировала до разгрома Танаиса Полемоном, тогда была разрушена, а во II в. н. э. была восстановлена и надстроена. К последнему периоду существования стены, к первой половине III в. н. э., относится строительство каменного водостока, отводившего сточные воды из города за пределы городских стен в оборонительный ров. Водосток был сложен из каменных плит и пропущен сквозь крепостную стену.

Продолжалось исследование оборонительной башни IV на этом участке. Открыто внутрибашенное помещение первого периода существования башни — II в. н. э. Оно использовалось как складское помещение. На полу, вымощенном каменными плитами и обмазанном глиной, оказался толстый горелый слой ячменя, вероятно, зерно хранилось тут в мешках. Здесь же обнаружены остатки снопов, сложенных крест-накрест. Поверх горелого зерна лежали остатки междуэтажного перекрытия и обломки амфор, упавших со второго этажа башни при ее гибели во время пожара. Это произошло во второй половине II в. н. э., после чего башня была перестроена. Позднейшее помещение башни IV с керамической цистерной было исследовано в предыдущие годы.

Основные работы на этом раскопе производились внутри оборонительных стен и касались исследования городских кварталов, непосредственно примыкавших к фортификационным сооружениям. Открыт участок улицы III в. н. э., тянувшийся с севера на юг вдоль оборонительной стены. Эта улица, мощенная битой керамикой, вплотную примыкала к внутреннему фасу оборонительной стены и имела, очевидно, стратегическое значение. Ее ширина — 1,5—2 м. Улица эта лежала на развалинах более ранних укреплений, и потому ее поверхность была значительно выше, чем древняя дневная поверхность на основной территории городища. Каменная лестница из девяти ступеней (рис. 37, 5), общей высотой около 2 м, вела с этой улицы на другую, перпендикулярную ей.

На раскопе открыто несколько мощенных каменными плитами дворики и несколько помещений, наземных и подвальных, II—III вв. н. э. Очень интересные находки сделаны в небольшом подвале АГ, заброшенном, видимо, еще в начале II в. н. э. Здесь находились прямоугольный каменный алтарь, прекрасный набор столовой краснолаковой посуды — чашки и тарелки, много обломков стеклянных и алебастровых сосудов, обломок костяной пиксиды с рельефной многофигурной композицией и др. Другой подвал ЭЭ служил складом каких-то продуктов в амфорах. На дне его было открыто более сотни однотипных светлоглиняных амфор. В подвал

вела лестница, сложенная из четырех высоких каменных ступеней. Удалось проследить, что к моменту гибели подвал был закрыт толстой деревянной дверью, обитой железными гвоздями, со сложным железным замком. В соседнем наземном помещении найдено множество рыболовных грузил, сделанных из амфорных ручек. На многих из них имеется графито ΡοΒ, вероятно, начало имени владельца — рыбака; здесь же находилась вкопанная в пол красноглиняная амфора с остатками рыбьей чешуи.

Хорошо сохранилось жилое помещение УУ, примыкавшее с юга к описанной лестнице. Оно имело вход с севера, со стороны площадки перед лестницей, причем в помещении надо было спуститься еще по нескольким ступеням. Стены помещения были обмазаны глиной, у южной стены открыты остатки глинобитной печи овальной формы с двумя опорными столбами. В помещении УУ найдены обломки амфор, жернова, сероглиняная и краснолаковая посуда, бронзовый перстень с камнем, свинцовая гирька, фибула, несколько монет начала III в. н. э. Интересна находка 12 резных перламутровых пластинок и запас раковин для производства таких пластинок.

Поверх развалин сооружений II—III вв. н. э. на этом раскопе вскрыты остатки нескольких домов конца IV—начала V в. н. э. и часть улицы того же времени. Улица эта, как и более ранняя, подходит к оборонительной стене с востока и сначала поднимается пологим пандусом, а потом переходит в каменную лестницу, которая ведет на развалины оборонительных сооружений III в. Из находок этого последнего периода жизни Танаиса наиболее интересны остатки производства медики — обрезки листовых меди, медные пластины разной формы, заклепки, куски шлака, обломки медных сосудов — вторичное сырье и т. п.

Грунтовой некрополь исследовался в 1966 г. к востоку от городища, а в 1968 и 1969 гг. — к северу от него. Северный участок некрополя раскапывался в связи с постройкой дороги, ведущей к музею. Было исследовано больше 40 погребений. Особенного внимания заслуживают два погребения II в. до н. э.: погребение 237, открытое в 1966 г., и погребение 261, открытое в 1969 г. В первом из указанных погребений находилось два захоронения (редкий случай для Танаиса) с равнообразным инвентарем: тремя амфорами, родосской, синопской и неизвестного центра, чернолаковой чашечкой со штампованной пальметтой на дне, многочисленными стеклянными, коралловыми, гагатовыми бусами, золотыми проволочными сережками и золотыми дутыми сережками в виде сечей. Погребение 261 было совершено в могильной яме с заплечиками. Заплечики были перекрыты досками, от которых сохранился тлен. Погребенный лежал в гробу, в ногах его стояла родосская амфора с двумя клеймами, там же лежали красноглиняный флакон с остатками двух ложных ручек (рис. 38, 2), чернолаковая чашечка и железный нож. На груди погребенного было найдено зеркало дисковидной формы, на шее — золотая цепочка с головами грифонов на концах (рис. 38, 1). Там же находилось два бусинных ожерелья из янтаря, гагата, стекла с внутренней позолотой и сердолика. Около висков лежали две золотые сережки с львиными головками. На запястьях открыты бусинные браслеты. Это богатое погребение интересно и своим устройством: могильные ямы с заплечиками до сих пор встречались в Танаисе только с погребениями первых веков н. э.

Для характеристики некрополя римского времени много нового дали погребения, открытые в 1969 г. к северу от городища. Среди погребальных сооружений интересно наличие большого числа подбойных могил. Из 17 открытых могил 10 имели подбой. До этого года подбойные могилы были открыты в Танаисе в незначительном числе.

Интересно также отметить находки в могилах стеклянных сосудов, почти полное отсутствие которых до сих пор считалось особенностью та-

нанского некрополя. Было найдено шесть стеклянных сосудов. Особого внимания заслуживает редкий для Северного Причерноморья стеклянный флакон с туловом в виде двуликой головы (рис. 38, 3). Лица флакона похожи, но неодинаковы. Обрамлены они выющимися волосами. Подобные сосуды относятся к сирийскому производству, изображения лиц связываются с Дионисом и его кругом. Флакон найден в погребении 251 II в. н. э.

Среди других многочисленных находок погребального инвентаря отметим лепную курильницу с рельефным зигзагообразным валиком в средней части (рис. 38, 6) и двухпластинчатую фибулу с коробчатой обоймой из западноримских провинций, найденные в могиле 260.

Г. М. ЕФИМОВА, П. М. КОЖИН, Б. Г. ПЕТЕРС

ОХРАННЫЕ РАБОТЫ НА КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ У С. МИХАЙЛОВКА

В 1969 г. проводились работы на курганном могильнике, расположенном вдоль южной стороны шоссе Керчь—Феодосия у 16-километрового столба¹. Съемку курганной группы и первые охранные раскопки здесь были проведены еще летом 1966 г.² Работы 1969 г. также имели охранный характер; так как весной 1969 г. бульдозерами при планировке полей под виноградники были разрушены до основания 14 курганных насыпей. Экспедиция была поставлена перед необходимостью исследовать остатки сохранившихся погребений.

В курганах 1 и 16 были обнаружены захоронения, относящиеся к эпохе энеолита и бронзы, в курганах 2, 9, 10, 11, 14, 15, 17 — склепы и каменные ящики античного времени, на курганах 3, 12, 13, 18 работы не производились, в отвалах насыпей этих курганов обнаружена античная керамика. У шоссе на дороге были выявлены остатки еще одного, полностью разрушенного несколько лет тому назад кургана, камни склепа и крепиды которого были вывезены для строительных целей в с. Ивановка.

При работе на кургане 2 в его южной поле был обнаружен каменный ящик, ориентированный по линии запад—восток, углубленный в материк. Каменный ящик был сложен из плоских плит известняка, его внутренние размеры 2,05×0,82 м, сохранившаяся высота стенок 0,5—0,62 м. Крышка каменного ящика, изготовленная из целой плиты размером 1,65×1,1×0,11 м, была сорвана бульдозером и сдвинута в отвал. В разрушенной насыпи кургана были обнаружены фрагменты венчика и ручка пухлогорлой хиосской амфоры VI—V вв. до н. э.³, фрагменты ручки амфоры с колпачковой ножкой IV—III вв. до н. э.⁴

В каменном ящике, ограбленном в древности, находилось единичное захоронение. В восточной части могилы обнаружен череп, под которым найдены две медные монеты плохой сохранности. В центральной части ящика находилось скопление длинных костей, ребер и таз. В юго-западном углу на полу лежали два железных наконечника копий остролистной формы и бронзовая ворворка. Погребение воина можно датировать IV—

¹ «Путеводитель по Керченскому музею». Симферополь, 1956, карта.

² Б. Г. Петерс, Г. М. Ефимова. О раскопках Михайловского городища. АО 1966 г. М., 1967, стр. 222—223.

³ И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 74—78, 133, табл. III, 11 а.

⁴ Там же, стр. 78, 133, табл. V, 14 а.

III вв. до н. э. наконечниками стрел⁵ и копий⁶. Восточная ориентация погребенного, наличие монет говорят о греческом обряде захоронения⁷.

При исследовании кургана 9 в его западной поле с внутренней стороны крепиды был обнаружен впускной каменный ящик, ориентированный по линии СЗ—ЮВ. Он был сложен из плоских плит известняка и имел внутренние размеры 1,45×0,48 м. Все сооружение было сдвинуто и раздавлено бульдозером, в результате чего его боковые стенки наклонились вовнутрь. В ящике обнаружено парное захоронение. Костяк взрослого человека был вытяннут головой на северо-запад. Костяк ребенка плохой сохранности и имел ту же ориентацию. Около головы и в области грудной клетки взрослого найдены фрагменты сетчатого лекифа, которые позволяют датировать погребение не ранее второй половины IV в. до н. э.⁸

В центре кургана находилась могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами размером 3,06×1,76 м, впущенная в материк на глубину 0,9 м и ориентированная с запада на восток. В заполнении ямы, полностью ограбленной в древности, встречено большое число необработанных камней и обломков плит известняка. Здесь же были выявлены кости черепа лошади, фрагмент носика гутта, покрытого зеленой глазуровкой, обломок трехлопастной бронзовой стрелы. На дне могильной ямы вдоль ее северной стороны была обнаружена канавка глубиной 0,1 м и шириной до 0,2 м, а в центре могилы — вдоль длинной ее оси — две круглые ямы глубиной до 0,2 м и диаметром 0,21 м и 0,08 м.

В юго-западной части насыпи кургана 10 был открыт сильно поврежденный бульдозером каменный ящик, который был впущен в полу кургана и ориентирован с запада на восток. В заполнении ограбленного в древности погребения обнаружены фрагменты тонкостенного сосуда, обломки железных и бронзовых предметов. В отвале разрушенной насыпи кургана встречены обломки длинных костей человека, фрагменты чернолаковой посуды, антропоморфное надгробие.

В центре кургана под каменным завалом находился склеп, ориентированный по линии ЗСЗ—ЮЮВ и углубленный в материк. Склеп сверху был перекрыт двумя плоскими плитами известняка размером 2,0×1,1×0,2 м и 1,4×0,35×1,4 м. В центре последней плиты имеется хорошо выполненное эллипсоидное углубление, выдолбленное на глубину до 0,1 м, размером 0,63×0,28 м. Склеп был сооружен из плохо обработанных плит известняка; внутренние размеры его — 2,0×1,0 м, пол склепа на глубине 0,98 м вымощен плоскими камнями. Склеп был ограблен в древности через грабительский лаз в южном углу могилы, в заполнении лаза обнаружены фрагменты чернолаковой котилы IV—III вв. до н. э.⁹, чернолаковой солонки¹⁰, расписного сосуда, лутерия со светлой обмазкой¹¹, венчика красноглиняного кувшина и трехлопастная железная втульчатая стрела; распространение таких стрел начинается в IV в. до н. э.¹² В за-

полнении склепа обнаружены разбросанные остатки костей от четырех захоронений, фрагменты краснофигурного арибаллического лекифа¹³ с изображением пальметок, две бронзовые стрелы¹⁴, часть железного чешуйчатого панциря. Погребение по находкам датируется IV в. до н. э.

Исследование кургана 11 показало, что его насыпь снесена полностью, проведенная через центр кургана бульдозером траншея совершенно разрушила склеп. В отвалах земли встречаются обработанные плиты известняка и фрагменты гераклейских клейменных амфор IV—III вв. до н. э.¹⁵

В кургане 14 сохранилась крепида, сложенная из двух рядов рваных глыб известняка размером 0,8×0,5×0,3 и 0,6×0,5×0,2 м и т. п. Диаметр крепиды 17,0 м, ширина 1,0 м. В отвалах земли попадаются обломки плит от разрушенного каменного ящика и крышки склепа, фрагменты ручек и венчика фасосских амфор V в. до н. э.¹⁶, фрагменты амфор с рюмкообразной ножкой IV—III вв. до н. э.¹⁷

При зачистке в центре кургана был обнаружен склеп, углубленный в материк, ориентированный с запада на восток. Он был сооружен из хорошо обработанных плит известняка, его внутренние размеры 2,2×1,08 м, сохранившаяся глубина 1,14 м. На восток от склепа прослеживаются остатки дромоса, отделенного от камеры закладной плитой. Склеп был ограблен в древности, здесь найдены разбросанные кости от четырех погребенных. В заполнении склепа встречены: фрагменты тулова реберчатой чернолаковой пелики IV в. до н. э.¹⁸, фрагмент венчика чернолакового килика IV в. до н. э.¹⁹, фрагменты краснолакового сосуда, обломки стеклянных бус и стекла. В северо-западном углу склепа были найдены железная пуговка, бронзовая фибула с завитком на конце приемника II в. н. э.²⁰ и бронзовая литая брошь-фибула; последняя имеет шарнир из двух стоек и железной оси, щиток фибулы сделан в форме летящего голубя, нижняя часть хвоста и крыльев которого орнаментирована насечками²¹. Здесь же встречена бронзовая трехлопастная втульчатая стрела IV—III вв. до н. э.²²

Предметы, найденные в склепе, говорят о длительности использования склепа для захоронений с IV в. до н. э. по II в. н. э.

В разрушенной насыпи кургана 15 прослежена крепида, сложенная из двух рядов глыб рваного известняка размером 0,65×0,4×0,18 м; 0,7×0,4×0,3 м; внутренний диаметр крепиды 14 м, ширина ее 0,9 м.

В центре кургана находился прямоугольный склеп (рис. 39), ориентированный по линии ЗСЗ—ЮЮВ, внутренние размеры которого 2,68×1,85 м; сохранившаяся высота склепа от пола — 1,2 м. Перекрытие склепа и верхние части вертикальных плит разрушены бульдозером. Стены склепа сооружены из плит ракушечника, внутренняя часть которых хорошо обработана. Плиты плотно примыкают друг к другу, в углах склепа плиты для скрепления между собой имеют специальные подтесы. Длинные южная и северная стенки склепа сложены каждая из двух вертикально поставленных рядом плит, западная боковая — из двух плит, поставленных одна над другой; восточная стенка склепа состояла из двух боковых плит, между которыми находился дверной проем шириной 0,94 м.

⁵ Аналогии см.: Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 129, рис. 8; А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. Д 1—4, 1964, табл. 9 Г—2; 3; табл. 9, Б—2; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 136, рис. 34, 3, 4.

⁶ Встречаются в комплексах конца V—IV вв. до н. э. (А. И. Мелюкова. Указ. соч., табл. 14, 5, 8).

⁷ Т. М. Арсеньева. Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное. СА, 1963, № 1, стр. 203; Г. А. Цветаева. Грунтовый некрополь Пантикалея, его история, этнический и социальный состав. МИА, № 19, 1951, стр. 71.

⁸ С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка им. Войкова. МИА, № 69, 1959, стр. 128, рис. 28; И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 84.

⁹ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 48, табл. VII, 83.

¹⁰ В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 52, табл. VIII, 103; И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 84.

¹¹ Близок по форме лутерия из Пантикалея (см.: И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. Типы толстостенной керамики из Пантикалея. МИА, № 103, 1962, стр. 150, рис. 2, 1).

¹² А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 30.

¹³ С. И. Капошина. Указ. соч., стр. 128, рис. 23, 125.

¹⁴ А. И. Мелюкова. Указ. соч., табл. 9, К, 4; И, 8; А, 1; Б, 2.

¹⁵ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 100, табл. XXII, 43, 45, 46; стр. 101, табл. XXIII, 476.

¹⁶ Там же, стр. 80, табл. VI, 166.

¹⁷ Там же, стр. 88, табл. XII, 236.

¹⁸ В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 40, табл. III, 33.

¹⁹ С. И. Капошина. Указ. соч., стр. 128, 130, рис. 27.

²⁰ А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР. САИ, вып. Д1—30, 1965, стр. 45, табл. 5, 15, 16.

²¹ А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 31, 33, 35, табл. 14, 23.

²² А. И. Мелюкова. Указ. соч., табл. 9, Г—1, 2.

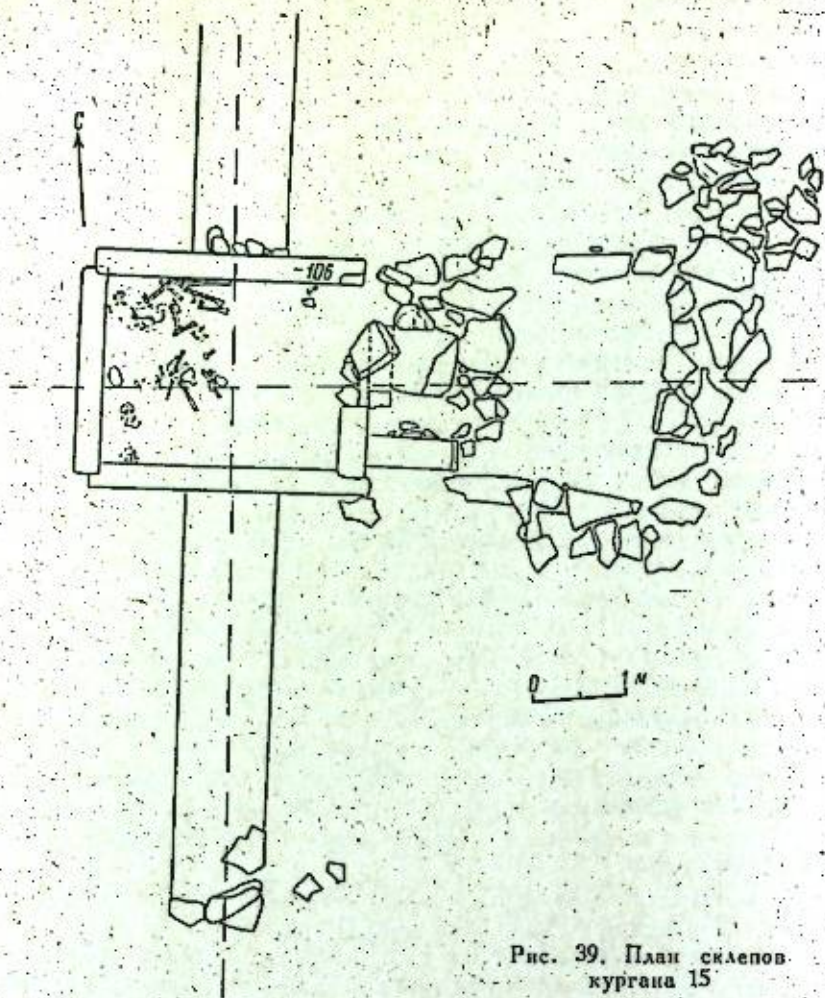

Рис. 39. План склепов кургана 15

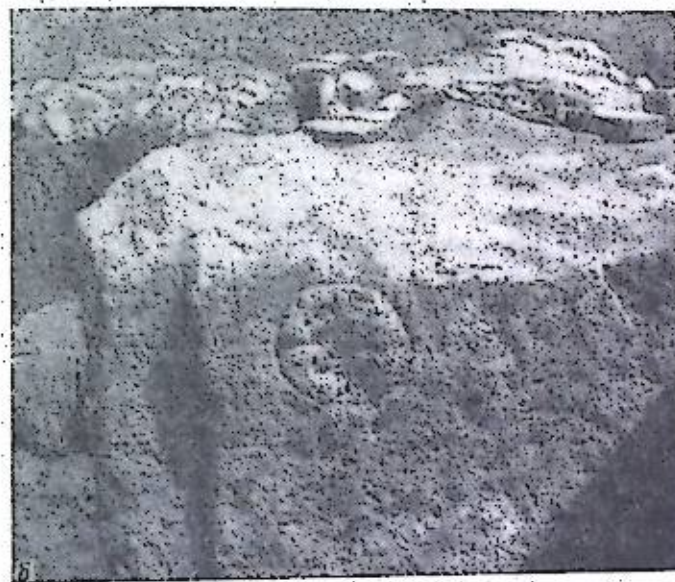

Рис. 40. Склеп кургана 15

1 — пол в северо-западном углу; 2 — стена у входа с выбитым солнечным знаком

Но здесь сохранилась лишь южная боковая плита, северная плита разрушена грабительским ходом. На южной плите для примыкания дверей имеется подтес шириной 0,125 м и глубиной 0,02 м, который не доходит до пола на 0,14 м, так как здесь был в древности порог, также частично разрушенный грабителями. Сохранившаяся часть порога состоит из трех обработанных плит известняка высотой 0,43 м. Перед порогом канавка в материковом суглинке шириной 0,3 м, в которой устанавливалась закладная плита. Плита была отведена грабителями, с двух ее сторон имеются сквозные пропилы, в верхней части пролом. Пол склепа вымощен хорошо подогнанными плоскими плитами неправильной формы, толщиной 0,08—0,11 м (рис. 40, 1).

На плите, образующей восточную стенку, южнее дверного проема в верхнем углу с внутренней стороны сохранилось врезанное изображение круга²³ с внутренним диаметром 0,115 м. Круг разделен взаимно перпен-

дикулярными линиями на четыре сектора, внутри которых имеется по круглому углублению — точке. Вероятно, рисунок представляет собой солнечное изображение (рис. 40, 2).

К склепу с восточной стороны примыкал дромос длиной 3,5 м, который конструктивно состоял из трех частей: горизонтального коридора, наклонного спуска, входной ямы.

Горизонтальный коридор длиной 1,0 м ограничен с юга плоской вертикальной плитой, с запада — закладной плитой, с севера — остатками плиты, разрушенной грабительским ходом. Наклонный спуск длиной 1,3 м вымощен плоскими плитами известняка. Эта часть дромоса ограничена с юга плоской, плохо обработанной плитой; аналогичная плита с севера

²³ Изображения круга, разделенного линиями на сектора, внутри которых имеются точки, известны в памятниках римского императорского времени, например в склепе сабазианов, где они выполнены краской (см.: М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, т. 2. СПб., 1913, Атлас, табл. ХСVII; табл. С, 2; табл. ХСVIII, а также т. I, стр. 414—415). Возможно, некоторые черты сходства с нашим знаком можно видеть в знаке, расположенном в левой части плиты из Керчи (см.: Э. И. Соломонок. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 103, № 47).

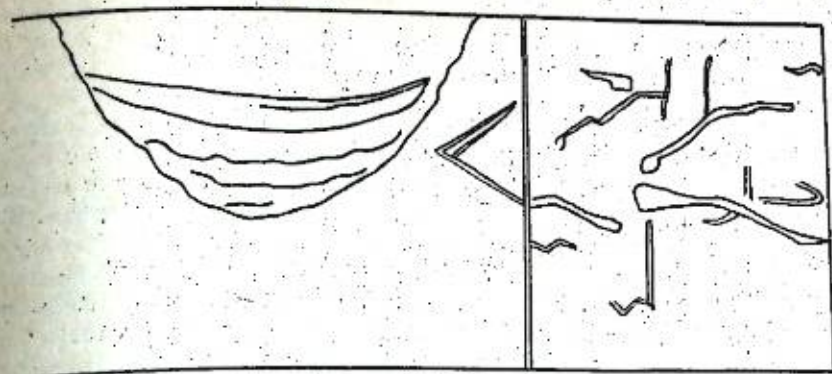
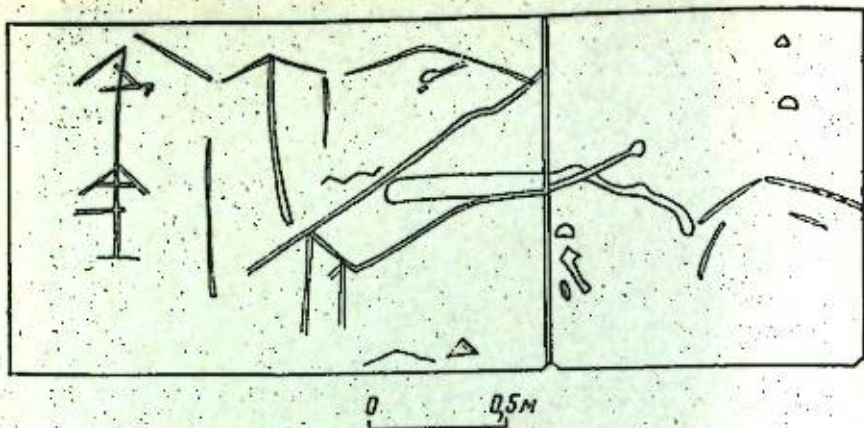

Рис. 41. Рисунки на стенках могилы 4 кургана 1
слева направо изображены стены: северная, восточная, южная, западная

разрушена грабителями. Входная яма длиной 1,4 м, шириной 1,2 м завалена камнями. Контуры ямы с боков выложены камнями, от наклонного спуска она отделена двумя рядами камней, сверху она была перекрыта плоскими плитами известняка размером 1,0×0,46×0,2 м; 0,8×0,3×0,2 м.

Склеп, ограбленный в древности, был заполнен землей, на глубине 0,7—0,8 м были встречены остатки трех разбросанных захоронений без вещей, на глубине 1,0—1,1 м в слое мелкого камня — скопление разбросанных костей от четырех захоронений, здесь встречена ножка гераклеиской амфоры III в. до н. э.²⁴ На уровне пола на глубине 1,2 м у порога склепа остатки еще одного захоронения. Под плитами пола на материке найдены обломки мелких человеческих костей и глазчатая бусина²⁵ из полупрозрачного стекла, округлой формы со слоньими накладными глазками; аналогия ей имеется в комплексах IV—III вв. до н. э.²⁶ Вероятно, в склепе с IV—III вв. до н. э. производились последовательные захоронения, после которых склеп подвергался неоднократным ограблениям.

В центре разрушенной насыпи кургана 17 обнаружен поврежденный бульдозером каменный ящик, ориентированный с севера на юг. Он сложен из обработанных плит известняка, в нем найдены несколько обломков человеческих костей, фрагменты ножки гераклеиской амфоры IV в. до н. э.²⁷, ножки фасосской амфоры IV—III вв. до н. э.²⁸ и бронзовая трехгранная стрела с обрезанной внутренней втулкой и с подчеркнутым четырехугольным ложком; такие стрелы встречаются начиная с V до III в. до н. э.²⁹ Погребение по находкам можно датировать IV—III вв. до н. э.

Курган 1 — наиболее крупный в могильнике. Его раскопки были начаты еще в 1966 г. В 1969 г. после разрушения насыпи на нем зафиксирован кромлех диаметром около 13 м, состоящий из крупных обломков кристаллического известняка разной конфигурации. Камни положены плашмя, а кое-где поставлены вертикально с наклоном наружу. К югу от кромлеха открыты три могилы. Могилы 1—углубленная в материк катакомба. Свод ее обрушился в древности. Входная яма срезана при разрушении насыпи. У входа вдоль юго-восточной стенки лежала плашмя лишь одна крупная треснувшая плита, очевидно, закрывавшая первоначаль-

но вход в катакомбу. Стенки камеры расширяются книзу, дно гладкое. На стенках видны четкие глубокие наклонные следы от ударов кирки. Длина следов достигает 30—50 см, ширина 3—3,5 см. Сохранность костей погребенных из-за обрушения свода очень плохая. Выявляется, впрочем, картина нескольких последовательных захоронений. От верхнего костяка, лежавшего головой к северо-востоку, сохранились лишь отдельные обломки черепной крышки и длинных костей. Остальные три костяка лежат в центре камеры, ориентированные головами к юго-западу, примерно вдоль длинной оси катакомбы. В центре на дне лежал женский скелет 3, покрытый яркой и интенсивной красной краской. Судя по положению черепа и костей грудной клетки, захоронение было совершено на спине. Положение ног точно не устанавливается. Ясно лишь, что они были согнуты. К югу от этого костяка расположен частично также нарушенный костяк крупного мужчины, лежавшего на левом боку с согнутыми ногами. За головой скелета находился сосуд со шнуровым орнаментом. Костяк 1 частично перекрывал два предыдущих, находясь несколько к северу от них. Погребение взрослого совершено на правом боку с подогнутыми ногами. Большинство костей сильно смещено.

Могилы 2 расположена к юго-западу от могилы 1. На поверхности погребенной почвы она перекрыта четырьмя плитами ракушечника. Швы между плитами промазаны зеленоватой глиной. Яма ориентирована по оси запад—восток и имеет неправильно овальную форму. Юношеский костяк, сильно истлевший, лежит головой на восток, скорченно на левом боку с протянутыми к коленям руками. Вещей нет.

Могилы 3 находится рядом с предыдущей, перекрыта мелкими обломками известняка. Яма имеет не очень правильную прямоугольную форму, углы скруглены. В восточной стороне ямы обнаружены обломки детского черепа, на дне несколько обломков костей. Вещей нет.

В центре кромлеха под перекрытием из невысоким валом из белого материкового выкида. Одна из наиболее крупных плит перекрытия упала в яму, повредив южную стенку могилы и сильно разрушив костяк. Первоначально яма имела правильную четырехугольную в плане форму. Ориентирована она по линии запад—восток. Стенки ямы отвесны. Они как бы заполированы. По трем углам пробиты до дна вертикальные прямые борозды. Поверхность стенок покрыта пересекающимися наклонными и вертикальными углубленными желобками, иногда заполированными, иногда выполненными частыми ударами кирки. Эти желобки образуют орнамент. Основу орнамента северной стенки составляет горизонтальный зигзаг, рассеченный вертикалями (рис. 41). Костяк в могиле лежал на

²⁴ И. Б. Зеев. Указ. соч., стр. 100, табл. XXII, 46.

²⁵ Определение бусины любезно сделано Е. М. Алексеевой.

²⁶ П. Д. Либера. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, вып. 1—3, 1965; табл. 35, 18.

²⁷ И. Б. Зеев. Указ. соч., табл. XXII, 42.

²⁸ Там же, стр. 87, табл. VIII, 20.

²⁹ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 129, 131, рис. 6; А. И. Мелюкова. Указ. соч., табл. 9, А—З.

спине, ноги были первоначально подняты коленями вверх. Большинство костей потрескалось и расплющилось под тяжестью плиты.

Насыпь кургана 16 разрушена в центре до уровня материка. Кромлех кургана состоит из крупных кусков известняка. В центре обнаружено захоронение взрослого — могила 1. Яма в погребенной почве не прослеживалась. Костяк частично разрушен бульдозером. Он лежал на спине головой на запад. Первоначальное положение ног неясно. Слева от туловища стоял раздавленный плоскодонный сосуд. Под могилой 1 в материке выявлено темное неправильной формы пятно могильной ямы 2. В ней обнаружен частично нарушенный скелет взрослого. Тазовые кости и нижние поясничные позвонки находились в правильном анатомическом сочленении. Кости ног и рук разбросаны. Погребенный был обращен головой на восток. В 2 м к югу от этой могилы, в окружении нескольких обломков костей, обнаружен плоскодонный сосуд в погребенной почве, принадлежащий погребению 3. Могила 4 имеет сравнительно правильную четырехугольную форму и находится к юго-востоку от могилы 2, менее чем в 1 м от нее. Она ориентирована по линии север—юг. На дне ямы — погребение взрослого, на правом боку, с подогнутыми ногами. Левая рука согнута и кисть ее подведена к лицу. Перед лицом взрослого лежит скелет младенца. Между тазом младенца и грудной клеткой взрослого находились две мелкие пронизки, свернутые из медного листка. На черепе взрослого под глазницами и вокруг ушных отверстий четко заметны красные линии шириной до 1 см, очевидно, след раскраски лица. Могила 5 помещается к востоку от могилы 4. Ориентирована она примерно с северо-запада на юго-восток. Имеет форму трапеции со скругленными углами. Погребенный лежал на правом боку, головой на северо-запад. Руки сложены перед лицом. Вещей нет. Над этой могилой находилась каменная выкладка, в центре которой обнаружен большой каменный столб с подтеской одной из боковых узких граней и грубыми слабыми очертаниями человеческого лица на противоположной грани. Лицо пришлифовано (рис. 38; 3).

Раскопанные могилы малочисленны и очень бедны инвентарем. Систематическая оценка их возможна лишь при новых раскопках и получении более стандартного материала. Отдельные уникальные черты обряда (каменное изваяние — столб, следы раскраски лица, украшение геометрическим орнаментом стенок ямы) нельзя считать пока в силу отсутствия аналогий признаками какой-либо из известных неолитических культур.

Исследование рассмотренных памятников значительно увеличивает объем фактических материалов, относящихся к неолитической, бронзовой, античной эпохам в прежде малоисследованном районе. Эти памятники, несмотря на значительные ограбления, представляют интерес, так как уточняют представления об архитектуре курганов, могил и склепов. Последующие исследования этого могильника позволят уточнить многие вопросы, связанные с древним этносом и культурами этого района.

В. С. ДРАЧУК

НОВЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ СТЕЛЫ С ЕДИНИЧНЫМИ САРМАТСКИМИ ТАМГАМИ

Во время строительных работ в Запорожье была снесена насыпь кургана. По словам сотрудника Запорожского краеведческого музея В. Ф. Пешанова, в кургане было обычное захоронение ямной культуры. Более интересным оказалось обнаруженное в кургане впускное погребение, датирующееся, по мнению В. Ф. Пешанова, I—II вв. н. э. В погребении на глубине около 1,20 м лежал один костяк. Рядом с костяком находилась антропоморфная стела. Все это было завалено булыжником различного размера.

Стела, находящаяся ныне в Запорожском краеведческом музее, изготовлена из гранитной глыбы высотой 1,73 м (рис. 42, 1—2), широкой у основания (0,66 м) и постепенно суживающейся вверх (0,37 м). Толщина стелы примерно одинакова и колеблется от 0,2 до 0,23 м.

К сожалению, на стеле имеются сколы различного времени и размеров, не позволяющие судить о том, насколько удалось изготовителям стелы придать антропоморфность гранитной глыбе. Но и сейчас можно определенно говорить о том, что была предпринята попытка как-то выделить верхнюю часть тела, область живота и таза, соединенные вместе и слегка согнутые в коленях ноги.

В верхней части стелы мастер, в других местах стелы тесавший довольно небрежно, аккуратно вытесал большую ровную площадку высотой 0,5 м. Ширина площадки колеблется от 0,25 м до 0,29 м (рис. 42, 3).

С еще большей аккуратностью мастер нанес на этой площадке большой знак высотой 0,24 м (рис. 42, 3; рис. 43, 4). Ширина знака сверху 15,8 см, внизу 20,5 см. Выполнен знак с помощью вырезанных линий шириной около 0,8 см и глубиной около 0,5 см, подобно тому, как вырезались обычно тамги знатных сарматов¹ или боспорских царей², выходцев из сарматской среды³.

¹ В. С. Драчук. Делкі пам'ятки із знаками на території України та Молдавії (До питання про сфери вжитку загадкових знаків). «Студентські навчові праці Київського держ. університету», XXVII, 1961, стр. 20—23; он же. Стела со знаками из Тербовельщины. СА, 1967, № 2, стр. 243—244.

² IOSPE, II, 433—434; А. И. Болтунова. Из черновинок В. В. Латышева. ВДИ, 1951, № 2; Н. Jänichen. Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern. «Antiquitas», I серия, т. 3, Bonn, 1956, табл. 20—21; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, № 14—16.

³ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 24; В. С. Драчук. Рецензия на книгу Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Северного Причерноморья». СА, 1962, № 4, стр. 255; он же. Про царські знаки Боспора Киммерійського. «Археологія», XXII, 1969, стр. 234—235.

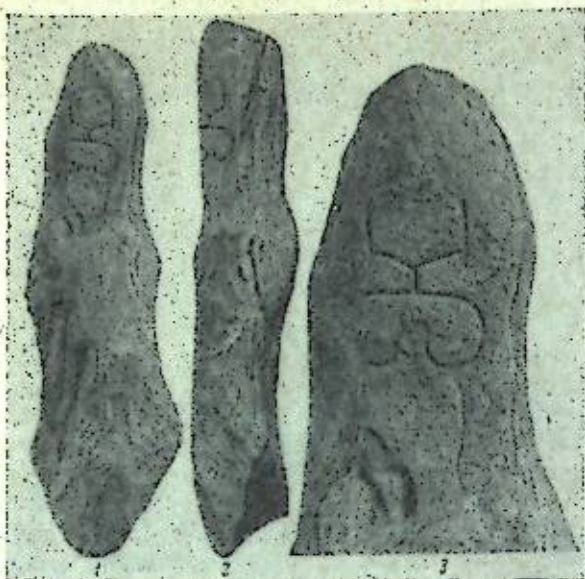

Рис. 42. Стела с сарматским знаком на г. Запорожья

1 — вид спереди; 2 — вид слева сбоку; 3 — изображение сарматского знака

Такой же знак (рис. 43, 1) был обнаружен на обломке каменной стелы, найденной возле с. Тетчаны (Северная Молдавия⁴), датируемой II—III вв. н. э.⁵ и принадлежавшей, как и сам знак, сарматским племенам⁶. Есть такой же знак (рис. 43, 2) и на известняковой плите из Кривого Рога⁷ с большим количеством тамг⁸, принадлежавших тоже сарматам⁹. В 1912 г. в Ольвии было найдено бронзовое сарматское зеркало первых веков нашей эры¹⁰ с таким знаком (рис. 43, 3). Интересно подчеркнуть, что все перечисленные находки, как и вновь публикуемая стела из Запорожья, сделаны на сравнительно ограниченной территории Южной Украины и Северной Молдавии.

Известны и другие близкие по форме сарматские знаки, относящиеся, безусловно, к тому же кругу тамг. В Керченском музее хранится верхняя часть известняковой плиты неизвестного происхождения, на которой под широким карнизом из дубовых листьев и тремя розетками глубокой, аккуратной резьбой вырезано два знака¹¹, принадлежавших сарматам¹²; один из знаков очень близок по начертанию (рис. 43, 5) к вновь публикуемому знаку. Такой же сарматский знак¹³ (рис. 43, 6) имеется на най-

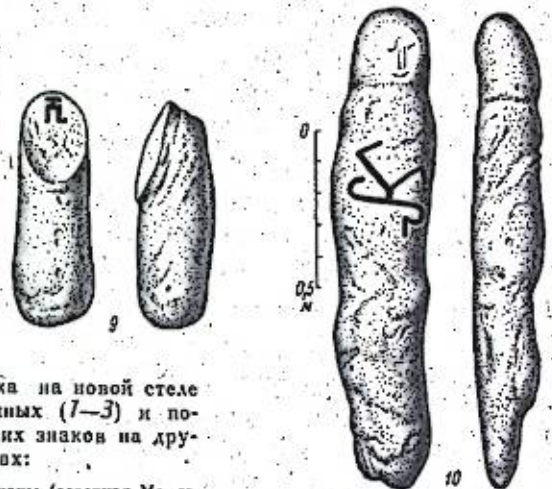
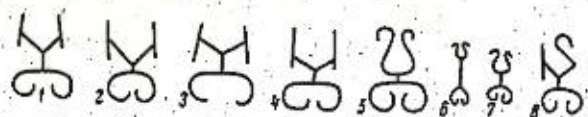

Рис. 43. Изображение знака на новой стеле из Запорожья (4), аналогичных (7—8) и подобных ему (5—6) сарматских знаков на других памятниках:

1 — на каменной плите из с. Тетчаны (северная Молдавия); 2 — на плите из Кривого Рога; 3 — на бронзовом зеркале из Ольвии; 4 — на стеле из Запорожья; 5 — на известняковой плите неизвестного происхождения; 6 — на золотом флаконе из Ольвии; 7 — на серебряном блюде из с. Давыдовка; 8 — на наконечнике копья из Керчи; 9 — стела из Балаклинского могильника; 10 — стела, найденная на Арабатской стрелке

денном в 1867 г. в Ольвии¹⁴ золотом флаконе первых веков нашей эры¹⁵ и на серебряном блюде из с. Давыдовка Воронежской обл.¹⁶ (рис. 43, 7), изготовленном, как полагает Э. И. Соломоник, в одной из мастерских Боспора или Ольвии¹⁷. Знак на блюде тоже является сарматской тамгой¹⁸ и уверенно датируется I—II вв. н. э. Этого же типа сарматский знак (рис. 43, 8) присутствует на найденной в 1841 г. в окрестностях Керчи позолоченной втулке наконечника копья со вставками из сердолика и травированным орнаментом¹⁹; он датируется началом III в. н. э.²⁰ Этот последний знак лишь немного отличается от знака на новой запорожской стеле.

Приведенные аналогии очень убедительно свидетельствуют о том, что вновь публикуемый знак на антропоморфной стеле из Запорожья является сарматским знаком и, следовательно, стела, на которой он вырезан, может быть с полной уверенностью отнесена к числу сарматских антропоморфных стел.

Тот факт, что сарматские тамги этого круга встречаются на дорогих золотых и серебряных изделиях, говорит еще и о том, что все они принадлежали какому-то знатному и богатому сарматскому роду, проживавшему, судя по находкам, в основном на территории нынешних южных

⁴ N. Morosan. Semn ieroglifik dintr un kurgan din Basarabia. Chisinau, 1938, рис. 1.

⁵ В. С. Драчук. Делкі пам'ятки... стр. 24.

⁶ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 77, № 32; В. С. Драчук. Делкі пам'ятки... стр. 23—24.

⁷ В. Юревич. Камень с загадочными знаками, хранящийся в музее Одесского общества истории и древностей. ЗОИИД, XV, 1889, стр. 504—505.

⁸ И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. ИГАИМК, вып. 62, 1933, стр. 4, рис. 1.

⁹ В. С. Драчук. Делкі пам'ятки... стр. 21; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 97—99, № 43; В. С. Драчук. Рецензия на книгу Э. И. Соломоник, стр. 255—256; он же. Родові тамги на предметах побуту. «Народна творчість та етнографія», 1968, № 6, стр. 40, 41, рис. 5.

¹⁰ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 143—144, № 103; см. там же, стр. 37, рис. VI, V ряд.

¹¹ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 65, 66, № 18; В. С. Драчук. Делкі пам'ятки... стр. 21, рис. 3.

¹² В. С. Драчук. Там же, стр. 21.

¹³ Там же, стр. 21; стр. 22, рис. 4, 4.

¹⁴ ОАК за 1868, стр. 53. Альбом, табл. I; Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XII, 31.

¹⁵ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 126, № 63; Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 96.

¹⁶ А. П. Смирнов. Новый сарматский могильник в Воронежской области. ВДИ, 1940, № 3-4, стр. 363; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 127—128, № 65.

¹⁷ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 128, № 65.

¹⁸ Там же, стр. 128, № 65. В. С. Драчук. Делкі пам'ятки... стр. 21; стр. 22, рис. 4, 5.

¹⁹ ДБК, СПб., 1854, табл. XXVII, 7; В. Ф. Гайдукевич. Восточное царство. М.—Л., 1949, стр. 424, рис. 80.

²⁰ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 128—129, № 66.

областей Украины в первые века нашей эры. Этим же объясняется и большая тщательность и аккуратность, с которой вырезан знак на новой запорожской стеле. Этим, конечно, объясняется и небольшое количество так тщательно выполненных единичных сарматских тамг на общем фоне громадного числа сарматских знаков в Северном Причерноморье²¹, иногда еле заметно процарапанных на тех или иных предметах обихода, камнях, стенах склепов или пещер и т. п. Ведь рядовые представители сарматского мира, широко использовавшие в повседневной жизни тамговые знаки, просто не имели практической возможности для изображения своих тамг, подобно единичным тамгам знатных лиц.

Исходя из всего сказанного, а также из условий находки запорожской стелы, мы полагаем, что первоначально она употреблялась вовсе не так и не там, где была найдена. Видимо, во впускном сарматском погребении стелу использовали вторично еще в сарматское время.

Безусловно, после вторичного использования была обнаружена и вторая публикуемая здесь антропоморфная стела, найденная на пятиметровой глубине в ракушечном карьере на Арабатской стрелке (северная часть). Ее нашел экскаваторщик В. Д. Колюбаев, который сразу же сообщил о своей находке директору Генического краеведческого музея Ф. И. Радзиевскому. Ф. И. Радзиевский внимательно обследовал территорию карьера, однако других находок, имеющих отношение к стеле, ему обнаружить не удалось.

Стела была перевезена в Генический краеведческий музей, где и находится в настоящее время. Изготовлена она из местного известняка. Высота стелы 1,50 м, ширина около 0,31 м с незначительным сужением внизу иверху. Толщина стелы — около 0,22 м; только вверху и внизу, там, где мастер попытался изобразить голову и ноги, стела немного сужена.

Голова изваяния изображена очень схематически, с помощью незначительного дополнительного подтесывания верхней части стелы. В лицевой части головы, высота которой 0,27 м, толщина 0,21 м и ширина около 0,26 м, мастер изобразил глаза, нос и рот. Правый глаз исполнен в виде небольшого круга, немного углубленного внизу и почти совсем терпящегося вверху. Левый глаз имеет вид небольшого углубления, вытянутого справа налево и немного снизу вверх. Между глазами с помощью едва выступающего рельефа около 3 мм, вытесанного древним мастером вдоль лица арабатского изваяния, изображен нос, занимающий почти третью часть общей длины головы. Ниже носа с помощью незначительного углубления выделен рот. Изображение рта асимметрично и сдвинуто в правую часть лица.

Шея, едва намеченная маленьким круговым углублением, сразу же переходит в туловище, выполненное еще более схематично. Только плечи и живот едва выделены с помощью незначительного подтесывания. Так же схематично изображена и нижняя часть тела. Как и у предыдущей стелы, обе ноги соединены вместе, причем мастер, изготавливавший стелу, даже не делал попыток разделить их. Единственной деталью, выделенной (и довольно условно) в нижней части арабатской антропоморфной стелы,

²¹ Н. Jänichen. Указ. соч., табл. 3; 4; 2; 6—7; 8; 2; 9—14. В. С. Драчук. До питання про взаємодію деяких тамгових систем. «Науковий щорічник Київського держ. університету за 1956 рік», Київ, 1957, стр. 127; он же. Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі. «Студентські наукові праці...», XXIII, 1958, стр. 168—170, рис. 3; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... общая таблица знаков Северного Причерноморья, № 19, 21—34, 41—46, 56—79, 83—84, 92—220, 223—240; В. С. Драчук. Рецензия на книгу Э. И. Соломоник, стр. 257, № 1, 3—5, 7—16; В. Nadel. Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Polnocnego Nadczarnomorza z okresu antycznego. «Archeologia», XIII, Warszawa, 1963, стр. 180, табл. II, рис. 1—15; табл. III, рис. 1—10.

являются (как и на запорожской стеле) коленный изгиб, вернее, сами колени, тоже соединенные вместе.

Едва наметив небрежными штрихами детали лица и почти совсем не выделяя частей тела, изготовитель стелы с величайшей аккуратностью (как и на описанной выше запорожской стеле) нанес на грудь фигуры изображение сарматского знака (рис. 44, 1). Знак, как и в вышеописанном случае, исполнен четкой, глубокой резьбой. Глубина резьбы около 0,4 см; ширина около 0,5 см. Ширина же самого знака около 0,25 м, а высота его 0,29 м.

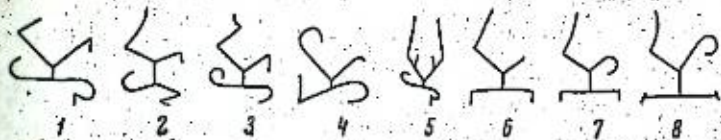

Рис. 44: Изображение знака на новой арабатской стеле (1) и родственных сарматских знаков (2—8) на других памятниках:

1 — на стеле с Арабатской стрелки; 2 — на известняковой плите на Керчи; 3, 6—7 — на ольвийских львах; 4 — на известняковой плите неизвестного происхождения из Новочерковского музея; 5 — на известняковой плите из Керчи; 8 — на известняковой надгробии из Керчи

Имеется ряд знаков, подобных знаку на арабатской стеле и принадлежащих, безусловно, к одному кругу тамг. Некоторые из них были нанесены на широко известные в научной литературе памятники Северного Причерноморья с сарматскими знаками первых веков нашей эры. Особенно близкий знак (рис. 44, 2) находится на керченской плите²² с большим количеством тамговых знаков²³. Близкий по форме знак (рис. 44, 3)²⁴ есть и на ольвийском льве. Э. И. Соломоник, опубликовавшая этот знак²⁵, датирует все знаки на львах, безусловно сарматские, первыми веками нашей эры²⁶. Подобный знак (рис. 44, 4) есть и на плите с большим количеством сарматских знаков первых веков нашей эры из Новочеркасского музея²⁷. Немного отличается от указанных сарматский знак (рис. 44, 5), обнаруженный на известняковой плите из Керчи²⁸, датируемой временем после I в. н. э.²⁹ К этому же кругу тамг относятся два сарматских знака первых веков нашей эры (рис. 44, 6—7) на упомянутых ольвийских львах³⁰ и сарматский знак (рис. 44, 8) на известняковой плите из Керчи³¹, вторично использовавшейся сарматами в первые века нашей эры для нанесения своих тамговых знаков³².

²² ОАК за 1891, стр. 57.

²³ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 103, № 47; В. С. Драчук. Родові тамги, стр. 42, 44, рис. 11.

²⁴ Н. Муракевич. Ольвийские древности. ЗООИД, III, 1853, стр. 247, табл. VI; ОАК за 1872, табл. XVII, 19; И. И. Мещанинов. Указ. соч., стр. 14, рис. 7; стр. 15, рис. 8; Н. Jänichen. Указ. соч., табл. 12—13; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... № 41—42 и др. работы.

²⁵ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 93, № 42 б.

²⁶ Там же, стр. 97, № 42.

²⁷ Е. I. Соломоник. Нові пам'ятки з сарматськими знаками. АП, XI, 1962, стр. 160, № 3.

²⁸ IOSPE, II, 232; G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, стр. 34, № 192; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 99—100, № 44.

²⁹ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 100, № 44.

³⁰ Там же, общая таблица знаков, № 197; стр. 89, № 41 в.

³¹ IOSPE, II, 219; G. Kieseritzky und C. Watzinger. Указ. соч., стр. 40, № 232; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 100—101, № 45.

³² Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 100, № 45.

Все эти памятники с сарматскими знаками первых веков нашей эры, родственными знаку на вновь публикуемой стеле, говорят о том, что и знак на арабатской стеле является сарматским и датируется первыми веками нашей эры. А из этого следует, что этим же временем датируется и сама арабатская антропоморфная стела, относящаяся, как и описанная выше стела из Запорожья, к кругу сарматских антропоморфных стел.

Стела с Арабатской стрелки, вероятно, первоначально венчала курган с погребением знатного сармата. Затем она была вторично использована в районе нынешнего песчаного карьера. Как она использовалась вторично — сказать нельзя, может быть, для покрытия могилы.

Вновь публикуемые антропоморфные сарматские стелы с большими тамгами на груди не имеют прямых аналогий в Северном Причерноморье. В связи с этим трудно ответить на вопрос об их происхождении. Известно только, что схематические антропоморфные надгробия были широко распространены в Северном Причерноморье и прилегающих к нему районах; они встречаются в Поволжье, Прикубанье, Крыму, Поднепровье, Добрудже и на других территориях. В свое время в научной литературе бытовало мнение, согласно которому антропоморфные стелы с тамгами относились к памятникам местного искусства, восходящим к доисторическим традициям скифской или киммерийской монументальной скульптуры³³. Однако в результате последующих археологических исследований были обнаружены антропоморфные стелы еще более древнего возраста, связанные с ямной культурой и использовавшиеся для перекрытия ямных погребений³⁴.

Сарматские антропоморфные стелы из Запорожья и с Арабатской стрелки не только не имеют прямых аналогий, но и заметно отличаются от ранее известных сарматских антропоморфных стел с большими единичными сарматскими тамгами, тоже вырезанными с аккуратностью и тщательностью³⁵. До сих пор известны сарматские антропоморфные стелы двух видов: 1) стелы, изготовленные из естественных камней антропоморфного облика, которые подвергались лишь незначительной доработке в том месте, где наносился знак; 2) стелы, представляющие собой схематически выполненную из камня верхнюю часть человеческой фигуры с едва намеченными головой и плечами, округленную только сверху.

Примером стел первой группы может быть мало известная в научной литературе стела, найденная в 1959 г. при раскопках Бакинско-могиляника в Крыму³⁶. Для ее изготовления был использован камень естественного происхождения высотой около 0,60 м и шириной около 0,18 м. Незначительной доработке стела подвергалась только сверху, где глубокой и широкой линией был врезан сарматский знак высотой 0,08 м и шириной около 0,07 м. Примером стел второй группы могут быть две антропоморфные стелы с большими единичными сарматскими тамгами, также вырезанными с большой тщательностью, найденные в Керчи³⁷ и в Заветинском могилянике в Крыму³⁸. Керченская стела представляет собой известняковое надгробие высотой 1,12 м, шириной 0,57 м и толщиной 18,5 см, изображающее очень схематизованную верхнюю часть человеческой

фигуры. На груди и на спине четкой глубокой линией вырезан единичный сарматский знак первых веков нашей эры. Размеры знака довольно большие: высота 0,35 м с одной стороны и около 0,45 м с другой; ширина — 10,8 см с одной стороны и около 0,20 м с другой³⁹. Такой же вид имеет известняковая стела из Заветинского могиляника, тоже изображающая верхнюю часть человеческой фигуры (ширина 0,3 м, толщина около 0,13 м, высота 0,61 м). Известняк отесан со всех сторон, едва намеченная голова округлена вверху. В центре, на более тщательно обработанной стороне, четко вырезан большой сарматский знак высотой 0,15 м и шириной 0,17 м⁴⁰.

Вновь же публикуемые стелы из Запорожья и с Арабатской стрелки представляют собой попытку изобразить не часть человеческой фигуры, а всю фигуру целиком. На обеих стелах сохранились следы дополнительной подтески, целью которой было придание стеле более антропоморфного облика, хотя это не очень удалось изготовителям стел, тем не менее можно проследить легкий изгиб ног в коленях на запорожской стеле, попытку изобразить коленки на стеле с Арабатской стрелки, как-то выделит живот на этой же стеле и тазовую часть на стеле из Запорожья; глаза, нос и рот — на Арабатской стеле. К сожалению, большие сколы и повреждения разного времени на запорожской стеле не дают возможности выяснить, как была оформлена лицевая часть этой второй стелы, публикуемой нами.

В заключение еще раз обратим внимание на то общее, что при наличии существенных различий объединяет все описанные выше стелы: большие единичные сарматские знаки, вырезанные с большой тщательностью и аккуратностью, подобно тому, как вырезались тамговые знаки знатных сармат и личные именные знаки боспорских царей сарматского происхождения.

Известно, что о смысле сарматских знаков высказано много противоречивых гипотез⁴¹. Различные мнения существуют и в настоящее время как в отечественной⁴², так и в зарубежной научной литературе⁴³.

Мы уже указывали на свидетельства Плиния, Аммиана, Марцеллина и других авторов об использовании сарматами татуировки как специфически геральдического приема и подчеркивали, что в первые века нашей эры знаки очень широко использовались сарматами именно как тамги родовые и именные⁴⁴. Публикуемые здесь большие единичные сарматские знаки первых веков нашей эры, каждый из которых принадлежал какому-то определенному индивидууму, чей облик запечатлен в антропоморфной стеле, бесспорно свидетельствуют о применении этих знаков в качестве знаков определенных лиц или, выражаясь иными словами, в качестве именных тамг. Этот факт, видимо, можно признать установленным.

³³ А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950, стр. 246.

³⁴ А. И. Терноужкин. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища. КСИА АН УССР, вып. 1, 1952, стр. 16; он же. Курганы бронзового века на р. Молочной. КСИА АН УССР, вып. 2, 1953, стр. 88 и др. работы.

³⁵ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 68—69, № 21; Е. I. Соломоник. Нови пам'ятки... стр. 163, 164, № 13; Н. А. Богданова. Скифские и сарматские стелы Заветинского могиляника. СА, 1965, № 3, стр. 236, № 6, рис. 3, 2.

³⁶ Е. I. Соломоник. Нови пам'ятки... стр. 163, № 13.

³⁷ А. П. Иванова. Указ. соч., стр. 242, 245, рис. 8, 9; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 68—69, № 21.

³⁸ Н. А. Богданова. Указ. соч., стр. 236, № 6, рис. 3, 2.

³⁹ Э. И. Соломоник правильно относит все другие сарматские знаки, процарапанные на стеле, ко времени вторичного ее использования (Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... стр. 69, № 21).

⁴⁰ Второй маленький знак в виде крестика, который процарапан в верхней части этой стелы и который Н. А. Богданова тоже считает сарматским (см.: Н. А. Богданова. Указ. соч., стр. 236), не имеет отношения к первоначально вырезанному большому знаку и относится, как и в предыдущем случае, ко времени вторичного использования заветинской стелы.

⁴¹ Историографию вопроса см.: В. С. Драчук. До питання про взаємодієносини деяких тамгових систем, стр. 127.

⁴² См.: В. С. Драчук. Про вивчення загадкових знаків Південної України у літчих-літній та зарубіжній історичній літературі. УІЖ, 1970, № 1, стр. 74—78.

⁴³ Н. Jänichen. Указ. соч., стр. 13—20; Н. Humbach. Die Kaniska—Inscript von Surkh—Kotal. Wiesbaden, 1960, стр. 12; он же. Die sogenannte sarmatische Schrift. «Die Welt der Slawen», 1961, Н. 3, стр. 225—231; В. Nadel. Указ. соч., стр. 178—185 и др. работы.

⁴⁴ В. С. Драчук. Стела со знаками из Теребовельщини, стр. 244.

М. М. КОБЫЛИНА

ФАНАГОРИЙСКАЯ КРОВЕЛЬНАЯ ЧЕРЕПИЦА
ПЕРВЫХ ВЕКОВ н. э.

Крыша, раскопанная в 1939 г. на берегу Фанагорийского городища, а также выкладка из черепиц на некрополе В¹ и ряд отдельных находок дали достаточный материал для характеристики типов фанагорийской черепицы IV—I вв. до н. э.² Но раздел о фанагорийской черепице первых веков н. э. очень беден вследствие незначительного числа находок в Фанагории черепиц этого периода. В свод вошли только найденная в выбросе из гончарных печей на керамике верхняя часть плоской черепицы прямоугольной формы с бортиком (ГМИИ, ф. 1948, № 120) — разновидность общераспространенной на Боспоре в первые века плоской черепицы³ и желобчатый каллиптер, типа каллиптера, распространенного на Боспоре в первые века н. э.⁴

Обвалившаяся крыша, открытая в 1968 г. в слое I—II вв. на центральном раскопе Фанагории, значительно дополняет наши представления о типах фанагорийской черепицы первых веков н. э. Обвал крыши произошел вследствие большого пожара: черепицы в обломках лежали грудой в три слоя, разделенные обуглившимися, но частично сохранившимися деревянными досками. Такое состояние черепичного завала показывает, что черепицы принадлежали одной крыше⁵.

Остатки полусгоревших досок длиной до 0,40 м, шириной до 0,17 м были исследованы Г. Н. Лисициной. Анализ показал, что деревянный настил крыши состоял преимущественно из досок вяза и тополя.

Завал черепицы состоял из 200 фрагментов соленов и около 500 фрагментов каллиптеров. Из фрагментов удалось собрать семь целых соленов. Весьма любопытно, что эти солены разных типов и имеют разные размеры. Использование разных соленов для покрытия одного здания не наблюдалось в более раннее время, вероятно, в этом факте надо усматривать черты варваризации строительных приемов. На том же центральном раскопе в 1959 г. тоже в слое первых веков н. э. были открыты ос-

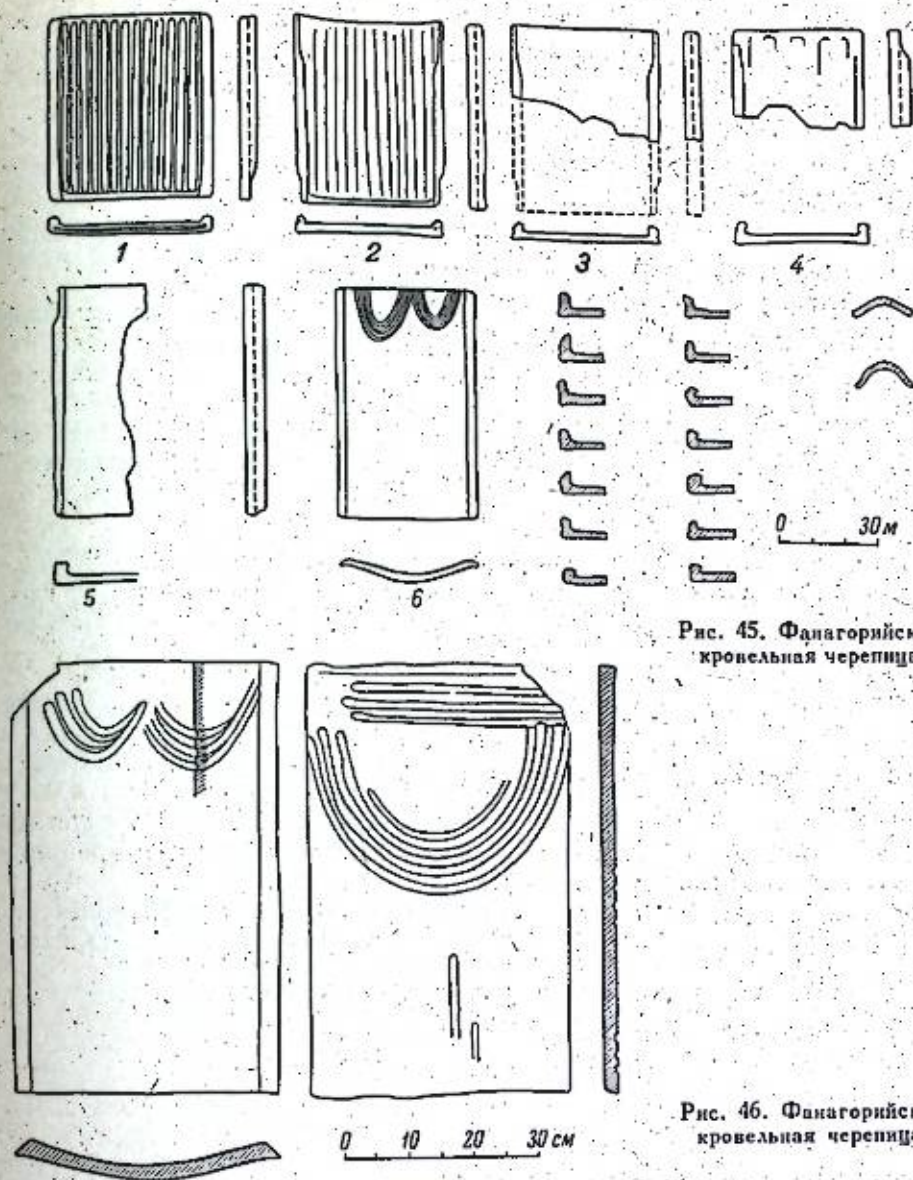

Рис. 45. Фанагорийская кровельная черепица

Рис. 46. Фанагорийская кровельная черепица

татки перекрытия из камки: камка толстым слоем лежала на сгоревших деревянных жердях⁶.

Все вновь открытые солены и каллиптеры имеют фанагорийское происхождение за исключением одной черепицы синопского производства (рис. 45, 5). Находка в комплексе фанагорийской крыши синопской черепицы находится в соответствии с фактом, отмеченным в тексте свода об импорте черепицы из Синопы на Боспор⁷ в I—II вв. Однако находка только одного синопского экземпляра среди множества фанагорийских черепиц говорит о незначительности этого импорта в Фанагорию.

¹ В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3-4, стр. 296, рис. 6; Н. Я. Мерперт. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. МИА, № 19, 1951, стр. 227 и сл.

² «Керамическое производство и античные керамические строительные материалы». САИ, Г1—20, 1966, стр. 57—59, табл. 40.

³ Там же, стр. 60, табл. 42, 6.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 243, рис. 68 а; «Керамическое производство...», стр. 60, табл. 42, 4 а, б, д.

⁵ Завал черепицы имел размеры 1,70 × 1,50 м, обнаружен на глубине 3,10—3,35 м от поверхности (М. М. Кобылина. Отчет о раскопках Фанагории за 1968 г. Архив ИА, Р-1, 3761, стр. 7—8).

⁶ М. М. Кобылина. Отчет о раскопках 1959 г. Архив ИА, Р-1, 2070, стр. 29.

⁷ «Керамическое производство...», стр. 59—60, табл. 42, 2. Найденная в Фанагории черепица из Синопы имеет незначительные отклонения от размеров, указанных в своде, а именно, ее длина — 0,62 м, выемка у нижнего края равна 0,1 м; длина в своде, а именно, ее длина — 0,62 м, выемка у нижнего края равна 0,57 м, выемка у нижнего края имеет длину 0,085 м.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ
ФАНАГОРИЙСКИЙ СКЛЕП

При прокладке трубопровода в 1962 г. к западу от пос. Сенная экскаватором был затронут сложенный из ракушечника склеп. Склеп расположен в 1,5 км к востоку от фанагорийского городища, на расстоянии 150 м к югу от дороги Сенная—Тамань, на западной окраине пос. Сенная, у северо-восточного угла сада. Склеп находится в настоящее время на ровной площади, у южного края цепи фанагорийских курганов, тянувшихся вдоль берега Таманского залива.

Плиты покрытия находились на глубине 0,40—0,53 м от современной поверхности почвы, однако нет сомнений, что склеп был прикрыт курганом, позднее спланированным под огороды и сад.

Экскаватором был сбит угол восточной плиты покрытия и вывернут блок из северо-западного угла, так что весь склеп, расположенный южнее траншеи, оказался невредимым, а выбитый блок позднее легко был поставлен на свое место.

Над склепом был разбит раскоп размером 3,60×2,80, равномерно охвативший габариты склепа. При этом обнаружено, что в склеп много ранее проникли грабители через узкое отверстие, пробитое в средней плите покрытия с южной стороны.

Раскоп доведен до глубины 1 м, а с западной стороны—1,55 м, после чего сняты плиты покрытия и расчищено внутреннее пространство склепа (рис. 47). Удалось выяснить, что котлован для склепа был вырыт в коричневой материковой глине на глубину 0,85 м. В него поставлены только нижние высокие плиты стен; склеп только на половину своей общей высоты был впушен в грунт ниже горизонта дневной поверхности почвы во время сооружения его. Профили бортов раскопа выявили остатки курганной насыпи толщиной 0,80—1,0 м из коричневого суглинка. Вокруг склепа на горизонте погребенной почвы лежал тонкий слой отесков камня-ракушечника. Отески уходили в нераскопанную площадь, они показывают, что окончательная обработка и притеска плит происходила на месте сооружения гробницы. С западной стороны, где был вход, отесков нет. Все плиты склепа тесаные, видны следы неширокого инструмента.

Склеп в плане имеет прямоугольную форму и длинными сторонами ориентирован так, что их восточные концы отклоняются на 35° к северу от линии запад—восток.

Наибольшая длина по внешним краям 2,95 м, ширина 1,70—1,83 м. Внешние края неровные. Верхняя торцовая плита восточного края и задняя плита входа с западной стороны создавали выступы. Длина внутри склепа 2,00 м, ширина у восточного конца 1,12 м, у западного 1,05 м. Несмотря на монументальность постройки и точность пригонки, плиты дали

Обломки фанагорийской плоской черепицы варианта, опубликованного в своде⁸ также имеются в комплексе завала 1968 г. (рис. 45, 3). Но особенно интересны типы черепицы, которые в Фанагории найдены впервые. Прежде всего это большие немного вогнутые солены со слегка скошенными краями; на одном конце солена имеются вдавленные тройные полукруги (большие во всю ширину черепицы на выпуклой стороне или маленькие, по два—на вогнутой, сделанные пальцами (рис. 45, 6; рис. 46); на одном солене полукруги упираются в три вдавленные полосы, проходящие по самому краю черепицы. Эти солены имеют длину 0,63 м, ширину 0,4 м и толщину 0,02 м (рис. 46, 2).

Фанагорийские солены имеют хорошие аналоги в ольвийской черепице первых веков н. э.⁹ Однако они отличаются от ольвийских черепиц несколько иными размерами (ольвийская черепица имеет длину 66,4 см, но такую же ширину и почти такую же толщину) и большим богатством орнамента: концентрические полукругия украшают не только выпуклую поверхность фанагорийской черепицы, но и вогнутую. Вогнутая черепица первых веков н. э. найдена и в Пантикапее¹⁰, но она не имеет вдавленных полукругов.

Аналогичные черепицы с небольшой криватурой, украшенные по краю концентрическими вдавленными кругами, известны и среди находок черепицы из Тире III в. н. э.¹¹ Этот тип черепицы был распространен и в римских провинциях¹².

Другой тип солена, также новый для Фанагории первых веков н. э.,— небольшие плиты с боковыми закраинами и ребристой поверхностью, длиной 0,50 м, шириной 0,45 м или же длиной 0,51 м, шириной 0,425 м (рис. 45, 1, 2). Аналогичные черепицы другого размера находим в Тире¹³.

Новым для Фанагории является и тип неканализованного каллиптера I—II вв., полукруглого в поперечном сечении. Поверхность его выполнена грубо, неровная. В этом отношении он аналогичен каллиптеру, открытому на Фонталовском п-ве¹⁴.

Таковы вновь открытые типы кровельной черепицы фанагорийского производства, значительно дополняющие свод строительных материалов из Фанагории.

⁸ «Керамическое производство...», табл. 42, 6.

⁹ Там же, табл. 31, 5 а, 6, в.

¹⁰ Там же, табл. 42, 5.

¹¹ Там же, табл. 31, 10.

¹² Д. Дечев. Тухан съ латински печати. «Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей 1937—1939 гг.», София, 1940, стр. 119, рис. 3.

¹³ САИ, вып. Г1—20, табл. 31, 9. Длина 0,57, ширина 0,39 м.

¹⁴ Там же, табл. 42, 5.

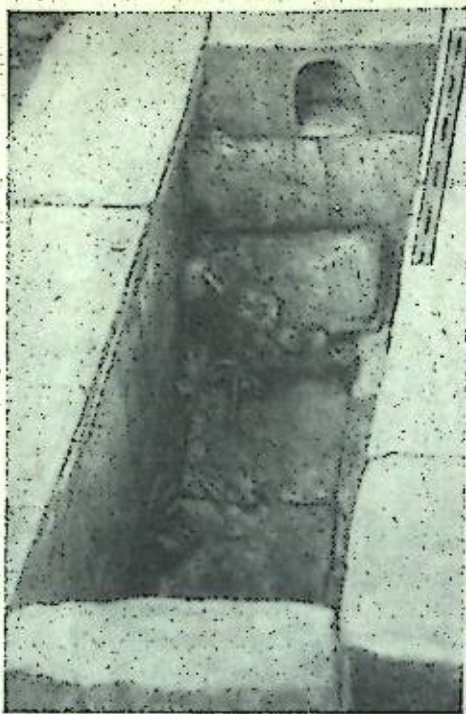

Рис. 47. Вид склепа с запада

обрез плит лежал на одном горизонте, под плиты снизу, для выравнивания, подложена в ряде мест подстилка из мелких осколков известняка. Нижний ярус плит склепа представляет собой ящик из пяти плит, не считая западной стороны, где вход. Над нижним рядом плит был расположен второй ряд блоков. У плит второго ряда, лежащих по продольным сторонам, сделан косой срез, нависающий над внутренним пространством склепа на расстояние 0,15 м; выше среза оставлена узкая (0,08—0,09 м) вертикальная плоскость—бордюр. Всего во втором ряду по продольным стенам положено шесть блоков: по два длинных (длина их 0,94; 0,95; 1,00; 1,04 м) и одному короткому (0,52 м) с каждой стороны; короткие замыкают углы западной стороны. Высота блоков 0,35 м (с небольшими отклонениями, до 0,38 м); ширина 0,49—0,52 м. Внешние края этих блоков выходят за линию нижних плит на расстояние 0,08—0,12 м, создавая равный противовес нависающим концам с косым срезом внутри склепа. Следует заметить, что нависающие края блоков второго яруса были расположены на 0,05—0,10 м выше горизонта погребенной почвы, и это пространство под внешними краями плит было забито отесками камня. Короткие блоки на углах западной стороны имели угловые вырезы, ибо здесь угол не составлялся двумя плитами, а вырезан в блоках. Верхняя поверхность блоков, на которые клались плиты покрытия, обработана ровно, но менее тщательно. По внешнему краю восточной плиты южной стенки оставлен даже выступ.

Блок второго ряда восточной торцевой стороны имеет фигурную форму. Его длина 1,06 м, высота 0,35 м, ширина с южной стороны 0,52 м, с северной 0,40 м (т. е. внешняя сторона срезана косо). По краям он имеет вырезы, в которые входят углы блоков продольных сторон. С внутренней стороны в его нижний край посередине врезана трапециевидная ниша (высотой 0,27 м, шириной по низу 0,24 м, глубиной 0,16 м). Дном ниши служит верхняя плоскость нижней плиты стенки.

небольшой крен вовнутрь. Прослежена также небольшая осадка конструкций к северо-восточному углу. Высота всей конструкции склепа от верхней плоскости плит покрытия до подошвы стенок 1,70—1,78 м. Высота плит, составляющих стенки, 0,86—0,88 м, толщина от 0,25 до 0,30 м, длина плит продольных стенок 1,00 м, восточной торцевой 1,30 м. Плиты не представляют собой совершенно точных параллелепипедов, их стороны немного скошены, хотя в местах стыков соединены плотно, что достигалось подтеской на месте. Сторона, обращенная внутрь склепа, у всех блоков, составляющих склеп, обработана ровно и тщательно; обратная сторона обработана несколько грубее. Котлован был вырыт точно по размеру, так как плиты плотно прилегают к его стенкам и только в двух местах обнаружены мелкие осколки известняка, заполнявшие щель между плитой и стенкой котлована. Для того чтобы верхний

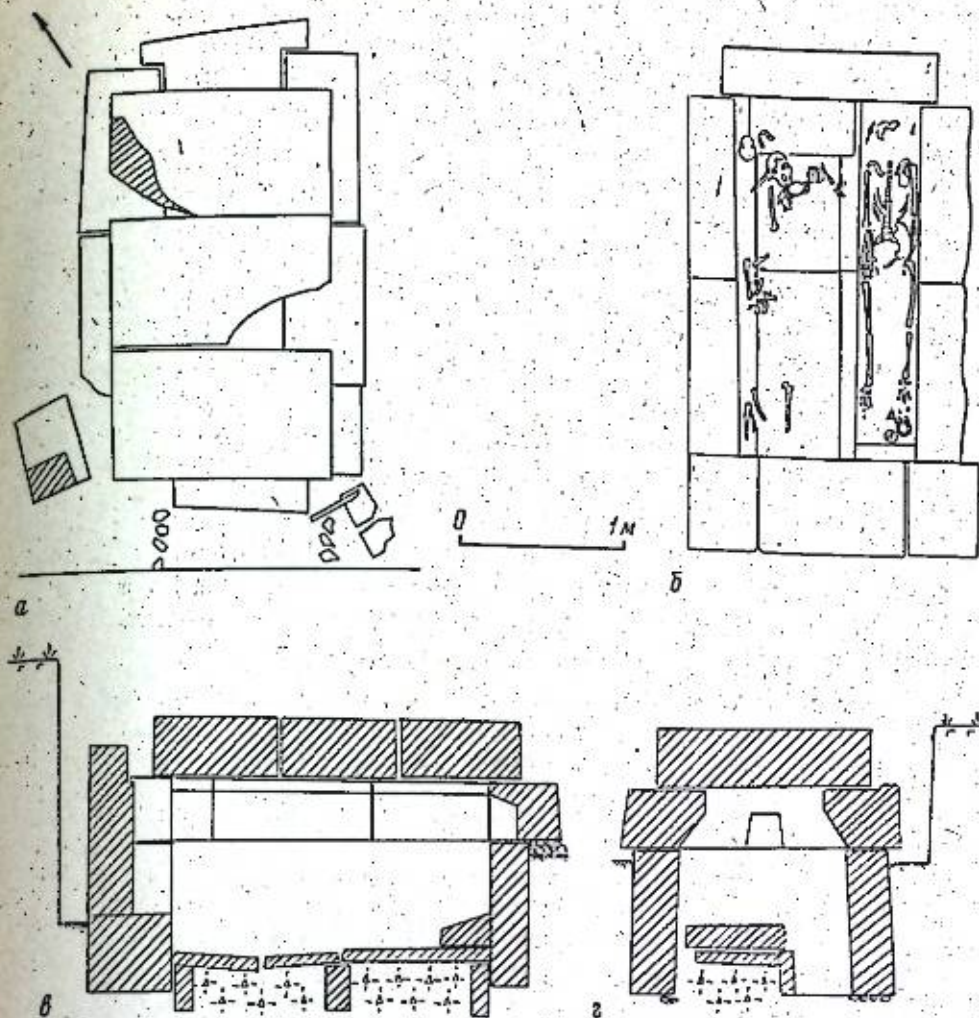

Рис. 48. План склепа

а — с плитками покрытия; б — без плит покрытия; в, г — разрез склепа

На эти плиты второго яруса положены три одинаковые массивные плиты покрытия, полностью покрывавшие внутреннюю часть склепа; размеры каждой из них — 1,40×0,76×0,34 м.

Западная стена с входным отверстием устроена следующим образом: внизу положены три блока высотой 0,44 м; два коротких по углам, более длинный (0,88 м), служивший одновременно порогом, — посередине; ширина их 0,55 м. На этих блоках, обрамляя вход, поставлены один на другой блоки меньших размеров. Прямоугольное входное отверстие имеет размеры: высота 0,80 м, ширина, 0,43 м; с внешней стороны оно закрыто вертикально стоящей закладной плитой размером 1,00×0,74 м, толщиной 0,27 м. Руст этой плиты толщиной 0,04 м точно входил во входное отверстие и плотно его закрывал.

Внутри склепа имел лежанку, расположенную по северной половине склепа. Она состоит из двух плит, положенных плашмя. Длина плит 0,94 м и 1,05 м, толщина 0,07 м, ширина 0,50 м. Между плитами лежанки и северной стенкой оставлено свободное пространство шириной 0,07—0,11 м. Плиты лежанки положены горизонтально и покоились на трех опорах (по углам склепа и в середине), представляющих собой не-

большие грубо отесанные блоки (размером $0,25 \times 0,42 \times 0,12$ м; $0,25 \times 0,40 \times 0,75$ м и $0,32 \times 0,42 \times 0,10$ м), поставленные на ребро и заглубленные в материк ниже подошвы стен на $0,10-0,15$ м. Пространство между опорами заполнено обломками и отесками ракушечника, смешанными с землей.

На лежанке в восточном конце имелось каменное изголовье размером $0,65 \times 0,30 \times 0,18$ м с косым срезом. Плоскость лежанки находилась ниже порога на $0,21$ м и выше подошвы стен на $0,13-0,16$ м.

Остальная южная часть склепа представляла собой подобие могилы или плитовой гробницы; длина «могилы» — $1,89$ м, ширина — $0,36$ м; со стороны лежанки могила ограничена стенкой из двух тесаных плит толщиной $0,11$ м и высотой $0,25$ м, поставленных на длинные ребра; верхний срез плит совпадает с плоскостью лежанки. Земляное дно могилы покрыто тонким слоем отесков известняка. Оно находится ниже лежанки на $0,25$ м и совпадает с горизонтом подошвы стен склепа. С западной торцевой стороны также поставлена плита; восточная и южная стенки образованы стенами склепа.

Одной из важнейших отличительных черт фанагорийского склепа 1962 г. является то, что он был оштукатурен и окрашен. Белая штукатурка тонкой консистенции нанесена ровным слоем, толщиной не более $0,008$ м. Оштукатурены были все внутренние плоскости от верхнего плинта до горизонта лежанки, а в могиле — до пола. Потолок же не был оштукатурен. Щели между плитами тщательно промазаны штукатурным раствором, однако штукатурка на стыках дала трещины, а в ряде мест она отпала. По штукатурке была нанесена роспись. По сохранившимся местам можно заключить, что роспись была однотонной (красно-бурой).

Монументального дромоса у склепа не было; по бокам входа в западном направлении отходили две цепочки мелких необработанных камней, лежавших на горизонте порога. Склеп не раз откапывался с этой стороны при повторных захоронениях. К юго-западному внешнему углу был прислонен обломок пантикапейского солена.

Склеп был ограблен. Внутри он заполнен серо-коричневым суглинком. В заполнении склепа на всех горизонтах встречались обломки белых человеческих костей, большое количество мелких обломков пережженных человеческих костей и несколько фрагментов керамики (коричневолакового кувшинчика, толстостенных сосудов типа амфор или урн, лепного горшка). В результате расчистки удалось установить, что здесь было погребено не менее пяти покойников, из которых два были положены на лежанке, два — в могиле, имелось также одно или несколько погребений с сожженным. Погребения на лежанке нарушены грабителями. От скелетов сохранились в смешанном положении части двух черепов, лежавших у каменного изголовья. Вдоль северной стены остались непотревоженными лучевая кость, кости правой фаланги, большая и малая берцовая кости, окрашенные в зеленый цвет окиси меди от распавшегося предмета. От второго скелета сохранились плечевая кость и ключица. Остальные кости лежали в обломках, хаотично. Из положения сохранившихся костей следует, что покойники были положены головой на северо-восток, параллельно стенкам склепа, на спине, в вытянутом положении. Около черепов найден двуручный горшочек, покрытый красно-коричневым лаком эллинистического времени. Его ручки украшены небольшими налестками, по бокам шесть парных врезок — каннелюр. В горшочке лежал оранжевоглиняный светильник с длинным носиком и горшечкообразным туловом. У него отбита часть ручки. Здесь же находилась сероглиняный лекифоподобный кувшинчик, покрытый коричневым лаком. У стенки в районе черепов — клинок железного ножа (рис. 49, 2); в районе груди — пять бусин, из которых четыре зеленоватого и один желтоватого стекла (рис. 49, 3).

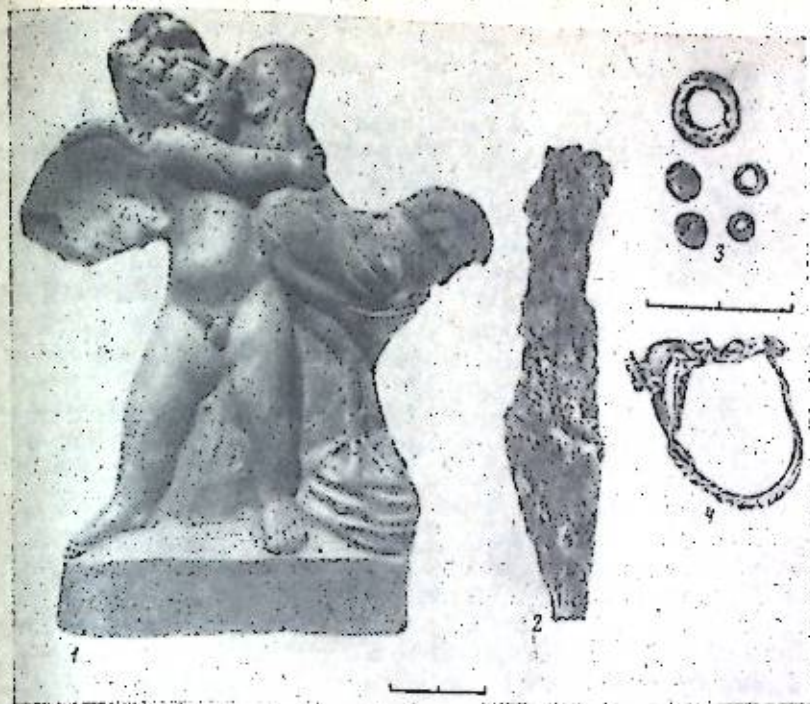

Рис. 49. Найдены в склепе

1 — терракота — амур с петухом; 2 — клинок железного ножа; 3 — бусы; 4 — золотая серьга

Погребенные в могиле лежали один на другом в той же ориентации, что и покойники на лежанке, в вытянутом положении на спине, руки вдоль тела. От верхнего скелета сохранились на месте плечевые кости, локтевая и лучевая правой руки. Под костями — коричневое пятно тлена от тонкой ткани. Остальные кости отброшены грабителями. Возможно, с этим погребением следует связать обломки бронзовой фибулы с пластинчатой дужкой найденной в ногах, и золотую серьгу (рис. 49, 4), найденную под грабительским проломом в перерытой земле. Серьга изображает птичку на постаменте, хвост которой переходит в витую дужку. Крылья, хвост и глаза птички обозначены нитями припаянной тонкой золотой проволоки. Спереди на петельке имеется гнездо от пропавшей маленькой вставки.

Нижний скелет в «могиле», за исключением черепа, сохранился полностью. Покойник лежал на спине, на земляном полу, по которому сплошь проходит черный и коричневый тлен от сгнившей ткани. В ногах погребенного на полу были обнаружены следующие вещи: маленький сероглиняный лагиннос, покрытый коричневым лаком, оранжевоглиняный одноручный горшочек, тонкостенная терракота, изображающая Эрота, обнимающего петуха (рис. 49, 1). Глина терракоты, горшочка и светильника на лежанке совершенно одинаковая, оранжевая, фанагорийская; там же в ногах найдены четыре тончайших (смятых) золотых лепестка, вероятно, от погребального венка; лепестки находились много выше остальных предметов.

Коричневолаковые сосуды характерны для периода II в. до н. э.¹ Формы сосудов, обнаруженных в склепе, весьма близки керамике из груп-

¹ В. Д. Блаватский. История античной росписной керамики. М., 1953, стр. 241—242.

тового некрополя Фанагории II в. до н. э.² Особенно характерна для этой эпохи терракотовая фигурка амура с петухом³.

Раскопанный склеп представлял собой усыпальницу одной из зажиточных фанагорийских фамилий. Нужно думать, что наиболее ранними погребениями были те, которые находились на лежанке; затем была использована «могила»; пепел от сожженных тел ставили, вероятно, в могилу в урнах. Объединение в одно и то же время в одной семье обряда труположения и трупосожжения представляет большой интерес. Этот факт констатирует равноправность обоих видов погребений среди жителей боспорских городов, и поэтому применение каждого из этих обрядов в отдельных могилах не может быть противопоставлено, во всяком случае для III—I вв. до н. э., в определении этнической принадлежности погребенных.

О том, что склеп использовался одной семьей, говорит достаточно короткий период его эксплуатации, поскольку весь сохранившийся инвентарь представляет большое хронологическое единство и относится к периоду, близкому грани II и I вв. до н. э.

Нам плохо известны фанагорийские каменные склепы, несомненно, в большом числе имевшиеся под многочисленными фанагорийскими курганами. Те из них, о которых мы знаем, были сильно разрушены⁴. Публикуемый склеп является одним из немногих, сохранившихся и раскопанных археологами. М. М. Кобылина отмечала, что фанагорийские склепы, как и пантикапейские, имели или уступчатые, или коробовые своды⁵. При этом этот вывод основывался на склепах, относящихся к IV и III вв. до н. э., ибо склепов II в. до н. э. по существу известно не было. Открытие в Керчи двухкамерного склепа II в. до н. э. в 1956 г. позволило наметить промежуточное звено между склепами Юз-Обы раннеспартокидовского времени и более поздними склепами⁶. Точно такую же роль играет и фанагорийский склеп 1962 г. Однако фанагорийский склеп совершенно не похож на пантикапейский 1956 г. и тем еще более обогащает наши представления о развитии и изменении боспорских каменных склепов. Характерными его особенностями являются небольшие размеры, отсутствие сложенного из камня дромоса, роспись, применение лежанки и «могила», устройство свода. Комплекс этих элементов выдает оригинальное творчество, делает этот склеп уникальным. В то же время видна связь его со склепами предшествующего времени. Что касается штукатурки и росписи, то она, судя по известным примерам, широко применялась в фанагорийских склепах и более раннего времени⁷. Соединение лежанки и плитовой могилы — черта оригинальная, как и отсутствие свободного пространства в склепе. В этом можно усмотреть близость описываемого склепа к эллинистическим земляным склепам с лежанками, с одной стороны, и к достаточно распространенным в то же время плитовым могилам, с другой.

В нависании верхних плит стен над внутренним пространством, несомненно, видна связь с уступчатой конструкцией сводов более раннего вре-

мени, но косой срез нависающей плиты в какой-то мере выдает стремление округлить и приблизить его к коробовому. Поэтому фанагорийский склеп 1962 г. стоит по конструкции между уступчатыми и коробовыми. Возможно, что стремление округлить свод навеяно распространенными в это время на азиатской стороне Боспора земляными, в том числе лежаночными склепами, известными нам по грунтовому некрополю Кеп. В целом фанагорийский склеп дает картину изменения в погребальной архитектуре, выдает черты новых влияний, соответствующих обстановке позднеэллинистической эпохи, и выработку новых форм.

² И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА, № 57, 1956, стр. 119, рис. 3.

³ М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 96, табл. XVI, 4. Терракотовая фигурка мальчика с петухом, очень сходная с найденной в фанагорийском склепе, обнаружена была в детской могиле эллинистического времени под Керчью (В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. СА, 1960, № 2, стр. 192, рис. 23).

⁴ М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 38.

⁵ Там же, стр. 37.

⁶ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг., стр. 185—186.

⁷ ОАК за 1869, стр. 5; ОАК за 1894, стр. VIII; ОАК за 1870; ОАК за 1871, стр. XXXIV—XXXVIII (склеп Васюриной горы).

С. А. БЕЛЯЕВ

К ВОПРОСУ
О СЕВЕРОАФРИКАНСКОЙ КРАСНОЛАКОВОЙ КЕРАМИКЕ
IV в. н. э. ИЗ ХЕРСОНЕСА И КЕРЧИ

В результате раскопок античных городов Северного Причерноморья в послевоенные годы в распоряжении исследователей появился массовый и разнообразный позднеантичный материал: амфоры, краснолаковая керамика, стекло. Обследование музеев с целью изучения краснолаковой керамики IV—VI вв. н. э. показало, что в их коллекциях хранится около 200 сосудов или их фрагментов со штампами, выявляется более 100 различных форм сосудов. Удастся определить несколько центров, позднеантичная краснолаковая керамика которых ввозилась в Северное Причерноморье. Одним из таких центров оказалась Северная Африка. Впервые влияние культуры Северной Африки (точнее — проконсульской провинции Африки) на Северное Причерноморье отметил М. И. Ростовцев на примере живописи боспорских и херсонесских склепов¹. Недавно автором этой статьи вопрос о таком влиянии снова был поставлен на основании данных эпиграфики и краснолаковой керамики². Наличие такого влияния не должно вызывать удивления: с середины II в. н. э. североафриканские провинции империи становятся одними из самых урбанизованных и экономически развитых.

Изготовленная в Северной Африке краснолаковая керамика постепенно вытеснила с рынков галльскую и италийскую; африканская школа мозаики также приобретает господствующее положение. В III—IV вв. африканские писатели, риторы, ученые являются ведущими во всей римской литературе; даже сам Рим наполнен выходцами из Северной Африки. Изделия Северной Африки были обнаружены почти во всех районах империи³. Северопричерноморские города — это самый отдаленный район, где

¹ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 324, 489, 493, 499, 501, 516.

² С. А. Беляев. Северная Африка и Северное Причерноморье в IV—VI вв. «Седьмая Всесоюзная конференция византистов в Тбилиси», 1965, стр. 89—91; он же. Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв. «История и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 34 (вторая группа).

³ О роли экономики и культуры североафриканских провинций в масштабе всей Римской империи см.: R. M. Haywood. Roman Africa в кн.: T. Frank. An economic survey of Ancient Rome. IV. Baltimore, 1938, стр. 3—119; M. Rostovtzeff. Economic and Social Life of Roman Empire. Oxford, 1957, стр. 314 и сл.; G. Charles-Picard. La Civilisation de l'Afrique Romaine. Paris, 1959, стр. 45—102, 291—353, о керамике и стекле см. прим. 77—109, стр. 376—379; J. P. Morel. Céramiques d'Hippone. «Bulletin d'archéologie algérienne», I, 1962—1965. Paris, 1967, стр. 107—140. В этих работах указана вся литература и отмечены места находок африканской керамики. Специально вопросы происхождения, эволюции африканской краснолаковой керамики и ее связи

зафиксированы находки⁴ африканской керамики.

В нашей статье «Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв.» речь шла о находках карфагенской керамики. В настоящее время благодаря новым раскопкам в Северной Африке и новым публикациям удалось в материалах Северного Причерноморья выделить еще одну группу привозной краснолаковой керамики, изготовленную в Мавритании Тангитанской — самой северо-западной части Африки. Керамика, о которой идет речь, была найдена при раскопках Херсонеса и в окрестностях Керчи. Керченский материал депаспартизован. Выделяемая группа представлена семью сосудами. Все они характеризуются одинаковыми техническими данными, системой орнаментации и приемами нанесения орнамента.

Из Херсонеса происходят фрагменты двух мисок из хорошо отмощенной глины светло-коричневого и желто-коричневого цвета с небольшим количеством мелких блесков, покрытых красно-коричневым лаком (рис. 50).

1. Фрагмент дна (рис. 50) на невысокой кольцеобразной подставке, диаметром 10,2 см. (ГЭ, инв. X, 1959, 72). Сосуд снаружи и изнутри покрыт тонким слоем жидкого, не блестящего лака. Внутри миски, на дне, имеются штампованные украшения. В центре равноконечный крест с расширяющимися концами. Крест имеет двойной контур — одна линия выпуклая, вторая — углубленная. Внутри креста по периметру идут рельефные точки, образующие как бы третий, внутренний контур. Крест выполнен с помощью штампа. Вокруг креста двойной врезной круг. За его пределами на расстоянии 1,2 см от внешнего кольца еще девять кругов из полос наклонных насечек, нанесенных по сырой глине. Каждый ряд насечек отделен от другого невысокой и тонкой выпуклой линией. В некоторых местах все эти ряды сливаются, создавая сплошной массив насечек, общей шириной 1,6 см.

2. Фрагмент верхней части миски с прямым отогнутым венчиком диаметром 26 см. Толщина стенок 0,3—0,4 см, толщина венчика 0,5 см⁵. В этом же слое был найден фрагмент дна на низкой кольцеобразной подставке (рис. 51, 4), имеющий аналогичное качество глины и лака, что позволяет отнести его к той же миске или к аналогичной ей. На внутрен-

с керамикой берберской разобраны в работе: Fr. Waage. Hellenistic and Roman Tableware of North Syria. «Antioch on-the-Orontes». IV. Princeton, 1947, стр. 45 и сл. Штампованная североафриканская керамика, частью которой является выделяемая группа, широко распространена по всему Средиземноморью. Сводку мест, где она была найдена, см.: A. Jodin et M. Ponsich. Nouvelles observations sur la céramique estampée du Maroc Romain. «Bulletin d'archéologie marocain», VII. Rabat, 1968, стр. 499—546, особенно стр. 499—507. Известна она и в Причерноморье (см.: Е. Попescu. Ceramica romana tirzie cu decor stampilat descoperita la Histria. SCIV, XVI, 1965, № 4, стр. 695—724). К выделяемой нами группе близки находки, изображенные на рис. 1, 6; II, 9; IV, 3.

⁵ Хранится в Херсонесском музее. Найден в 1937 г.

Рис. 50. Фрагмент дна миски из Херсонеса

0 / см

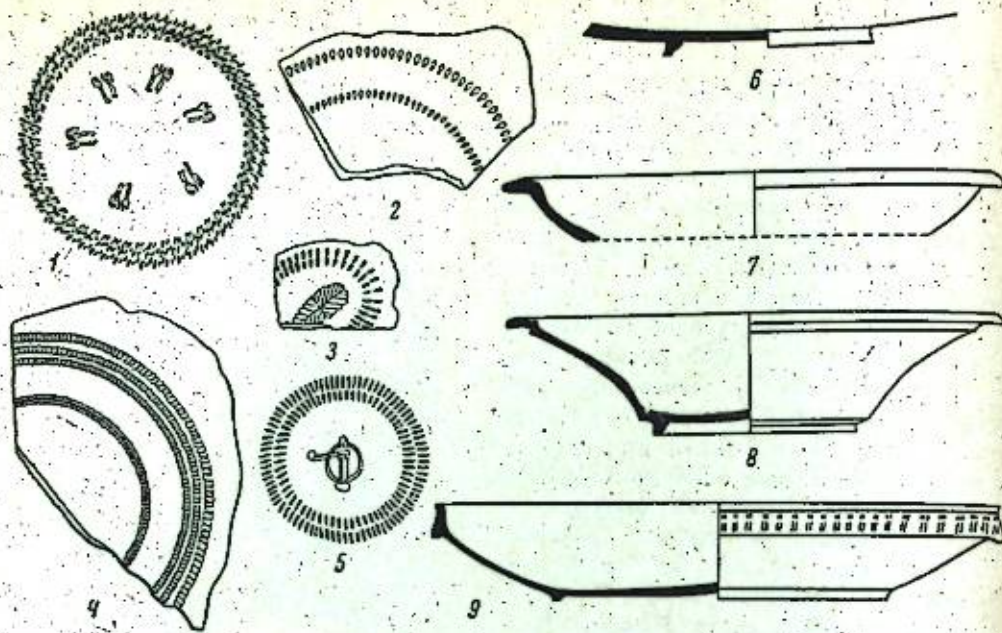

Рис. 51. Орнаменты на днищах краснолаковой керамики (1—5); формы на днищах краснолаковой керамики (6—9)

ней стороне дна нанесены два пояса штампованных насечек: внутренний — из двух рядов, наружный — из трех. Центр днища не сохранился.

Обломки двух мисок и трех тарелок из Керченского музея имеют светло-коричневую хорошо отмученную глину.

1. Краснолаковая миска на низкой кольцеобразной подставке, диаметр ее — 28,5 см, высота — 4,5 см (инв. К. 7867). Миска покрыта красно-коричневым тусклым лаком. Венчик вертикальный, с опущенным наружным краем. В его верхней части идет неглубокая бороздка. Снаружи на венчике два ряда насечек, нанесенных попарно. Внутри дна — три concentрических круга. Наружный состоит из четырех рядов штампованных насечек, два внутренних — из бороздок. Кроме того, штампом вдавлены контуры шести бегущих зайцев, расположенных радиально⁶. Внутри центрального, самого малого, круга также имеется изображение, исполненное штампом, но оно оттиснуто неясно и определить его нельзя.

2—4. Три фрагмента днищ краснолаковых тарелок (инв. «до 84») (рис. 51, 2—3). Диаметр кольцеобразной подставки — 10,2 см, высота — 0,7 см, толщина дна — 0,3 см. Внутри лак красно-оранжевый, яркий, блестящий, плотный. Снаружи его нет, он был, по-видимому, только у края сосудов. На внутренней стороне дна два ряда насечек, отделенных друг от друга.

5. Краснолаковая миска высотой 5,8 см с диаметром 24,8 см, с наклонными стенками и горизонтальным венчиком, имеющим два выступа (инв. К. 333). Миска покрыта тонким слоем красно-оранжевого яркого блестящего лака. На внутренней стороне дна, отделенного от стенок неглубоким желобком, имеются два ряда насечек, расположенных по кругу. В центре два углубленных круга и внутри них неясные штампованные изображения (рис. 51, 5).

⁶ Зайцы широко представлены в раннехристианском изобразительном искусстве (см.: А. С. Уваров. Христианская символика, ч. I. Символика древнехристианского периода. М., 1908, стр. 187—189).

Все описанные фрагменты характеризуются одинаковыми признаками: цветом и качеством лака, сильной степенью обжига. Последнее является самым характерным признаком керамики IV—V вв. Если краснолаковая керамика первых веков н. э. обжигалась обычно при температуре 800—900° С, то керамика IV—V вв. — при 1000° С и выше⁷. Характерно несколько concentрических кругов насечек и система орнаментации: изображение. Эти украшения занимают, как правило, всю внутреннюю поверхность дна. Специфичность и обособленность системы орнаментации этой группы особенно явно выступают при сопоставлении с другими группами краснолаковой керамики этого времени, где вместо подобной системы орнаментации — лишь одинокое штампованное изображение в центре дна⁸.

Выделенная группа краснолаковой керамики из Херсонеса и Керчи по своим технологическим особенностям и в особенности по системе орнаментации чрезвычайно близка к североафриканской краснолаковой керамике. Эта керамика хорошо изучена, она обладает специфическими признаками и ее североафриканское происхождение признается всеми исследователями. Обычно она связывается с Мавританией Тингитанской⁹. Большая часть этой керамики на внутренней стороне дна имеет штампованные изображения, состоящие из геометрических фигур или листьев папоротника. Но часть ее имеет такую же систему орнаментации, как и описанные херсонесские и керченские сосуды. Это обстоятельство, а также полное, насколько можно судить по описанию, сходство технологических особенностей, позволяет высказать предположение, что разобранные выше херсонесские и керченские изделия были изготовлены в Мавритании Тингитанской и привезены оттуда в Северное Причерноморье¹⁰. Форма сосудов, к сожалению, не может быть использована для сравнения, так как и в Северной Африке, и в Крыму были найдены только днища. Выделенная группа не может быть местной, северопричерноморской имитацией африканских изделий, так как и по технологическим признакам, и по качеству лака и глины она резко отличается от местных изделий IV—VI вв.¹¹

Эта группа керамики по аналогиям должна быть датирована второй половиной IV — началом V в. н. э.¹² Условия находок, к сожалению, не дают оснований для более точной датировки.

⁷ Fr. Waage. Указ. соч., стр. 45 и сл. Это подтверждается и петрографическим анализом северопричерноморской керамики, выполненным на 100 образцах. Результаты его сейчас готовятся к публикации.

⁸ Кроме таблиц к работе Ф. Ваага см.: Н. Робинсон. Pottery of the Roman Period: Chronology the Athenian Agora Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens, V. Princeton, 1964; H. Goldman. Excavations at Göğli Kule, Tarsus. The Hellenistic and Roman Period I. Princeton, 1950.

⁹ См. указанные сочинения Ф. Ваага, Г. Робинсона, Г. Гольдмана. Керамика из Мавритании Тингитанской полнее всего издана в работе: A. Jodin et M. Ponsich. La ceramique estampée du Maroc Romain. «Bulletin d'archéologie marocaine», IV; Rabat, 1960, стр. 287—318. Эта статья с небольшими изменениями была повторена этими же авторами под заголовком «Nouvelles observations sur la ceramique estampée du Maroc Romain».

¹⁰ Авторы только что упомянутой публикации в осторожной форме высказали предположение, что эта керамика изготовлялась на севере Испании. Свою точку зрения они обосновывают тем, что там были найдены гончарные печи этого времени. Но штампованной керамики в них обнаружено не было, вообще в том районе она встречается редко (A. Jodin et M. Ponsich. Nouvelles observations..., стр. 544). Особенно близок к херсонесским и керченским фрагментам экземпляр из Люксыса (стр. 533, рис. 13, С).

¹¹ Для IV в. см.: С. А. Беляев. Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв., стр. 32—33, 37.

¹² A. Jodin et M. Ponsich. Nouvelles observations..., стр. 536—538.

РАБОТА СЕКТОРА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

В 1969—1970 гг.

Как и в предыдущие годы, сотрудники сектора занимались проблемами, связанными с античной археологией Северного Причерноморья, взаимоотношением античных городов с туземными племенами и со Средиземноморьем.

За истекший период вышли из печати следующие своды и сборники, подготовленные сотрудниками сектора:

Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. САИ, 1970.

Н. И. Сокольский. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. САИ, 1969.

Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970. «Терракоты Северного Причерноморья». САИ, вып. 1, 2, 1970, под редакцией и с авторским участием М. М. Кобылиной, И. Т. Кругликовой и Б. Г. Петерса.

Сборник статей «Античные древности Подонья—Приазовья». (МИА, № 154, 1969) под редакцией и с авторским участием Д. Б. Шелова, А. И. Болтуновой и Т. М. Арсеньевой.

Сборник статей «Поселения и могильники Керченского полуострова н. э.» (МИА, № 155, 1970) под редакцией А. И. Мелюковой, с участием И. Т. Кругликовой, Т. М. Арсеньевой и Е. М. Алексеевой.

За период 1969—1970 гг. были завершены многолетние темы, подготовлены и сданы в печать следующие работы.

Коллективом сектора закончена и подготовлена к печати научно-популярная книга «Античная цивилизация» под редакцией В. Д. Блаватского.

Сдана в печать монография Н. И. Сокольского «Античное деревообрабатывающее ремесло в Северном Причерноморье».

Сдана в печать ранее законченная монография Д. Б. Шелова «Танаис и Нижний Дон в первые века н. э.» — вторая часть работы «Танаис и Нижний Дон».

Т. М. Арсеньева закончила работу над темой «Лепная керамика Танаиса как источник для этнической истории Нижнего Дона».

В 1970 г. Н. И. Сокольский защитил докторскую диссертацию на тему «Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья».

В. С. Долгоруков, аспирант сектора 1966—1969 гг., а с 1970 г. научный сотрудник сектора, защитил в 1970 г. кандидатскую диссертацию «История эллинистического градостроительного искусства».

Сотрудниками сектора за истекший период сдано в печать и опубликовано большое количество статей и заметок по самым разнообразным вопросам, касающимся проблем античной археологии. Ряд статей были подготовлены и сданы в печать для зарубежных изданий.

В течение последних двух лет начаты и продолжались работы над следующими темами:

Е. М. Алексеева работает над сводом «Античные бусы Северного Причерноморья».

В. Д. Блаватский продолжал исследование темы «Скульптурное дело в античном обществе».

А. И. Болтунова занимается темой «Проблемы истории стран Закавказья в античную эпоху».

М. М. Кобылина работала над темой «Изображения, связанные с восточными культурами римского времени».

И. Т. Кругликова занималась темой «Сельские поселения европейского Босфора».

Н. А. Онайко подготавливает свод «Античные изделия из золота и серебра в Северном Причерноморье» (VI—IV вв. до н. э.).

Б. Г. Петерс занимается темой «Михайловское поселение».

Н. И. Сокольский занят обработкой материала для темы «Кепы».

Г. А. Цветаева заканчивает тему «Экономические и культурные связи Римской империи с античными государствами Северного Причерноморья».

Д. Б. Шелов занимается темой «Керамические надписи Танаиса».

Доклады, обсужденные на секторе, отличались большим разнообразием тем.

Продолжалось обсуждение глав для научно-популярной книги «Античная цивилизация»: «Греческий город и государственные древности» (А. И. Болтунова), «Сельское хозяйство Рима» (И. Т. Кругликова), «Греческое искусство» (Н. А. Онайко), «Дом и частный быт древних римлян» (Г. А. Цветаева), «Торговля и денежное обращение» (Д. Б. Шелов).

Заслушивались доклады сотрудников сектора по плановым темам и по различным проблемам истории и археологии Северного Причерноморья.

Е. М. Алексеева прочла два доклада «Украшения из египетского фаянса VI в. до н. э.—IV в. н. э. в Северном Причерноморье» и «Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях из Северного Причерноморья».

Т. М. Арсеньева сделала доклад «Лепная керамика Танаиса как источник для этнической истории Нижнего Дона».

В. Д. Блаватский прочел три доклада — «Сражение на Великих равнинах», «Античный мир и древний Восток» и «Происхождение Археонактидов».

А. И. Болтунова прочла доклад «Несколько замечаний к надписи Веснаиана из Мухета».

И. Т. Кругликова прочла доклад «Горгиппия V—I вв. до н. э.».

Г. А. Цветаева прочла рецензию на книгу К. И. Жуглева «Экономическое положение Фракии и Мезии и торговые отношения с Италией».

Д. Б. Шелов прочел доклад «О нефти в Танаисе».

Кроме того, на секторе заслушивались доклады о полевых исследованиях сотрудников.

Несколько заседаний сектора было посвящено обсуждению карт Северного Причерноморья. Были внесены многочисленные поправки и дополнения к картам.

На заседаниях сектора выступали с докладами сотрудники и других учреждений: Ю. Г. Виноградов («О трех граффити, найденных в Северном Причерноморье» и «Dipinto на обломке амфоры из Широкой балки»); Г. А. Кошеленко («Развитие христианской эстетической теории в конце II—III вв. н. э.»); Н. М. Лосева («Аттический импорт Пантикапея»); И. Д. Марченко («Комплекс керамики из колодца II в. до н. э. из Пантикапея», «Пантикапейские марионетки» и «Архаическая мастерская оружейника в Пантикапее»); М. М. Расулова («Культурные и торговые связи Кавказской Албании с античным миром»); А. Г. Сальников («Клейменная

амфорная тара как источник для изучения торговых связей населения Нижнего Поднестровья в VI—II вв. до н. э. с греческими центрами»); В. И. Цехмистренко («Синопское клеймо из Горгиппии»); А. П. Чубова («Скульптура Хурсонеса»).

Многие сотрудники сектора выступали с докладами на ежегодных сессиях Отделения истории и пленумах ИА АН СССР и сессиях ИА АН УССР.

Деятельность сектора в развитии и укреплении международных научных связей выразилась в различных формах сотрудничества.

Сотрудники сектора принимали участие в IX Международном конгрессе классической археологии в Дамаске. В. Д. Блаватский прочел на конгрессе доклад «Les traditions antique dans l'argenterie byzantine de l'Europe orientale».

А. И. Болтунова, М. М. Кобылина, Б. Г. Петерс принимали участие в работе IX конгресса и в поездках по Сирии для ознакомления с раскопками древних городов и археологических музеев.

На XIII Международном конгрессе исторических наук В. Д. Блаватский прочел доклад «Античный мир и древний Восток». В работе конгресса принимали участие Д. Б. Шелов и Н. А. Онайко.

На Международном семинаре по координации археологических исследований по кушанской проблеме И. Т. Кругликова прочла доклад о результате работы Советско-Афганской экспедиции.

Сотрудниками сектора проводились большие полевые исследования. В 1969—1970 гг. работали следующие экспедиции: Анапско-Керченская (И. Т. Кругликова, Е. М. Алексеева); Таманская (Н. И. Сокольский, В. С. Долгоруков); Нижнедонская (Д. Б. Шелов, Т. М. Арсеньева, Е. М. Алексеева); Фанагорийская (М. М. Кобылина, Г. А. Цветасва); Гермонасская (И. Б. Зеест); Новороссийский отряд (Н. А. Онайко); Михайловский отряд (Б. Г. Петерс).

В 1969—1970 гг. И. Т. Кругликова руководила Афганской экспедицией¹.

Т. М. Арсеньева

ГРУППА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА АН СССР В 1969—1970 гг.

Группа античной археологии ЛОИА продолжала исследования в области археологии античного Причерноморья и Средиземноморья. Выяснились взаимоотношения греческих городов с местными народами и племенами. Одновременно разрабатывались проблемы истории раннесредневековой Таврики.

В 1970 г. опубликована монография А. Л. Якобсона «Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики». Группа приняла деятельное участие (11 статей) в подготовке двух выпусков «Кратких сообщений ИА АН СССР» (116 и 124), посвященных Северному Причерноморью.

Всего опубликовано за два года свыше 50 статей сотрудников группы по вопросам античной и скифо-сарматской археологии, эпиграфики и истории в советских и в зарубежных изданиях, в частности в трудах V Международного конгресса по греческой и латинской эпиграфике (Кембридж, 1970).

Сотрудниками группы разрабатывались следующие темы.

И. Б. Брашинский закончил монографическое исследование «Экономические связи античного Причерноморья (VII—III вв. до н. э.)» и приступил к новой работе «Античный импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э.». Работа основывается преимущественно на материалах из раскопок Елизаветовского городища и его курганного могильника, проводимых в последние годы И. Б. Брашинским. Изучена керамическая тара, среди которой выделяется относительно большое количество херсонесского импорта.

А. Н. Карасев закончил исследование о древнегреческой фактории близ Керкинитиды у санатория «Чайка», где им проводились раскопки. Обращают внимание большие размеры основного греческого здания, строгость его планировки и высокая техника кладки.

Е. Г. Кастанаян подготавливает книгу «Тиритака», содержащую итоги археологического изучения этого города Боспорской экспедицией под руководством В. Ф. Гайдукевича.

Е. И. Леви завершила монографию «Очерки истории и культуры Ольвии догетского периода». Основное внимание в исследовании уделено новым материалам по проксениям Ольвии и ее культам.

К. К. Марченко продолжал работу по теме «Лепная керамика Березани и Ольвии конца VII—I вв. до н. э.». Написаны и сданы в печать разделы, посвященные лепной керамике Березани и Ольвии VI—V вв. до н. э. Сдана в печать статья о лепной керамике Елизаветовского городища V—III вв. до н. э.

¹ См. сб.: «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970; «Археологические открытия 1970 г.», М., 1971.

Г. М. Мелентьева написала и сдала статью «Позднесарматский курган на Нижнем Дону». Исследуемый памятник отличается своеобразным устройством могилы и инвентарем.

В. И. Пругло продолжала работу над темой «Терракоты Боспора» по материалам Боспорской экспедиции (Мирмекия, сельской усадьбы, Тиритак и Илурата). Написаны разделы о культовых терракотах, статуэтках актеров и изображениях всадников.

П. Н. Шульц работал над монографией «Скифские изваяния и сарматские антропоморфные стелы», выясняя хронологические и стилистические отличия тех и других. Исследование строится на большом, в значительной мере неопубликованном материале, и освещает характер монументальной скульптуры скифов и сарматов. Написаны разделы, посвященные изваяниям Крыма, Кубани и Нижнего Дона.

И. Г. Шургая продолжал работу над монографией: «Очерки истории культуры Александрии Египетской эпохи эллинизма». Написаны разделы «Некрополи Шатби, Ибрагимии и раннеэллинистические некрополи Гадра», «Александрия и Ольвия в III в. до н. э.»

А. Н. Щеглов закончил монографию «Северо-Западный Крым в античную эпоху». В этой работе А. Н. Щеглов, широко используя новые материалы руководимой им Тарханкутской экспедиции, выясняет роль Северо-Западного Крыма в истории Херсонеса и позднескифского государства. А. Н. Щеглов приступил к новой работе на тему: «Херсонесский некрополь у Песочной бухты».

А. Л. Яковсон после окончания монографии «Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики» приступил к работе о керамике и керамическом производстве средневековой Таврики.

Группа продолжала полевые археологические исследования на территориях северо-восточного, северного и северо-западного районов Причерноморья.

Боспорская экспедиция (руководитель П. Н. Шульц) работала в составе нескольких отрядов. Караобинский отряд продолжал изучение большого кургана Кара-Оба. Закончено исследование его двух каменных крепид. Внешняя крепида достигала в высоту 4 м. На северном склоне обнаружена каменная засыпка по нижней границе насыпи. Прослежен край кургана и на восточном склоне. Получены все необходимые материалы для реконструкции его внешнего облика. Определена дата памятника (вторая половина II в. до н. э.); установлена близость его крепид позднескифским сооружениям. Погребальная камера пока не обнаружена. Раскопки кургана будут продолжены.

Илуратский отряд (руководитель И. Г. Шургая) продолжал раскопки крепости I—III вв. н. э. Обнаружена новая улица, раскопано примыкавшее к ней здание, зачищены зерновые ямы, обнаружен каменный жертвенник. Найдена терракотовая статуэтка всадника местной работы.

Продолжал свои работы в системе Боспорской экспедиции отряд по изучению некрополя Илурата (руководитель М. М. Кубланов), исследовавший различные участки могильника с вырубленными в скале склепами, большими склепами с полуцилиндрическими сводами, иногда с несколькими камерами. Встречены плитовые могилы. Найдены остатки древней каменоломни. Разнообразие погребальных сооружений и резкая имущественная дифференциация погребенных свидетельствует о большой сложности и неоднородности населения Илурата, чем это можно было предполагать ранее.

Ольвийская экспедиция (начальник Е. И. Леви) продолжала исследование двух общественных зданий на агоре: гимнасия (IV—III вв. до н. э.) и дикастерия (III в. до н. э.). При раскопках гимнасия выявлена новая система водоснабжения находящихся при гимнасии терм. Продол-

жалось раскрытие водопровода из глиняных труб, обнаружен смотровой колодезь. В подвальных помещениях, связанных с водоснабжением, выявлен тщательно сооруженный колодезь рубежа V—IV вв. до н. э. В одном из помещений обнаружена *in situ* в нише верхняя часть статуи юноши V в. до н. э. из местного известняка. При раскопках дикастерия найдены бронзовые псефы, близкие афинским. Раскопки дикастерия в основном закончены, исследования гимнасия продолжаются.

Южно-Донская экспедиция (начальник И. Б. Брашинский) вела раскопки Елизаветовского городища и его курганного могильника. В центре городища исследованы два здания. Из них одно, большое, — землянка, состоящая из четырех помещений, с лестницами, вырытыми в материковом грунте. Второе здание, состоящее из двух помещений, заглублено в материк. Жилое помещение каркасно-столбовой конструкции разделено перегородкой; хозяйственное помещение окружено плетнем. Крыша двускатная. Дата — IV—III вв. до н. э. Исследовались внешние и внутренние оборонительные валы III в. до н. э. Раскопаны два кургана, один с женским погребением, с копьем. Из находок особенно интересны литейные формы и металлические шлаки, свидетельствующие о существовании мастерских.

Тарханкутский отряд (начальник А. К. Щеглов) проводил исследования поселения и курганной группы Панское I на северной окраине хоры Херсонеса на берегу Ярылгачской бухты. Раскапывалась крупная сельскохозяйственная усадьба на окраине поселения. Здание усадьбы было двухэтажное. Оно погибло во время пожара в III в. до н. э. Раскопаны два кургана IV—III вв. с алтарями и антропоморфными надгробиями херсонесского типа и фрагментом греческой надписи.

Исследованная усадьба и примыкающие к ней курганы знакомят с особой компактной планировкой клеров на северо-западной окраине херсонесской хоры.

А. Л. Яковсон в 1969 и 1970 гг. раскапывал большие гончарные печи VIII—IX вв. в районе Судака, в 1969 г. — в Чабан-куле, в 1970 г. — в Канакской балке.

На научных заседаниях группы ее сотрудники выступали с докладами по темам своих работ и с отчетами о раскопках. С докладами о проведенных полевых исследованиях сотрудники группы выступали также на секционных заседаниях юбилейного пленума Института археологии АН СССР в Ленинграде в 1969 г. и на пленуме Института во Львове в 1970 г.

На заседаниях группы ставились доклады сотрудников других учреждений — отечественных и зарубежных. Ряд заседаний был проведен совместно с сектором Средней Азии и Кавказа ЛОИА и Отделом истории искусства и культуры античного мира Эрмитажа. Отметим следующие доклады: Х. М. Данов (София) — «О роли греческой колонизации северо-западных берегов Черного моря в экономической жизни Греции в доримский период»; М. Парович (Белград) — «Раскопки в Сремской Митровице (Сирium)»; М. И. Артамонов (Ленинград) — «Загадки скифской археологии»; О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси) — «Раскопки в Вани в 1969 г.»; А. Ю. Кахидзе (Батуми) — «Могильник у городища Пичвари»; И. А. Антонова (Севастополь) — «Оборонительные сооружения херсонесского порта в средневековый период»; О. М. Савеля (Севастополь) — «О разведках памятников позднеантичного времени в низовьях Бельбека»; А. А. Зедгелидзе (Севастополь) — «Античная краснофигурная керамика из раскопок Херсонеса»; Э. И. Соломоник (Симферополь) — «Четыре почетные надписи из Херсонеса»; А. И. Болтунова (Москва) — «О надгробной надписи из Керчи»; Она же — «Рецензия на сборник «Надписи Ольвии» (Л., 1968); она же. «Еще раз о надписи Весборника из Мухеты»; Н. С. Белова (Ленинград) — «Посвятительная надпись из Кеп»; она же — «Почетная надпись из Гермонассы»; Д. А. Ма-

чинский (Ленинград) — «О времени первого активного выступления сарматов в Приднепровье по данным письменных источников»; М. М. Кубланов (Ленинград) — «Раскопки некрополя Илурата в 1968 г.»; он же. — «Верхний некрополь Илурата. Раскопки 1969 г.»; И. В. Богданова-Березовская (Ленинград) — «Металл из Неаполя Скифского»; А. М. Гилевич (Ленинград) — «Клад ассов из Ольвии 1963 г.»; С. А. Беляев (Ленинград) — «Группа африканской керамики IV в. н. э. из Херсонеса и Керчи»; Н. В. Пятешева (Москва) — «Материалы склепа 1012 в Херсонесе и его значение для истории города эллинистического времени»; Л. В. Копейкина (Ленинград) — «Родосская ойнохоя из кургана Темир-Гора».

Вып. 121

Введение

- В. А. Баран. Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований.
- А. Т. Березовцев. Черняховская культура и культура славянских племен VI—VIII вв.
- В. И. Бидзиль. Латенские традиции в черняховской культуре (тезисы доклада).
- А. А. Бобринский. О некоторых особенностях формовочной технологии керамики из памятников черняховской культуры.
- И. С. Винокур. Волино-Подольское пограничье — один из районов формирования черняховской культуры.
- Г. А. Вознесенская. Обработка железа у племен черняховской культуры.
- В. И. Довженко. Черняховская культура в истории населения Среднего Поднепровья (тезисы доклада).
- Н. М. Кравченко. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупопожжения на черняховских могильниках.
- В. В. Кропоткин. Хронология черняховской культуры и римско-византийские импортные вещи в Восточной Европе.
- Ю. В. Кухаренко. Волинянская группа по-

- лей погребений и проблема так называемой готско-гепидской культуры (тезисы доклада).
- Е. В. Махно. Об основных задачах картографирования черняховской культуры в связи с выделением локальных вариантов.
- Г. Ф. Никитина. Гребни черняховской культуры (тезисы доклада).
- В. П. Петров. Письменные источники о гунах, антах и готах в Причерноморье.
- Э. А. Рикман. О фракийском элементе в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья (тезисы доклада).
- А. Т. Смиленко. К хронологии гончарной керамики черняховского типа.
- Э. А. Сымонович. Страницы истории отечественных исследований памятников культуры полей погребений после Великого Октября.
- М. А. Тиханова. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры.
- Е. Н. Черных, Т. Б. Барцева. Спектроаналитические исследования цветного металла черняховской культуры.
- М. Б. Щукин. К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья.

Вып. 122

От редакции

I. Итоги и проблемы археологии Средней Азии

- В. М. Массон. Узловые проблемы археологии Средней Азии.
- П. Н. Кожемяко. Основные достижения и проблемы археологии Киргизской ССР.

II. Первобытная археология

- Г. Ф. Коробкова. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии.
- А. Я. Крижевская. К вопросу о взаимоотношении населения Южного Урала и Средней Азии в неолитическую эпоху.
- А. В. Виноградов. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов.
- М. П. Грязнов. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы.

- Е. Е. Кузьмина. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы.
- М. А. Итина. Из истории населения степной полосы Среднеазиатского междуречья в эпоху бронзы.
- И. Н. Хлопин. Проблема происхождения культуры степной бронзы.
- А. Я. Щетенко. О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистанохаралпских параллелей.
- А. Аскарлов. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде.

III. Археология древнего периода

- А. К. Абетков. Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней.
- А. М. Беленицкий. О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии.
- М. Г. Воробьева. Археологические памятники Хорезма античного периода как источник для реконструкции социально-экономических процессов.
- Н. Г. Горбунова. О датировке ферганской керамики с красным ангобом.

IV. Средневековая археология

- В. И. Распопова. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв.
Г. А. Брыкина. К истории земледельческого населения юго-западных предгорий Ферганы в VI—XII вв.
О. Г. Большаков. Некоторые вопросы изучения среднеазиатского города VIII—XII вв. в свете общей проблематики истории городов Востока.
А. А. Иванов. О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время.

V. Археология и естественные науки

- Я. А. Шер. Естественнонаучные методы и узловые проблемы археологии Средней Азии.

Вып. 123

Научная деятельность Т. С. Пассек.

I. Доклады и дискуссии

- Т. А. Попова. Зооморфная пластика трипольского поселения Поливанов Яр.
Н. В. Рындина. Медный импорт эпохи развитого триполья.
Е. Н. Черных. О древнейших очагах металлообработки юго-запада СССР.
В. С. Тигон. К вопросу о соотношении этнолингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова.
Ю. А. Краснов. Об одной группе роговых и деревянных орудий эпохи неолита и бронзы.
А. А. Формозов. Эпический сюжет в причерноморском искусстве бронзового века.
Э. С. Шарфутдинова. К вопросу о топографии поселений типа Кобяково на Нижнем Дону.

Вып. 124

I. Статьи

- И. Т. Круликова. Религиозные представления сельского населения Боспора.
И. Б. Брашинский. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону (по материалам Елизаветовского городища и могильника).
А. Н. Щелов. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху.
Э. А. Рикман. О влиянии позднеантичной культуры на черняховскую в Днестровско-Прутском междуречье.

- II. Полевые и лабораторные исследования
И. В. Яценко. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967 гг.).

- А. С. Кесь, М. А. Итина, А. В. Виноградов. К палеогеографии Акча-Дарьи.
Г. Н. Лисицына. Основные этапы истории орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке.
В. В. Гинзбург. Итоги и перспективы палеоантропологического изучения Средней Азии.

VI. Хроника

Работа сектора Средней Азии и Кавказа в 1967 и 1968 гг.

II. Полевые и лабораторные исследования

- В. И. Маркевич. Многослойное поселение Новые Русешты I.
А. П. Кусуртшоева. Антропоморфная пластика из поселения Новые Русешты I.
Е. К. Черныш. Трипольское поселение Сороки-Озеро.
Т. Г. Мовша. Позднетрипольское поселение в с. Жванец.
И. И. Артемюк. Новый могильник среднеднепровской культуры в Верхнем Приднепровье.
И. Г. Розенфельдт. Из неопубликованных материалов разведок Т. С. Пассек и Б. А. Латынина на р. Неруссе.
В. И. Матюшенко. Нож из могильника у деревни Ростовки.
Г. И. Смирнова. Псалми типа Борьяш в культуре Ноа.
Х. И. Крис. Некоторые новые формы керамики из поселений кизил-кобинской культуры.
В. И. Козенкова. Погребение военачальника из Сержень-Юртовского могильника.

- И. И. Гушина. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму.
О. Я. Савеля. О керамике с врезным орнаментом из Херсонеса.
О. Д. Дашевская. Два граффити на амфорах Южно-Донузлавского городища.
Э. В. Яковенко. Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма.
И. Г. Шургия. Раскопки в юго-западном районе Илурата в 1966—1968 гг.
М. М. Кобылина. Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории.
Н. А. Онайко. Раскопки античного поселения на Малой земле.
А. М. Казакова, И. С. Каменецкий. Курганы Тананова.
М. П. Абрамова. Исследование Нижне-Джулатского могильника в 1967 г.

- В. И. Марковин. Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан).
П. М. Долуханов. Геолого-геоморфологическая характеристика городища Чайка.
Г. М. Левковская. Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным спорово-пыльцевого анализа.
К. К. Шилик. Реконструкция топографии античной Ольвии.

- Е. А. Целкин. Новые материалы к истории рыбного промысла в Танаисе.

III. Хроника

Работа сектора античной археологии в 1966—1968 гг. (Т. М. Арсеньева).
Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1966—1968 гг. (Е. Г. Кастаняна).

Вып. 125

Иван Иванович Ляпушкин (некролог).

I. Доклады и дискуссии

- М. А. Тиханова. О раннеславянском поселении в Луке-Врублевской.
В. А. Булкин, В. А. Назаренко. О нижней дате Гнездовского могильника.
Ф. Д. Гуревич. О восточной ориентировке славянских погребений.
Н. Н. Воронин. Погребение коня в срубе в 1149 г.
М. В. Малевская. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв.
О. В. Овсянников. О средневековых русских лыжах.

II. Полевые исследования

- Е. И. Горюнов. Поселение у села Чулатово.
И. П. Русанова. Жилище в урочище Плакун близ Ладоги.
В. В. Седов. Гришковские курганы.
Г. Ф. Корзухина. Курганы на урочище Плакун близ Ладоги.
Г. Ф. Соловьева. Славянские курганы близ села Новый Кривск.

Вып. 126

I. Статьи и сообщения

- О. Н. Бадер. Древнейшее заселение Северной Европы человеком в свете новых данных.
Э. А. Абрамова. Микронуклеусы в палеолите Енисея.
Н. М. Ермолова. К изучению фауны млекопитающих палеолита Енисея (верхнепалеолитическая стоянка Кокорево I).
И. В. Гаврилова. К вопросу о взаимоотношении галичской культуры и клада.

II. Полевые и лабораторные исследования

- Б. Г. Ерицян, С. А. Семенов. Новая нижнепалеолитическая пещера «Ереван».
М. М. Мансуров. О находке ручных рубил в западном Азербайджане.
В. П. Любин, Н. И. Бурчак-Абрамович, М. Н. Клапчук. Кепшнская пещера и вопросы палеогеографии плейстоцена Сочинского Причерноморья.

- Ю. В. Кухаренко. Погребения XI—XII вв. на могильниках у деревни Велемичи.
Т. Н. Никольская. Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников.
П. А. Раппопорт. Данилов.
М. В. Седова. Предметы вооружения из Ярополча Залесского.

III. Мелкие заметки и рецензии

- М. Д. Полубояринова. Костяная печать из Серенска.
К. В. Павлова. Литейная формочка из города Данилова.
А. Н. Кирличников. Крюк для натягивания самострела (1200—1240 гг.).
Г. К. Вагнер, Ropert Feuchtmüller. Die steinerne Bidel. Die romanische Kirche von Schongrabern. Wien—Linz—München. 1962.

III. Хроника

Работа Сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1968 г. (Т. И. Макарова).
Работа Группы славяно-русской археологии ЛОИА в 1966—1968 гг. (О. В. Овсянников).

- В. Е. Щелковский. Широкий мыс — позднепалеолитическое местонахождение на Черноморском побережье Кавказа.
Г. В. Григорьева. Новые позднепалеолитические памятники Северной Молдавии.
А. М. Тарасов. Статуэтка из Гагарино.
А. П. Черныш. Исследование стоянки Оселивка I в 1966—1967 гг.
М. Г. Косменко. Вторая Деуковская мезолитическая стоянка на р. Ик.
А. В. Кольцов. Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.).
Н. Н. Гурина. Новые исследования в северо-западной части Кольского полуострова.
П. М. Долуханов. Геологический возраст стоянок на Рыбачьем полуострове.
Н. Д. Праслов. Памятники каменного века южных Ергеней.
В. П. Левенко. Памятники днепро-донской культуры в лесостепной полосе РСФСР.

- И. М. Тюрина. К вопросу о неолите Смоленщины.
Р. В. Козырева. Стоянка Ильинский остров в Архангельской области.
Ю. В. Титов. Неолитическая культура сперрингс в Карелии и Финляндии.

Вып. 127

I. Статьи

- В. М. Массон. Метод палеоэкономического анализа в археологии.
Д. А. Крайнов. Металлургия у племен фатьяновской культуры.

II. Публикации материалов

- В. И. Книшев. Раскопки жилищ комплексов эпохи бронзы на Алтын-деле.
Г. Ф. Коробкова и А. М. Мандельштам. Новые материалы неолитического времени с Мангышлака.
А. Радунчева. Новые результаты раскопок кургана у с. Вилница в 1967 г.
А. А. Нечитайло. Новые находки эпохи поздней бронзы в Ставропольском крае.
В. И. Маркович. Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска.
Э. С. Шарфутдинова. Металлические изделия Кобяковской группы поселений эпохи поздней бронзы.
О. Г. Шапошникова, В. Н. Станко. Некоторые итоги работы Ингульской экспедиции в 1967 г.
Н. Н. Бондарь. К вопросу о культурной принадлежности Киевской группы поселений эпохи ранней бронзы.

- В. Ф. Филатова. Комплекс орудий Оленостровской стоянки на Онежском озере.

- А. В. Кольцов. Изображение рыбы на сосуде из Галичской стоянки.
О. С. Гадзьяцкая. Новые раскопки Тургиновского могильника.
Р. Д. Голдина, А. Я. Крижевская. Одно — поселение эпохи ранней бронзы в западносибирском лесостепье.
Г. И. Корнюшин. Курганы эпохи поздней бронзы у Старой Тойды Воронежской обл.
Б. Г. Тихонов. Третий Старотойденский курган.
Ю. В. Деревягин. Новые памятники эпохи бронзы в бассейне реки Медведицы.
О. Н. Бадер. Бронзовый нож из Сеймы с лошадыми на навершие.
Н. А. Часнова. Литейные формы из с. Беклемишево.
Ю. С. Гришин. О некоторых сибирских металлических литейных формах эпохи бронзы и раннего железа.
А. П. Хлобыстин. Древнейшая литейная форма с антропоморфным изображением из Заполярья.
Г. Н. Матюшин. Памятники эпохи раннего металла на Южном Урале.

III. Хроника

Сектор неолита и бронзы ИА АН СССР в 1967—1968 гг.

Вып. 128

I. Статьи

- Ю. А. Красноя. К вопросу о плуге у племен черняховской культуры.
Э. А. Рикман. Прядение и ткачество у племен черняховской культуры.
В. И. Цехмистренко. О характере керамического клеймения в античную эпоху.
И. Д. Марченко. Об античных глазурованных сосудах.
Э. Б. Вадецкая. Поминальные камни таштыкских могильников.
З. С. Патрушев. Кельты Старшего Ахмыловского могильника и их функциональное назначение.

II. Публикации и сообщения

- Г. И. Андреев. Памятники I тыс. до н. э. на Подкаменной Тунгуске.
В. А. Мотильников. Сперановское городище.
Ю. С. Гришин. Об одной писанице на плите тагарского кургана.

I. Статьи и доклады

- Т. Н. Никольская. О летописных городах в земле вятичей.
М. В. Малевская. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. (по материалам керамики).
П. А. Раппопорт. О местоположении Смоленского города Заруба.
Г. Ф. Корвухина. Русские клады в зарубужных собраниях.
Ф. А. Гуревич. Ремесленная корпорация древнерусского города по археологическим данным.
О. В. Овсянников. Из истории русского оборонного зодчества XVII в.

II. Полевые исследования

- Е. А. Горюнов. Селище Целиков-Бугор на Средней Десне.
К. И. Комаров. Находка раннеславянской керамики на Верхнем Дону.
Г. Ф. Соловьева. Славянские курганы близ г. Рогачева Гомельской области.
В. В. Седов. Раскопки курганов в Верхнем Поднепровье.
З. М. Сергеева. Раскопки курганов в Толочинском районе (БССР).
С. В. Ошибкина. Могильник Пески в Вологодской области.

III. Хроника

- М. В. Седова. Ювелирные изделия из Ярополча Залесского.
К. В. Павлова. Хозяйственные постройки XII—XIII вв. на детинце древнего Новогрудка.
В. И. Кильдюшевский. Постройки XV в. из раскопок Орешка.
М. А. Полубояринова. Русская керамика с Водянского городища.
Е. Г. Суворов. Раскопки дворца XV в. на плато Мангун в Крыму.
В. М. Зубарева, Ю. А. Красноя. Средневековый чувашский могильник у дер. Новое Ядринно.
В. Ф. Каховский, А. П. Смирнов. Ремесленный поселок Сават-Ту в Центральной Чувашии.
- Т. И. Макарова. Работа Сектора славяно-русской археологии в 1969—1970 гг.
В. А. Наваренко. Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1969 и 1970 гг.
А. В. Чернецов. О работе группы по изучению истории земледелия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИБ	— История и археология Боспора
АИКСП	— Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья
АИР	— Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки
ВДИ	— Вестник древней истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского
ДГС	— Древности Геродотовой Скифии
ЕРИИИ	— Ежегодник Российского Института истории искусств
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИА	— Институт археологии
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИКОГО	— Известия Крымского отдела Географического общества СССР
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КСИА	— Краткие сообщения Института истории
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МОПИ	— Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
УзЛГУ	— Ученые записки Московского областного педагогического института
УІЖ	— Український історичний журнал
AJA	— American Journal of Archaeology
BCH	— Bulletin de Correspondens Hellemique, Paris
BSA	— The Annual of the British School at Athen, London
CVA	— Corpus Vasorum Antiquorum
IOSPE	— Inscriptiones oral Septentrionalae Ponti Euxini
JAI	— Journal of Archeological Investigations
SC	— Scythika et Caucasia
SCIV	— Studii et cercetarii Istoriae Veche

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи

Е. М. Алексеева. Предметы из египетского фаянса VI—IV вв. до н. э. в Северном Причерноморье	3
В. И. Пруцко. Эпиграфические клейма Гераклеи Понтийской из Мирмекия	12
Г. А. Цветаева. Производство расписной керамики в Фанагории в VI—V вв. до н. э.	21
И. Т. Круликова. Торговля в сельских поселениях Боспора	24

II. Полевые исследования

И. Г. Шуртая. Греко-египетская курительница из собрания Эрмитажа	30
А. И. Карасев. Раскопки Ольвийской агоры в 1967—1969 гг.	35
Е. И. Леви. Архаическая керамика из раскопок Ольвийской агоры в 1968—1969 гг.	45
А. И. Салов, Т. М. Смирнова. Новые находки в Анапе	53
В. Н. Карасев, Л. С. Лебедева. Гробница у хутора «Рассвет»	58
О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966—1969 гг.	62
А. Н. Щеглов. Курган-кенотаф близ Ярыгачской бухты	70
Е. Г. Кастанаян. Раскопки Порфмня в 1968 г.	77
М. М. Кубланов. Раскопки некрополя Илурата в 1969 г.	83
Т. М. Арсеньева, Д. Б. Шелов. Исследования Танаиса в 1966—1969 гг.	89
Г. М. Ефимова, П. М. Кожин, Б. Г. Петерс. Охранные работы на курганном могильнике у с. Михайловка	97
В. С. Драчук. Новые антропоморфные стелы с единичными сарматскими тамгами	105
М. М. Кобылина. Фанагорийская кровельная черепица первых веков н. э.	112
Н. И. Соколовский. Фанагорийский склеп	115
С. А. Беляев. К вопросу о североафриканской краснолаковой керамике IV в. н. э. из Херсонеса и Керчи	122

III. Хроника

Работа сектора античной археологии (Т. М. Арсеньева)	126
Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1969—1970 гг. (Е. Г. Кастанаян)	129
Содержание выпусков КСИА 121—130	133
Список сокращений	138

Античные памятники на территории СССР

КСИА, вып. 130

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Г. В. Монсенко

Художественный редактор Н. Н. Власик

Технический редактор Н. Н. Плохова

Сдано в набор 24 XI-1971 г. Подписано к печати 28/II-1972 г.
Формат 70x108^{1/16}. Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 10,9. Бу-
мага № 2. Тираж 2500 экз. Тип. зак. 679. Т-03700.

Цена 65 коп.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»,
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12